

• НИКОЛАЙ •

СВЕЧИН

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Annotation

Коллежский асессор Алексей Лыков теперь «уязвим» для преступного мира: женившись на своей давней любви красавице Вареньке Нефедьевой и став отцом двух очаровательных сыновей, бесстрашный петербургский сыщик расследует дело жестокого Варнавинского маньяка. Жертвами этого «зверя» становятся беззащитные дети, и, не ровен час, младшие Лыковы попадут в лапы чудовища... Сможет ли сыщик справиться с собственными страхами и поймать убийцу, не рискуя благополучием собственной семьи? Новый ретро-детектив Николая Свечина — это и трогательная мелодрама, и жесткий экшн, заставляющий вспомнить лучшие образцы жанра!

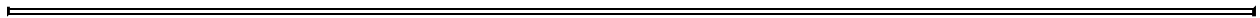
- [Николай Свечин](#)
  - [1. Находка](#)
  - [2. Недокрещенный](#)
  - [3. На Ветлуге](#)
  - [4. Плохая телеграмма](#)
  - [5. В дороге](#)
  - [6. На осадном положении](#)
  - [7. Город Варнавин](#)
  - [8. Первые знакомства](#)
  - [9. Разговоры, разговоры, разговоры](#)
  - [10. Расследование начинается](#)
  - [11. Островский вечер](#)
  - [12. Трудная среда](#)
  - [13. Разведка](#)
  - [14. Новая жертва](#)
  - [15. Тем временем...](#)
  - [16. Смецкая и другие](#)
  - [17. Ваня Модный](#)
  - [18. Конец притона](#)
  - [19. По следу](#)
  - [20. Наконец — то отпуск](#)
  - [21. Дезертир](#)
  - [22. Похождения Фороскова](#)
  - [23. Золото камергера](#)
  - [24. Подсказка короля Пето](#)

- [25. Обратни](#)
- [26. Бой](#)
- [27. Время строить храм](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

Николай Свечин

Дело Варнавинского маньяка

1. Находка

Лыков бесшумно поднялся по черной лестнице, остановился у двери и прислушался. Было тихо. Остро пахло помоями и ретирадным. Следом за Алексеем поднялся коллежский секретарь Бударгин и замер у стены. Три других оперативника Летучего отряда остались ниже на площадке, ожидая команды.

Бударгин вынул револьвер, взвел курок и кивнул Лыкову: давай, мол, ворвемся! Тот покачал головой: что-то не нравилось ему в этой тишине. Жестом отослав помощника в глубь коридора, сыщик спрятался за косяк, провел ладонью перед прозоркой^[1] и сразу отдернул руку. Тут же изнутри грохнули выстрелы, и на дверном полотне образовались три большие дыры.

— Ух ты! — впечатлился коллежский секретарь. Не удержавшись, он подскочил к двери и дважды выпалил в ответ, целясь на звук. Из квартиры бухнуло тоже два раза. Пули, разбрасывая по лестнице щепки, вылетали наружу, как шмели; одна чиркнула Бударгина по рукаву. Тот ойкнул и убрался за косяк.

— Последний остался, — одними губами прошептал Лыков и хватил кулаком пониже прозорки. Раздался шестой выстрел, а следом за ним щелчок экстрактора и звон выпавших гильз. Пора!

Алексей отступил на два шага, собрался и одним сильным ударом плеча выбил дверь. Сыщики ворвались в квартиру. Напротив входа белобрысый парень торопливо снаряжал барабан «смит-вессона» зарядами. Не успел: Лыков так саданул ему кулаком в ухо, что стрелок улетел в кухню.

С оружием в руках коллежский асессор obeжал квартиру, но никого более в ней не обнаружил. Неустроенная и грязная, она была, видимо, малообитаема: мебель в чехлах, окна закрашены мелом, ни вещей, ни следов пребывания жильцов. Только на кухне стоял початый штоф водки и лежал надкусанный огурец.

— Ваше высокоблагородие! — позвали Лыкова от черного хода. — Гляньте, что мы нашли!

Лыков поспешил к задержанному. Агенты Летучего отряда уже надели на него наручники и обыскали. Нож и кастет лежали на сундуке, а старший филер Пестов протягивал начальству револьвер:

— Узнаете?

Это был 4,2-линейный^[2] «смит-вессон» особого образца для скрытного ношения. Длина ствола у него составляла всего два вершка, и отсутствовала шпора для среднего пальца, обычно помещаемая на спусковой скобе. Оружие выпускалось небольшими партиями в Туле специально для сыскных агентов. Малые размеры револьвера позволяли ему незаметно помещаться в кармане. Преступники мечтали заполучить себе такую удобную вещь, но револьверы были номерными, и полицейское начальство строго за ними следило. За последние три года пропал только один такой «смит-вессон»...

— Тот самый? — спросил Лыков, хмуро глядя на арестованного.

— Так точно, ваше высокоблагородие. Его, Красноумова.

В начале весны бесследно исчез секретный сотрудник Департамента полиции губернский секретарь Красноумов. Как и Лыков, он был «демоном» — легендированным агентом, способным внедряться в уголовную среду. Смелый и артистичный, Иван состоял в любимцах всего департамента. Алексей с ним дружил и тяжело переживал случившееся. И вот — эта находка, словно последняя весточка от человека, которого уже три месяца, очевидно, нет в живых.

Коллежский асессор подошел к бандиту, посмотрел на него тяжелым взглядом:

— Рассказывай, где взял.

— А Недокрещенный подарил, когда мы вашего «демона» в Екатерингофке топили, — ухмыльнулся тот, нимало не смущаясь. — Эх он и кричал!

Рука Алексея сама легла на шею бандиту, а по лицу пробежала нервная судорога.

— И про Недокрещенного расскажи, — хрипло потребовал сыщик.

— Щас! — дерзко ответил тот. — Может, и псалом какой спеть?

— Понимаешь, что я сейчас с тобой сделаю? Надеешься с каторги потом сбежать? Дурень; ты даже до участка не дойдешь. Будет тебе ускоренное судопроизводство. Ну? Последний раз спрашиваю.

Сыщик и налетчик смотрели друг другу в глаза. Лицо у Лыкова стало страшное — агенты даже поежились, но арестованный и не думал смущаться.

— Ты кого другого пужай, а я свое отбоялся. Пошел к чертям!

Алексей крикнул через плечо:

— Пестов!

— Здесь, ваше высокоблагородие!

— Сними с него наручники. И закури свою.

— Слушаюсь!

Старший филер не спеша вынул папиросу, раскурил и пустил струю дыма в потолок.

— Смотри, мразь, — снова обратился Лыков к уголовному. — Тебе осталось жизни на три затяжки. Пестов сейчас докурит, и... Будешь говорить?

— Валяй, легавый, — смело ответил парень. — Нет хуже, чем смерти ждать. Ежли я вам сейчас про Недокрещенного что скажу — мне одно не жить. Долго ли, коротко, а он меня спишет. Лучше уж коротко. Валяй, казни! Твоя власть.

Лыков стоял, ждал, пока старший филер докурит. Все молчали. Наконец, Пестов крикнул и швырнул окурок на пол. Лыков кивнул агентам, те, толкаясь, поспешно кинулись на лестницу. Через несколько секунд в квартире раздался выстрел. Коллежский ассессор вышел к подчиненным, убрал дымящийся «веблей» за спину, ладонью стер с лица злые складки:

— Все помнят, что говорить?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил за остальных Бударгин. — Убит при задержании. Вон дверь-то как издырявил!

Через четыре дня в зале заседаний Окружного суда тот же Бударгин стоял перед прокурором и четким баритоном декламировал:

— Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего, мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение же сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Коллежский секретарь торжественно поцеловал Евангелие и крест, придал лицу серьезно-торжественное выражение и посмотрел на прокурора собачьими преданными глазами. Тот строгим голосом произнес:

— Итак, после клятвенного обещания ответьте теперь суду, при каких точно обстоятельствах погиб Иван Сергеев Кошкин, которого вы под командой коллежского ассессора Лыкова пытались арестовать? И не содержалось ли в действиях Лыкова превышения власти и требований необходимой самозащиты?

— Никак нет, ваше высокородие, ничего такого в действиях господина Лыкова не содержалось. Указанный Кошкин стрелял в нас и даже оконтузил мне руку. Он положительно не желал сдаваться. Коллежский ассессор Лыков, не рискуя подвергать опасности жизни членов Летучего

отряда, вынужден был открыть ответный огонь. И я вместе с ним. Инструкция позволяет стрелять в ответ на сопротивление противника, если это продиктовано необходимостью самозащиты.

— Да знаю я вашу инструкцию! — отмахнулся прокурор. — Пятеро на одного — и самозащита. Чему вас там только учат?

Бударгин нахмурился, но благоразумно промолчал.

— Что имеете сказать про обнаруженный на Кошкине специальный револьвер?

— Когда ответным огнем в порядке самозащиты господин Лыков застрелил упомянутого...

— Короче! — рявкнул судейский.

— Могу короче, — обиженно пожал плечами коллежский секретарь. — Когда, защищаясь от преступных выстрелов ответным огнем, господин Лыков поразил злодея, на теле последнего был обнаружен револьвер системы «смит-вессон» специального образца, находящийся на вооружении агентов сыскальной полиции. Сличение номера показало, что оружие принадлежало губернскому секретарю Красноумову, чиновнику особых поручений XII класса Департамента полиции, пропавшему без вести в первых числах марта этого года при выполнении секретного задания.

Прокурор перегнулся через конторку и впился в сыщика сверлящим взглядом:

— А может быть, Кошкин был схвачен живым? И находка револьвера вызвала у коллежского асессора Лыкова чувство злобы и желание мести? Подумайте над ответом хорошенько и помните о клятве на Святом Евангелии. Отчет придется держать перед Всевышним!

И пафосно поднял палец к потолку.

— Никак нет, — уверенно заявил Бударгин и преданно всхлипнул. — Как же я могу нарушить клятву! Кошкин был к тому времени уже убит... ответным огнем в порядке самозащиты. Да и номер мы смогли сличить только по прибытии в оружейное депо департамента. Мало ли таких револьверов на руках? Отпили ствол — и готово дело...

Остальные четыре агента подтвердили показания коллежского секретаря, и судья тут же закрыл дело о превышении власти за недоказанностью. Лыков со своими людьми вышел на Литейный. Там Алексей молча пожал сыщикам руки и отправился на службу доложить начальству. Календарное лето еще не началось — было 26 мая, но жара в 1886 году, видимо, решила взяться за дело раньше срока. Пекло уже немилосердно. Все, кто мог сбежать из раскаленного города, спешили в

отпуска или на дачи. Вот и Благово на прошлой неделе укатил во Францесбад лечить больные почки. Замещавший его статский советник Цур-Гозен принял Лыкова незамедлительно.

— Ну как?

— Ребята отмазали.

— И поклялись, не моргнув глазом?

— Конечно.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул статский советник. — А вообще, чего это прокурор так на тебя взъелся? Дают ему грош, так, вишь, не хорош! Дело открыл... Будто в первый раз при задержании убивают!

— Потому и открыл, что не в первый, — пояснил Алексей. — В прошлом году в Темир-Хан-Шуре — помните, я командировался в Военное министерство? — тоже случилось. Я тогда Раковникова, стервеца, застрелил. Только на Кавказе меня за это похвалили — там разговор короткий; а здесь, в столице, пытались из службы исключить. Чистоплюи. Этого бы прокурорского хоть раз на пули пустить, поди, полные штаны накладет. А других судить горазд!

— Да... — пробормотал Цур-Гозен, который тоже никогда не ходил на пули. — Судейские далеки от жизни, это точно. Но... Алексей Николаич... ты бы того... Ты в отпуску давно не был?

— Два года.

— Вот! — обрадовался статский советник. — Пора и отдохнуть! Ты не обижайся, пожалуйста, но уехать тебе надо. Скрыться с прокурорского горизонта. До осени. Пусть на Литейном все забудут. С глаз долой — из сердца прочь! А в конце августа вернешься и продолжишь служить, как служил. Согласен?

— Отпустят ли? — засомневался Лыков.

— А я переговорю с Дурново^[3]. Объясню ему. У тебя что сейчас из срочного?

— Да все то же. Ограбление Верблюонера.

Цур-Гозен смачно матюгнулся. Банкирская контора Верблюонера располагалась на Невском проспекте, в самом центре столицы. Недоброй апрельской ночью в нее забрались грабители, убили сторожа и похитили германского монетного золота на 112 тысяч рублей. Тевтонский посланник вручил министру Гирсу ноту; расследованием интересовался сам государь. Третьего дня люди Лыкова вышли на парня, который расплатился в «Малиннике» золотой маркой. Проследили его жилище на Охте — и Алексей застрелил подозреваемого при аресте.

— Все равно он ничего бы не сказал, — угрюмо пробормотал

коллежский ассессор. — Знаю я этот сорт... И возможность ему дал. Без толку...

— Я разговаривал с агентами, — ответил Цур-Гозен, глядя в окно. — Можешь не оправдываться. Значит, опять Недокрещенный?

— Так точно. И как же я в отпуск отбуду?

Статский советник долго смотрел на серую ленту Фонтанки, вздыхал про себя и тер маленькой ладонью столешницу. Потом сказал:

— А черт с ним! Сразу после акта Недокрещенный всегда уезжает из города. Сейчас он может быть где угодно, только не в Питере. Государь собирается в Ливадию, граф уже полмесяца, как в Маково^[4]. И чего ты будешь тут париться? Прокурорским лучше пока не попадаться на глаза. Пиши рапорт.

— Есть, Христиан Андреевич! — обрадовался Лыков.

— Куда направишь свои стопы?

— Скатаюсь на недельку во Францесбад, попорчу жизнь Павлу Афанасьевичу. Чтобы медом не казалась... А потом к своим, в Варнавин.

— Эх, везет богачам! — вздохнул Цур-Гозен, живший на одно жалованье. — Вам Бог дал, а нам посулил... (Как многие немцы, статский советник любил употреблять русские поговорки.) Но, Алексей Николаевич, будет тебе одно поручение. Чтобы медом не казалось... Думай, как Недокрещенного взять. Давно уж он нам жилы тянет. Жду тебя в конце августа с планом оперативных мероприятий.

— Будет сделано!

2. Недокрещенный

Банда Недокрещенного впервые объявилась два года назад, в 84-м. Тогда неизвестные ограбили контору Государственного банка в Таганроге, убив трех кассиров и охранника. Поиски злоумышленников ничего не дали. Через три месяца в Москве зарезали Иосифа Чеснавера, богатейшего в городе ювелира, не гнушавшегося покупать и краденое. Начальник сыскальной полиции Эффенбах сумел вычислить наводчика — им оказался родной племянник убитого. От него сыщики получили первые сведения о необычной банде гастролеров. Их было около десятка, они не разменивались на мелочи и не оставляли живых свидетелей. Последнее подтвердилось самым неожиданным образом: племянника удавили в Бутырском МОКе^[5], и исполнителя не нашли... Убитый наводчик общался только с посредником, главаря не видел, но слышал его кличку — Недокрещенный. Произнося ее, посредник, тертый калач, зажимывал глаза и принимал стойку «смирно». Вскоре его тело обнаружили в Даниловке, в канаве.

После третьего ограбления (в Ростове убили самого богатого домовладельца) дело передали в столицу. Департамент полиции начал циркулярный розыск. Словно в насмешку над ним, неуловимая банда провела еще четыре акта: в Одессе, Варшаве и дважды в Петербурге. Налеты обычно следовали весной и в начале лета, а на зиму прекращались. Во всех случаях был один и тот же почерк. И никаких следов, только еще десять трупов.

Благово злился — уже много лет он не испытывал такой беспомощности. Агентура докладывала, что в среде фартовых Недокрещенного не знают. В этом и была загвоздка. Если бы гастролеры принадлежали к уголовному миру, их бы давно уже арестовали. Или как минимум идентифицировали. Конечно, гайменники^[6] Горячего поля в Петербурге или душителю из Даниловских пещер в Москве скрываются от закона годами. В обеих столицах есть много мест, не доступных полицейским облавам. Однако имена злодеев все известны, и при неосторожном их появлении на людях происходит задержание. Здесь же вообще ничего! Не имеется даже примет. Десяток отчаянных головорезов, сведения о которых начисто отсутствуют. Вся секретная агентура оказывается бессильной, если разыскиваемые не соприкасаются с уголовной средой.

Но даже у таких конспираторов имеется одно уязвимое место — это сбыт краденого. Пусть злодеи не ходят на «малины» и не якшаются с ворами, но все равно добытые ценности нужно обращать в деньги. А маклаки все до единого состоят на учете в сыскном отделении, а часто и составляют ту самую агентуру. И если в Нижнем Новгороде их насчитывается 75 человек, то в Петербурге — более тысячи. Таких же, кто в состоянии купить бриллианты большой стоимости, не более трех десятков на всю империю. За них и взялся Департамент полиции. Проявленная при этом особенная энергичность вскоре дала результаты. Темный полтавский ювелир Мойша Зильбервассер не смог объяснить происхождение найденной у него алмазной полупарюры^[7]. Сказал было, что принес неизвестный оборванец, но сыщики только посмеялись. Комплект в двадцать тысяч рублей к таким в руки не попадает. Полупарюра оказалась из вещей, отобранных у Чеснавера. В Полтаву спешно выехал коллежский советник Оконор и с ним два ассистента крепкого сложения и мрачной наружности. Начальник секретного отделения столичного градоначальства славился умением развязывать любые языки. Зильбервассер очень боялся выдавать продавцов бриллиантов, но Оконора это мало интересовало. Когда ювелир понял, что его забьют до смерти, если не расколется, он дал показания. Так в деле появился первый участник банды Недокрещенного, некий Ерославцев. Отставной подпрапорщик, уволенный за неблаговидные по службе поступки, он, видимо, отвечал в шайке за сбыт слама^[8]. Зильбервассер описал приметы бывшего воина. По ним сыщики быстро отыскали Ерославцева в Москве, хотя тот и проживал по подложному паспорту. Арестовывать лиходея Павел Афанасьевич запретил, а велел подвести к нему агента. Так в расследование вошел Иван Красноумов.

Он служил сыскным городовым в Николаеве, когда там появилась и начала греметь банда Атамана Грозы (налетчика Ярошенко). Молодому сыщику предложили в нее внедриться. У него оказался замечательный талант к перевоплощению. Через три месяца банда была ликвидирована, а ее главарь уплыл на Сахалин. Красноумов получил первый классный чин и перевод в столицу. Как спасшийся от ареста николаевский гайменник, он поселился в доме Фредерикса на Лиговке и быстро стал там своим. Трехэтажный доходный дом барона относился к числу опаснейших петербургских клоак: все его обитатели без исключения были фартовые. Уже через месяц коллежский регистратор раскрыл убийство купеческой вдовы в Александровской слободе и помог изловить опаснейшего

дезертира. Чин губернского секретаря стал ему наградой.

Иван числился за Летучим отрядом Департамента полиции и не соприкасался со столичным градоначальством. Однажды питерские сыскные задержали его на облаве с липовыми документами и посадили в ДзПэЗэ^[9] на Шпалерной. Веселый, обаятельный, уверенный в себе, «демон» завел там широкое знакомство и даже сделался старостой камеры. Особенно полезным оказалось его общение с представителями московской «диаспоры».

Между столичными и московскими фатовыми отношения издавна складываются не просто. Это похоже на распрю западников со славянофилами: перо в бок, конечно, не сунут, но козью морду скривят... Москвичи патриоты и неохотно пускают промышлять у себя залетных. Ну, вызовут «варшавских» подломить несгораемую кассу. Простят одесским шулерам пару выигрышей в клубах, но потом предложат и честь знать. Примут на реализацию «красноярки»^[10] от темных сибирских купцов. Вот, пожалуй, и все. Есть преступные профессии, требующие постоянных перемещений, — у таких, конечно, всегда входной билет в Первопрестольную. А прочих могут и попросить. Городское уголовное сообщество едино, и все всех знают, хотя бы и понаслышке; конфликты редки.

Не то Петербург. Столица — один большой вокзал. Фатовые едут со всех концов бомбить жирных питерских гусей. Внутри сообщества никакого единства: Острова живут своей жизнью, Лиговка враждует с Сенной площадью, Горячее поле снимает сливки, а пригородные фабричные окраины воюют против всех. Когда эта разношерстая публика оказывается собранной на четвертом, «воровском» этаже Домзака, распря обостряется и делается всеобщей.

Но в этой дурной сваре у немногочисленных москвичей особое положение. Их никто и пальцем не тронет, потому как потом окажется себе дороже. Мелочь, уголовная шпанка свое место знают и не высовываются. Серьезные же фатовики, кому идти на каторгу, помнят, что дорога туда лежит через Москву. Все арестантские партии с севера, запада и востока Европейской России выходят в свой скорбный путь из Бутырской тюрьмы. Любой питерский «иван», даже самый авторитетный, потеряется в этом полуторатысячном муравейнике. Партии иногда приходится ждать несколько дней, а зимой — даже недель. За это время московские ребята могут припомнить все свои обиды. Во-первых, старосты рекрутируются исключительно из местных. Во-вторых, что еще важнее, вся низовая

тюремная администрация давно куплена московскими деловыми. От субинспектора до помощника смотрителя, а говорят, что и сам смотритель...

За время случайной отсидки на Шпалерной Красноумов сошелся с Петром Наковалкиным, по кличке Кривая Шканда. (Тот сильно хромал — хапиловские перебили ногу за обман.) Наковалкин держал лучшую в Москве подпольную кассу ссуд и обслуживал первостатейных налетчиков. Сюда он попал случайно. Московские сыщики обнаружили у Петра в закладе янтарный с золотом мундштук, похищенный у егермейстера графа Олсуфьева. Начальник Петербургской сыскной полиции Виноградов любил дела, где замешаны хорошие фамилии, и брал их на свой контроль. Наковалкина через день таскали на Офицерскую и добивались признания: Виноградов хотел отличиться перед графом.

Благово решил воспользоваться ситуацией и подобраться к Недокрещенному. Вдруг выгорит? Из секретных сумм департамента Красноумов дал статскому советнику Виноградову восемьдесят рублей «лапок»^[11] и вышел на свободу. Перед самым освобождением он открыл Кривой Шканде секрет своего успеха. И предложил помочь повторить трюк, причем готов был дать нужную сумму взаймы.

Наковалкин с благодарностью согласился — дела в Москве стояли, он нес убытки и рисковал угодить на каторгу. Из тех же департаментских фондов «демон» лично вручил главному сыщику столицы тысячу двести рублей за отпуск ростовщика. Дурново весь изошелся желчью, подписывая ассигновку. «...В интересах продолжения операции... — бурчал он. — Я бы этой... нашел куда засунуть требуемую сумму, ракалье!» Но банда Недокрещенного гуляла на свободе, и все средства для ее поимки были хороши.

Кривую Шканду выпустили за недоказанностью, и он укатил в Москву. Через неделю Красноумов поехал следом — взыскивать долг. Благодарный маклак «накрыл поляну» в уголовном трактире Полякова, где был желанным посетителем. В конце гомерической пьянки «демон» вскользь упомянул, что по старым ярошенковским делам близко сошелся в свое время с братьями Цунзер. Это были крупнейшие в Варшаве, а может и в России, маклаки-ювелиры. При желании братья могли бы купить даже большую императорскую корону, причем через два дня камни из нее уже были бы в Роттердаме.

Наковалкин, умеющий пить не пьянея, промолчал, но при расставании спросил:

— Ты, Вань, когда назад собираешься?

— В ночь поеду, — ответил тот и икнул.

— А погоди еще денек!

— Пошто?

— Дельце имеется, хорошее дельце.

«Демон» насторожился и посмотрел на ростовщика трезвыми злыми глазами:

— Петр! Какое еще дельце? Ты ж только-только отначился^[12]. Тебя еще пасут наверняка! Ваш Эффенбах — не наш Виноградов, он «лапок» не берет. Сам сгоришь и меня утянешь. Поеду я...

— Тысячное дело, Ваня, гад буду! Уедешь — локти потом кусать станешь. И не пасет меня тут никто, я справлялся. Ну?

— Чего «ну»? Говори, Шканда.

— Сверкальца^[13] имеются. Дорогие, мне не по чину. Помоги людям с Цунзерами столкнуться, они тебе хороший лаж дадут.

«Демон» снова икнул, подумал и сказал:

— Щас ничего не скажу. Потому — херый я. Завтра решу, на трезвую голову. Боязно чего-то... но серсы нужны, пра-дело, нужны. Отвези меня в гостиничку, где клопов меньше миллиона, и к завтраку подходи, перетрем.

Утром маклак и налетчик встретились снова и пили только чай. Шканда рассказал, что имеются бриллианты в оправе и без, общей стоимостью двести тысяч рублей. Люди хотят получить за них сто тридцать, наличными и сразу, и готовы приехать показать товар. Лаж посредника их не интересует. Еще маклак добавил, что в России эти камни сбыть нельзя, поэтому цена такая низкая.

Красноумов выслушал, подумал и сказал, что хочет увидеть держателя сокровищ. Наковалкин тем же вечером привел отставного подпрапорщика, назвавшегося вымышленной фамилией. Благово торопил с выходом на главаря, поэтому «демон» заявил Ерославцеву:

— Я со шпанкой дел не веду. Зови маза, будем с ним торговаться. И не здесь, а в Питере.

— Тебе самому лучше бы нашего маза не знать, — степенно ответил бандит. — Дольше проживешь. Товар получишь от меня и деньги отдашь тоже мне.

— С тобой, дядя, только халамидники^[14] будут договариваться, — ухмыльнулся Иван. — С братьями так не выгорит. Они меня спросят — я им что скажу? Что с шестеркой условился? Ярошенку своего я им в Варшаву на смотрины возил — только тогда по рукам ударили.

Стороны не пришли к соглашению, и Красноумов ушел из трактира.

Он вернулся в столицу и, допуская, что за ним могут следить, вел себя очень осторожно. Действительно, с самого вокзала за губернским секретарем шел «хвост». В доме Фредерикса москвичи, видимо, купили коридорного — вещи «демона» были обысканы. Иван вел жизнь обычного мазурика и на связь с департаментом не выходил. Еще на дебаркадере он сумел незаметно сунуть рапорт в карман «носильщика» и теперь просто ждал. На третий день у подъезда его встретил Ерославцев.

— Вы по-прежнему требуете встречи с нашим главнокомандующим? — спросил подпрапорщик не здороваясь.

— Разумеется.

— Назовите время и место.

— Ну... скажем, в три пополудни в «Риме». Знаете? Апраксин переулочек, против Суворинского театра. Хорошее место.

«Хорошее место» было известной в городе клоакой, где всегда толпился разный темный народ.

— Мы будем, — кивнул головой Ерославцев и ушел. А губернский секретарь отправился на Невский. Проходя по Знаменской площади, он на ходу снял барейку, стряхнул с нее какую-то соринку и опять нацепил на голову. Через четверть часа Благово получил сообщение, что встреча назначена, причем место и время соответствуют договоренностям. Девять оперативников Летучего отряда во главе с Лыковым с часу дня заперли с обоих концов Апраксин и Торговый переулки. Они не стали маячить ряжеными на улице, а укрылись в заранее снятых квартирах. Ничто не выдавало стороннему наблюдателю их присутствия.

Но противник оказался хитрее. За полчаса до встречи Красноумов вышел из греческой чайной на Театральной площади, собираясь направиться в «Рим». Подле двери его подхватили два рослых парня и насильно усадили в карету на санном ходу. Внутри «демона» ожидал Ерославцев. Движением ладони он пресек возмущенную реплику:

— Тихо! Знакомство будет, но в другом месте.

В банде все оказалось продумано до мелочей. Как только карета свернула за угол, Ивана мгновенно и без суеты пересадили в закрытый возок с какой-то баронской короной. Коляска как ни в чем не бывало поехала дальше, уводя за собой возможную слежку, а возок отправился на Петербургскую сторону. Красноумова зажали с обеих сторон чугунные плечи. Он только одобрительно хмыкнул. Через полчаса остановились на Зверинской, возле крайне нехорошего трактира «Днепр». Это был «пчельник» — заведение исключительно для уголовных. Здоровый детина на входе увидел Красноумова и осклабился:

— А, Ванятка! Проходи, бисов сын!

— Привет, Сеня, привет, — ответил «демон» и спокойно шагнул внутрь, пояснив через плечо Ерославцеву:

— Это Сенька Майборода, налетчик. Вместе сидели.

Через минуту в отдельном кабинете состоялась долгожданная встреча агента с самим Недокрещенным. Беседа с неспешным обедом заняла около часа. Иван составил о ней подробный рапорт, который Лыков затем выучил наизусть. Главарь пришел в «Днепр» сильно загримированным и долго с непривычки вытаскивал капусту из наклеенной бороды. Парик, зеленые очки и искусственно состаренная кожа лица и рук сделали его, казалось бы, совершенно неузнаваемым. Тем не менее Красноумов записал некоторые приметы. «Рост 2 аршина 7 с четвертью вершков^[15]. Плотный, корпусный. Лицо слегка вытянутое, не деревенского типа, с поджившими на левой щеке угрями. Глаза темные, цвет определить не удалось. Зубы здоровые. Возраст 30–35 лет. В осанке есть что-то военное. Голос приятный, чуть сиплый. Одет в рубашку сатино крем, триковый жакетный костюм с брюками навыпуск, обут в личные сапоги с галошами. Задумавшись, болтает ногами под столом. Когда ест, не подносит ложку ко рту, а, наоборот, придвигает к ней голову. Кушает опрятно, этикетно; видимо, имел хорошее воспитание. Очень быстро соображает, владеет мимикой лица, постоянно наблюдает вокруг себя. Легко способен подчинить собеседника своей воле. Общее впечатление: весьма умен и крайне опасен».

Губернский секретарь указал также и приметы некоторых лиц из окружения главаря. Один был высокий, атлетического сложения. Второй, одетый простолюдином и украшенный крестьянской бородой, не смог скрыть аристократических манер. У третьего, жгучего брюнета, корни волос оказались рыжими.

Это был последний рапорт Ивана Красноумова. Знакомство с Недокрещенным закончилось для него благополучно. Он вернулся в квартиру, записал сообщение и положил его в тайник. На другой день, проходя по Знаменской, агент подал знак, что готовится новая встреча. Изначально существовала договоренность, что филеры департамента наблюдать его не будут. Любая слежка рано или поздно раскрывается. Быстрая передача сообщений предусматривалась через буфет 2-го класса Московского вокзала. Лыков и его помощники каждые полчаса проходили мимо буфета и косились на лицо официанта Тимохи Штатникова. Но послание так и не пришло. Губернский секретарь просто исчез. Видимо, он чем-то себя выдал, и Недокрещенный приказал его убить. Рапорт, позже

обнаруженный в тайнике, оказался последней весточкой от Ивана. Умный, смелый и очень еще молодой человек погиб, и тело его так и не было обнаружено. Зато нашли отставного подпрапорщика — он лежал зарезанный у Волчьей канавы Горячего поля.

И вот теперь Лыкова выгнали в отпуск с приказанием готовить план мероприятий по поимке Недокрещенного. Эх ма... Самому, что ли, в «демоны» податься?

3. На Ветлуге

Уже две недели, как Лыков проживал в квартире на Моховой один, только лишь с кухаркой. Ходить по шестикомнатным хоромам и кричать «ау!» было грустно. Варенька с детьми уехала на все лето в далекий Варнавин, и встреча с ними ожидалась только в конце августа. А тут вдруг — неожиданный отпуск! Алексей пробежался по гостиной, насвистывая что-то веселое из оперетки, опрокинул на радостях получарку рябиновки и полез в шкаф собирать вещи.

Большое заповедное имение Нефедьевых досталось сыщику в опеку после женитьбы. Оно включало в себя тридцать тысяч десятин строевого леса, большую усадьбу над поймой Ветлуги и дом со службами в крохотном, окруженном тайгой городке. Все эти богатства долго мешали нищему чиновнику сделать предложение. Несчастливая сирота, Варвара Александровна три года дожидалась, пока лихой коллежский асессор решится к ней посвататься. Сейчас майорат принадлежал в равных долях близнецам Лыковым-Нефедьевым: Павлу (семейное прозвище Брюшкин) и Николаю (по прозвищу Чунеев). Богачам было год и девять месяцев, и они перебаламутили все население поместья. Супруга давеча прислала Алексею описание их проделок — такое и трехлеткам не всем под силу... Дети росли крепкие (было в кого), веселые, но немного озорные. Ян Титус, друг и управляющий в одном лице, тоже успел родить двух девчонок. Получилась настоящая банда, за которой требовался неусыпный надзор. Варенька, жена Титуса Агриппина, няня Наташа и две горничных едва с этим справлялись.

Лыковское семейство отдыхало в Нефедьевке впервые. В прошлом году дети были еще слишком малы для таких переездов. Да и главный дом требовал починки — в нем давно уже никто не жил. Титус усиленно занимался стройкой, благо лес был собственный, а ветлужские мужики топором владеют, что Паганини смычком. Вернувшись тогда с Кавказа, Алексей испросил недельный отпуск и съездил в Варнавин на разведку. Увиденное поразило его. Широкая стремительная Ветлуга, тайга без конца и края, наполненные зверьем дебри, тихие лесные ручьи, скрытые в чаще староверческие скиты... Редко где в уезде встретишь запашку: людей кормят лес и река. Ветлугаи — особый народ, ни на кого не похожий. Ян, сидя с Лыковым на высоком обрыве, подробно описал ему местный хозяйственный механизм.

Все уголья, за вычетом казенных дач, находятся в частном владении. Владение это очень выгодное — стоимость леса каждые десять лет утраивается. По Волге ниже Казани все давно уже сведено, по Каме с Вяткой тоже. Настоящий лес в Европейской России остался только тут, в Поветлужье. Спрос же постоянно растет, особенно в Закавказье и на Украине. Шахты и пароходное движение потребляют дерево в огромных количествах. Сейчас значительную часть дела держат в руках два «лесных туза» — дворянин Лугинин и купец Ефремов. Каждый из них сплавляет по весне до трехсот плотов из собственных делянок. Почти все уголья, до самых верховий Ветлуги, уже скуплены ими, но есть и еще серьезные лесовладельцы. Самая большая дача — старика Челищева, но он сплавом не занимается и леса свои забросил. Следующие за ним по значимости — Нефедьевы и Базилевские. У Алексея с Варенькой — 30 000 десятин, у Базилевского — 21 000; после них идут уже менее значительные хозяева.

Заготовка леса выглядит так. Лесоохранительный комитет доводит до владельцев годовые нормы вырубki. Имея эти цифры, хозяин дачи осенью сговаривается со «съемщиком» — главным лицом всего процесса. Тот «снимает» леса под зимнюю вырубку на определенных условиях, чаще всего из трети, но иногда и исполу^[16]. Целую зиму нанятые им мужики валят строевые деревья и на своих лошадях волоком стаскивают их к берегам лесных ручьев. Бревно стоит 15–20 копеек; обычно с десятины делянки снимают только один, самый спелый ствол. Хищники пилят и больше, но такая делянка погибает безвозвратно, лес на ней больше не восстанавливается.

К началу весны возле маленьких речушек скапливаются огромные штабели леса, и те же рубщики начинают «свивать» стволы в звенья, по две-три штуки в каждом. В качестве вязи используются ветви — никаких веревок или канатов, за их дороговизной, не применяется. Широкие звенья здесь связывать нельзя — узкое русло не пропустит. Когда реки и ручьи вскрываются, рубщики производят последнее для себя действие — спускают звенья до Ветлуги. При этом бревна должны быть наполовину очищены от коры, чтобы обнаружить качество древесины. У места впадения речушек в главный поток мужиков уже дожидается съемщик и производит с ними расчет. Если ствол принят, он ставит на нем свое клеймо. Рядом выжигает казенное клеймо лесник и сообщает данные о вырубках в комитет. После приемки мужики возвращаются по домам, а их место заступают новые действующие лица — бурлаки. Народ это смелый, даже отчаянный, и происходит почти исключительно из верховьев Ветлуги. Жители нижнего и среднего ее течений недолгобливают верхних своих собратьев и

презрительно называют их «адуи — зеленые глаза». Это — самое страшное оскорбление для бурлака: слыша его, он бранится и, при возможности, лезет на кулачки. Происходит слово «адуи» от названия Спирино-Адуевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии^[17], все население которой поголовно бурлачит.

Между тем работа у адуев самая тяжелая. Сначала они из пригнанных по малым речкам звеньев связывают (опять ветками) так называемые челены — большие звенья, состоящие из 40–60 стволов. Затем скрепляют их воедино в плот. Бывают простые плоты-однорядки, составленные из 6–8 челенов; управлять ими относительно легко, но доход бурлакам они дают незначительный. Опытные плотгоны поэтому связывают грузовики, или, иначе, соймы. Грузовик — это тяжелый многослойный плот, где каждое челено состоит из 3–4, а то и 6 рядов бревен. Любой плот — и легкий, и тяжелый — составляется в виде длинной трапеции, у которой головное челено шире концевое. Впереди ставят носовой руль — навесь, а в конце — хвостовой руль, или поносное. На втором от хвоста челене обязательно помещают шалаш. Все связки бурлаки производят вручную в ледяной весенней воде. Работа кипит лихорадочная — надо успеть провести неуклюжие плоты на Волгу до окончания паводка. Сплав по Ветлуге, как и судоходство, возможны только до первых чисел июня. Когда талая вода спадает, всякое крупное движение по реке останавливают перекаты. Их много, но есть лишь три опасных, труднопреодолимых: Карандышевский возле Варнавина, Благовещенский против одноименного села и еще в устье, при впадении Ветлуги в Волгу. Этих трех препятствий летом достаточно, чтобы парализовать всякое судоходство. Напрасно лесопромышленники и администрация трех губерний много лет умоляют власти выделить средства на доставку сюда землечерпалок и карчеподъемниц^[18]... Правда, в иные годы обильный паводок позволяет плавать аж до середины июня, но такое выпадает не часто. Съемщики торопят бурлаков — им надо успеть проскочить все перекаты и доставить груз в Козьмодемьянск. Этот небольшой городок на правом берегу Волги несколько ниже впадения в нее Ветлуги на несколько недель становится главной лесной биржей империи.

Итак, бревна приняты и заклеимены, челены связаны в плоты, команда адуев набрана. Начинается собственно сплав. Длинный тяжелый плот движется по быстрой и очень извилистой реке, словно поезд летит по рельсам. Каждый поворот — страшное испытание для людей: нужно успеть повернуть малоподвижную махину прежде, чем ее вынесет на берег.

Еще хуже перекааты. Уровень воды на них меняется несколько раз в сутки. Перекат обозначен бакенами, на которых цифрами выставлена глубина. Однако верить этим меткам нельзя. Бакенщики — самый дрянной и безответственный народ на реке; не зря их называют «лень перекатная». Своим главным занятием эти пьяницы считают не промер глубин в интересах судоходства, а ловлю стерляди. Последнее бакенщики производят действительно мастерски. Продав же добычу, покупают на вырученные деньги водку, напиваются и засыпают в теньке. А тяжелый плот, если вылетит с разбегу на мель, застревает на ней так, что не сдвинешь. Тогда бурлаки, матерясь, раздеваются и лезут в воду. Разбирают сойму на челены, челены — на звенья, перетаскивают через мель и у берега заново связывают. Но самая большая опасность — это острова, перегораживающие русло. Если плот не сумел прошмыгнуть в узкий рукав, он налетает с разбега на остров и разбивается. Челены от удара рассыпаются, и деревья по одиночке уплывают вниз по реке. Кто-то их там, конечно, подберет, но для съемщика это большой убыток. А для лоцмана на плоту конец всей карьеры — больше никто и никогда не доверит ему вести сойму в Козьмодемьянск. Самое опасное из таких мест — остров Прудовский выше села Благовещенского, прямо напротив усадьбы господина Поливанова. Сколько плотов там разбилось — страсть; и народу немало погибло. На Ветлуге это запросто. Стоит, к примеру, на головном челене бурлак и толкается от дна длинным шестом, помогает править рулевому. Вдруг попадаетеся яма. Шест проваливается вглубь на всю длину, бурлак по инерции летит вниз головой в воду... Когда длинный плот пройдет над несчастным, то даже шапку его уже не отыщешь. Каждую весну река забирает несколько жизней, но промысел продолжается. «На воду суда нет», — говорят об этом сами бурлаки.

Есть и другие, не столь опасные способы лесного сплава. Так, в верховьях Ветлуги из бревен собирают беляны. Это такие несмоленные плоскодонные барки, сложенные без единого гвоздя и проконопаченные лыком. Беляна — груз, который везет сам себя. В отличие от сойм, барки доводятся своим ходом до Саратова и даже Астрахани, где разбираются. В трюме и на палубе перевозится самое ценное — тес, доски, брус и даже собранные избы. Плывет такая дура по реке — будто деревня путешествует! Самая маленькая беляна тащит товара на 15 000 рублей. А порой собирают чудище пятидесяти саженей в длину и двенадцати — в ширину. Грузоподъемность такой барки составляет до 800 000 пудов, со стоимостью товара свыше 50 000 рублей. Крушение подобного гиганта — а это редко, но случается — означает разорение съемщика.

Беляны, как и соймы, сплавляются силой течения, но и от людей требуются большие труды. По руслу реки тяжелые барки сами маневрировать не могут; это делает команда с помощью особых лотов. Большие чугунные болванки весом до 300 пудов имеют на боках крупные выпуклые шишки. Специальным воротом болванки спускаются в воду на крепких канатах и начинают волочиться по дну, цепляясь шишками за его неровности. Этим бег плота или барки сдерживается и направляется. Особо необходимо применение лотов в узких проходах или на повороте. Спуск и подъем лота очень опасны. Если канат оборвется под тяжестью, лопнувший его конец разит всех вокруг, словно меч. Известны случаи, когда стоящему на вороте человеку срезало голову...

Короткий по времени сплавный промысел кормит тем не менее тысячи людей. С начала апреля и по июнь идут по Ветлуге бесконечные караваны плотов.словно канонерки, несутся по сильному течению беляны. Все напряжены, все торопятся. На ночь сплавщики чалятся к берегу, выставляют на плотах особые огни, разжигают рядом костер и наспех отдыхают. Днем каждый плот имеет еще и флаг с инициалами лоцмана. В конце мая на реке тесно. Случаются зацепы и столкновения, а с ними и драки. Все бранят бакенщиков, а те спят в кустах. Жители прибрежных сел делают свою коммерцию — подвозят бурлакам провизию и водку. Тогда начинаются стычки посерьезнее, даже с увечьями. Однако по пути вниз бурлаки напиваются относительно редко: работы много, и деньги еще не получены. Они возьмут свое на обратном пути. Когда плоты делаются уже редки, снизу появляются ветлужские пароходы. Маленькие и грязные, они везут адуев по домам. На палубе яблоку упасть некуда, а пьяная залихватская песня слышна на весь плес. Буфет мгновенно опустошается, и плавание проходит впроголодь для всего населения парохода. Чистая публика негодует, но молчит — с адуями шутки плохи. Значительную часть своей скромной выручки они тратят на выпивку. Когда триста пьяных мужиков начинают хозяйничать на судне, никому не приходит в голову им перечить. Особенно любят бурлаки высмеивать припозднившихся своих товарищей со встречных плотов. Когда пароход поравняется с таким, адуи сбегаются на ближний к ним борт, грозя опрокинуть посудину. Начинаются соленые шутки, насмешки и издевки над своим же братом — бурлаком. Пароходы развозят сплавщиков по ветлужским пристаням. Постепенно на палубе становится все просторнее и просторнее. Капитаны тоже спешат — им нужно вернуться в низовья до спада воды. Расписания поэтому никакого не существует, торговые интересы игнорируются, пассажиры не берутся. Народ скандалит, но изменить ничего не может. Иногда мужики, пристань

которых пароход хладнокровно проплыл без остановки, бьют капитана и всю команду по мордам. Вот такая навигация...

4. Плохая телеграмма

Все это рассказал тогда Лыкову Титус, сидя на крутом берегу Ветлуги. Объяснил и свои планы усовершенствований в имении. Во-первых, Ян сам предполагал выступать съемщиком, что сэкономило лесовладельцам до половины выручки. Во-вторых, он решил отказаться от плотов и весь материал сплавлять белянами. Риск катастрофы меньше, лес доставляется быстрее и сразу большими партиями. Если нанять лучших капитанов и лоцманов, даже за хорошее жалованье, в Козьмодемьянске окажешься раньше многих и успеешь снять сливки. И в-третьих, он предлагал от торговли лесом перейти к продаже продуктов переработки. Управляющий уже поставил на Нефедьевской пристани лесопильню, а в самой даче планировал устроить паркетный завод. Следующей весной он собирался привезти на Козьмодемьянскую биржу не дешевые бревна, а тес, штакетник, рейку и готовые избы. Даже стружка у Яана не пропадала — она шла на конопачение тех же изб и еще закупалась посудными фабриками для упаковки. Отдельно Титус обдумывал поставлять дрова — на безлесый юг и Каспий.

Лыков одобрил все эти планы и сказал бывшему сыщику с уважением:

— Ты, Яша, словно всю жизнь коммерцией занимался. А я думал, только жуликов ловить умеешь...

— Эх, Леха. Это для меня такая радость: мирным трудом семейство содержать. Надоели эти жулики! Всегда желал ходить без шпалера, а по вечерам детям книжки читать, а не в засаде париться. Так что новой жизнью я весьма доволен.

— И не тянет к прежнему? — удивился Алексей. — Я бы, наверное, не смог...

— А ты и не пробовал. Имение есть, семья. Займись хозяйством! Тут дел — до скончания века не переделать.

— Нет! — в ужасе вскричал коллежский асессор. — У меня для этого ты нанятый, вот ты и улучшай. А я останусь при прежнем ремесле. Скажи только — каково оно, ходить без револьвера?

Титус вдруг при этих словах оглянулся по сторонам и ответил вполголоса:

— Не знаю. Я тут, понимаешь, своими нововведениями много чужих интересов задел. При Нефедьевской даче раньше куча народа жировала. Лес снимали только исполу — сразу вдвое хозяина обирали. Притом

хищничали, валили по пять-шесть стволов с десятины вместо одного. На лесном кордоне объездчики сговаривались с крестьянами и позволяли им за взятки незаконную порубку. Я весь сброд повыгонял, а хищников оттер. Ну и... Получил предостережение. Зря, мол; нужно с людьми договариваться, а не то...

— Та-а-ак... — протянул Алексей. — А чего молчал? Давно было предупреждение?

— Молчал потому, что тебя ждал. Такие вещи в письмах не объясняют. Разговоры — их было три или четыре — прошли все в этом апреле. Я сделал по-своему, в итоге нам подожгли лес. Потушили быстро — я ожидал подобного и подготовил пламегасительные снаряды, но убытки мы понесли. Потом выстрелили в меня на лесной дороге.

— Выстрелили?!

— Тут с этим просто. Места глухие, чащобные. А я весь день в хлопотах, туда-сюда езжу; устроить засаду ничего не стоит. Народ опять же лесной — и беглые есть, и дезертиры. Уренская волость вся старообрядческая, они там черта укроют за малую мзду.

— Как же быть? Может, ты того... отъедешь маленько? Денег нам хватит, а твоя жизнь дороже выручки. Яш, брось свои принципы к лешему! Я, в конце концов, приказываю!

Титус очень серьезно поглядел Лыкову в глаза и вздохнул. Снова оглянулся через плечо, и только сейчас Алексей заметил, что вид у его друга очень озабоченный.

— Нельзя отъезжать, Леш. Ты уж мне не приказывай такое. Им сунешь палец — откусят всю руку, я знаю. Нефедьевых при прежнем управляющем обворовывали ежегодно не менее чем на тридцать тысяч. Половина уезда этим кормилась! Отпустим сейчас вожжи и уже не удержим их никогда, все на старые круги вернется. Или они меня запугают и сломают, под себя переделают, или у твоих детей в имении будет порядок.

— А полиция? Ты обращался?

— Полиция здесь, Леш, только пьяных у кабаков собирает, чтобы потом выпустить с пустыми карманами. Что ты, не знаешь, какая полиция бывает в уездах?

— Я сегодня же побеседую с исправником! Пугану так, что мало не покажется — пусть помогает тебе.

— Чем же ты его пуганешь? Своей службой в департаменте? Так ведь Петербург далеко, и чин у тебя незначительный. Приедешь раз в год на неделю и опять укажишь. И в Костроме мы с тобой никого не знаем. Не обольщай себя.

— Хорошо. Чем я могу тебе помочь?

— Я хочу заменить всех объездчиков. Всех. Развращенные люди, их уже не переделаешь. Найму честных мужиков, лучше из бывших егерей и пограничной стражи. Придется — объявление дам в газетах. Жалованье, жилье, пенсия — только служи на совесть.

— Одобряю. А еще?

— На заводах у меня люди надежные, вся беда в кордонах. Заменю объездчиков, и все поймут, что у меня не забалуешь. Тогда отстанут.

— Возьми себе охрану, один больше не езд. Выпиши опытного человека из Нижнего, а лучше двух. Таких, кого сам знаешь и доверяешь. Денег на это не жалей. Что еще? Говори сейчас, пока я не уехал.

— Этого достаточно. Но есть еще дело. Посерьезнее этого.

— Что может быть серьезнее? — удивился Лыков.

— Кто-то в Варнавине детей убивает.

Лыков опешил:

— Здесь? В этом сонном царстве? Маньяк?

— Да.

— Когда это началось? И сколько жертв? Кто они?

— Три ребенка за последние два года. До этого не случалось.

— Черт! Вот это новость... А я своих сюда собираюсь на лето отпускать; а твои вообще тут живут... Расскажи все в подробностях! Что говорят исправник и судебный следователь, какие имеются улики или догадки; о жертвах расскажи.

— Судебный следователь молчит под предлогом тайны следствия. Я для него частное лицо, он мне отчетом не обязан. Исправнику вообще все безразлично. Он вообще какой-то... снулый. Поэтому об уликах ничего сказать не имею. Вот про жертвы кое-что знаю. Я сунул пятишницу нашему становому, и тот рассказал. Он осматривал два трупа из трех. Мальчика десяти лет и одиннадцатилетнюю девочку.

— То есть убийства были в вашем стане?

— Нет, в самом Варнавине. Становой оба раза замещал городского пристава^[19]; тот что-то часто бывает в отъезде. И в оба раза случилось такое несчастье. Детей удавили.

— Где и как нашли тела?

— Оба тела нашли в овраге между крайними домами и кладбищем для бедных. Кстати, в трехстах саженях всего от вашей городской усадьбы. Место хоть и близко от жилья, но нехорошее. Глубокое ущелье, заросшее лесом. Черт ногу сломит. Люди там не ходят, боятся.

— Детей просто удушили? А...

— Нет, полового насилия не было. Но удушили их не просто, а сначала мучили.

Сыщики — бывший и настоящий — замолчали. У Лыкова под скулами ходили желваки. Наконец он сказал:

— Ты упоминал о трех жертвах. Кто третья?

— Еще один отрок, постарше, двенадцатилетний. Его обнаружили месяц назад под мостом через речку Красницу. Становой сам тела не видел, но говорит — тот же почерк.

— Каких семей были дети?

— Мещан и проживающих в городе крестьян. Все из простого сословия.

— Значит, у вас тут маньяк...

— Маньяк.

— Етит твою!!! — рявкнул Лыков, грозя кому-то кулаком. — Тихий сонный городок!

— Да. И в нем мои дети. А со следующего лета и твои.

— Надо поймать этого гада. Ты уже об этом думал?

— Разумеется. Я же не самый плохой был сыщик, правда? Придется только одному, на полицию рассчитывать нельзя.

— Жалко, я тебе тоже не помощник. Благово телеграмму прислал — надо срочно ехать в Варшаву. Там опять пристава убили. Как же ты один-то?

— Придется постараться. Очень!

На этом тогда их разговор закончился. Лыков перед отъездом зашел к исправнику, но того не оказалось на месте. Замещавший его помощник оказался человеком недалеким и не смог дать никаких разъяснений. Всю осень и зиму Алексей интересовался у Титуса, как продвигается расследование. На Рождество тот сам приехал в столицу. Рассказал, что все тихо, новых убийств не было и улики никаких добыть не удастся. Отсылая две недели назад Вареньку с детьми в Варнавин, Алексей вынужден был рассказать ей о страшных происшествиях. Строго-настрога запретил оставлять мальчиков без присмотра даже во дворе дома, а за ворота выходить только в сопровождении Степана Окунькова. Степан был дюжий парень, из бывших нефедьевских крепостных, преданный и надежный. Его приставили к Павлуке с Николкой на правах дядьки, ко всеобщему удовольствию и пользе. Тем не менее варнавинский маньяк не выходил у Алексея из головы. Нежданный отпуск оказывался очень кстати — теперь можно будет помочь Титусу.

Собрав вещи, коллежский асессор сунул в карман пачку червонцев и

бегом спустился вниз. Хорошо быть состоятельным! Первым делом он отослал помощника дворника на вокзал за билетом до Москвы. Прибавил полтинник, и детина полетел на всех парах... Далее Алексей отправился по гостям. Начать он решил с городского Федора Кундрюцкова. Этого человека сыщик три года назад встретил в Первопрестольной, когда разыскивал убийц бывшего министра Макова. Хлопца тогда звали Федя-Заломай, и он за еду и выпивку охранял аборигенов Котяшкиной деревни от бандитов Грачевки. Схватившись в минуту знакомства с Лыковым на кулачки и получив тумачков, Федя проникся к нему уважением и поступил в полное подчинение. Недалекий, очень сильный и очень простодушный, он как раз тогда стоял на грани: сделаться бандитом или остаться честным человеком. Алексей увез его в Петербург и взял шефство. Теперь никто уже не помнил, что такое был Федя-Заломай. Существовал городской среднего оклада Федор Кундрюцков, образцовый служака. Великан успел уже и жениться на мещанке с Охты, причем Лыков выступил на свадьбе посаженным отцом. По случаю женитьбы Федор выселился из казарм Полицейского резерва и въехал в полуподвальную квартиру на Малой Морской.

Нынешний император не любил Зимнего дворца и в редкие свои приезды из Гатчины в столицу останавливался в Аничковом. (Там он жил еще цесаревичем.) Градоначальник Гессер заметил это и поставил осанистого и представительного Федора на Невском против ворот царской резиденции. Расчет его оправдался: в очередной свой приезд Александр Александрович заметил нового городского, подозвал и поговорил с ним. Простая благообразная речь постового понравилась государю. Гессер сиял, а сам Кундрюцков был на седьмом небе от счастья. Служба Федору весьма удавалась. Необычайно эффектный в мундире и при оружии, аккуратный, степенный и надежный, он со всеми ладил. Многие находили в его рослой могучей фигуре сходство с молодым императором (сейчас, надо признать, их величество сильно располнели). Сигклитиния, молодая жена Федора, оказалась доброй и приветливой женщиной, души не чаявшей в муже. Она обнаружила большой житейский ум в соединении с тактом и скоро стала направлять своего Феденьку, иногда уж слишком простоватого, по скользким тропинкам бытия. Делалось это незаметно для окружающих, но успешно. Сошлась супруга и со своей свекровью. Платонида Ивановна хоть и постарела, но была довольна ходом жизни; составилось замечательное семейство. Все шло к тому, что к следующему Рождеству Алексею предстояло перелицеваться из посаженного отца в крестные.

Выйдя на Невский, сыщик издала увидал своего подопечного,

шефство над которым он постепенно передавал Сигклитинии. Федор, обнаружив наставника, растянул рот до ушей и молодецки откозырял. Договорились, что в девятом часу Алексей зайдет на Малую Морскую испить чаю, и сыщик отправился дальше. Вечерело, но белые ночи чудо как хороши в столице. Это время года Лыков особенно любил в Петербурге. А тут еще предстоящий отпуск! Скоро он обнимет Вареньку, взгромоздит на плечи Брюшкина с Чунеевым. Коллежский ассессор шел навестить другого своего приятеля, подполковника Закс-Гладнева.

Этого человека сыщик впервые встретил в Забайкалье. Три года назад по поручению уголовного «короля» столицы Анисима Лобова он пробрался в Нерчинский каторжный район. После череды кровавых событий «демон» Лыков открыл свою личность приставу района и получил от него поддержку в выполнении августейшего поручения. Закс-Гладнев оказался достойным человеком. Лыков с Благово перетащили его из каторжного угла в петербургское градоначальство. Сейчас Александр Витальевич состоял в должности участкового пристава в Казанской части. К следующей Пасхе он должен был получить чин полковника и сразу же — производство в полицмейстеры второго отделения. То-то возвысится человек... Пока еще не зазнался, надо его навестить. Лыков зашел на Офицерскую, в помещение «Казанки». Договорился там с Заксом, что заглянет к нему нынче на вечерок, по выходе от Кундрюцкова (они удобно жили по соседству), и возвратился домой.

Жаль, что в городе не было самого верного друга, подполковника Таубе. Вот с кем хорошо славно получается выпить! Правда, с тех пор как тот женился на докторше Атаманцевой, встречаться они, по правде сказать, стали реже... Очередная пирушка как раз была назначена на середину июня. Но барон неделю назад отбыл в командировку в Гороховецкие лагеря, и не один, а с Федором Ратмановым, по прозвищу Буффаленок. Федор был сыном лыковского товарища, погибшего шесть лет назад в Нижнем Новгороде при предотвращении покушения на покойного государя. Спас его тогда, но сам не уберегся... Буффаленок появился неожиданно, в восемьдесят третьем году, приехав из Америки на поиски отца. Смышленный подросток заинтересовал военную разведку: вырос за границей, знает тамошние обычаи, свободно владеет английским. Таубе стал готовить из него агента-нелегала длительного внедрения, сам обучая премудростям тайной службы. В Гороховецкие лагеря Федор укатил за погонами вольноопределяющегося. После месячных курсов парня должны были зачислить в роту охраны Военного министерства. Оттуда Таубе переведет его писарем в Военно-Ученый комитет, и обычная жизнь для

Буффаленка на этом навсегда закончится. Через два-три года в Англии или Германии появится молодой человек, сирота, лишившийся родителей в далекой колонии. Освоится, получит образование, «обрастет биографией» и станет делать карьеру. Военную или политическую, Таубе еще не решил. И однажды у России в стане противников окажется глубоко законспирированный резидент. Лыков и Таубе могут и не дожить до того времени, когда Буффаленок начнет приносить пользу — операция рассчитана на десятилетия... На обратном пути с лагерных сборов барон обещал заехать в Нефедьевку, навестить лыковское семейство и привезти папаше от них поклоны.

Все вечерние планы перечеркнул клочок бумаги, ожидавший Алексея на квартире. Это был экспресс из Варнавина. Варенька прислала телеграмму только из пяти слов, но они ударили сыщика в самое сердце: «ТИТУС СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ».

5. В дороге

Лыков делал все, как заведенный автомат: пил, ел, с кем-то о чем-то говорил, садился в поезда, торговался с извозчиком... А сам думал только об одном: Яша мертв. Никогда больше не посмеются они летним вечером на веранде, не сходят на рыбалку и не хлебнут под укоризненные взгляды жен вкусной рябиновки. Сыщик сказал себе: «Покорись беде, и беда покорится», — но это легко лишь на словах. Внутри Алексея словно оборвалась какая-то важная жила. Так уже было однажды, когда он хоронил Буффало, и вот теперь снова. Еще в ноющей от боли душе Лыкова накапливалась холодная злость. Было ясно, что Титуса убил тот же человек, который мучил и губил маленьких детей. Порубочные дела уже успокоились, угрозы съемщиков сошли на нет после замены кордонной стражи. Титус с удовлетворением писал в последнем отчете, что «лесные пираты» смирились с новыми порядками. И теперь азартно расхищают заброшенные владения Челищева. А вот розыски маньяка Ян тайно продолжал. И видимо, как хороший сыщик, напал на след...

Коллежский асессор ни к кому не стал заходить в Москве и как можно быстрее выехал оттуда в Нижний. Здесь он, прежде чем навестить мать с сестрицей, разыскал Петра Фороскова. Именно Петр стал помощником Титуса в сыском отделении после переезда Благово с Лыковым в Петербург. Алексей зашел в контору и, не здороваясь, сказал:

— Яков смертельно ранен.

Форосков вскочил со стула, меняясь в лице:

— Кто? Как?

— Сам пока в неведении. Получил телеграмму из Варнавина. Еду разбираться. Не знаю, застану ли его в живых...

— Я с вами!

— Да, но не сразу. Нужна маскировка. Мне более пригодится там тайный помощник. Я уж все придумал. Яша искал в городе маньяка, что убивал детей. А полиция бездельничает. Поэтому я начну расследовать дело явно, а ты подберешься с другого конца. Приедешь и поселишься под видом темного человека. С нехорошим каким-то прошлым и явно с чужими документами. Тамошний фартовый люд начнет к тебе присматриваться. Сочини им историю, заради чего тебя занесло в Варнавин. Беглый, например. Надобно лечь на дно, отсидеться в тихом месте. А попутно ищешь, чего тут можно подломать. Вживись в среду и начни вынюхивать.

Изнутри больше узнаешь, чем снаружи.

— Понял. Завтра же поплыву следом за вами.

— Нет. Поедешь сушей, на крестьянской почте через Семенов и Баки. «Глаз»^[20] найдется?

Форосков ухмыльнулся:

— Могу полгорода обеспечить! Столько мазуриков на реке — не поверите! Но я лучше под своим... Помните, как тогда, когда Битюга ловили?

Петр служил в пароходной компании «Самолет» специалистом «по особенной части»: ловил страховых мошенников, воров, шулеров и прочую нечисть, промышляющую на пароходах.

— А оружие?

— Имеется. Когда брали Вовку Шелепятника в Бешенцове, я заначил его шпалер.

— Деньги нужны? Я теперь богачей — не стесняйся...

— Наслышаны! Но на первое время хватит. Скажите лучше о способе связи.

— Как поселишься — покажись мне. Городок маленький, увидеться легко. В трактире или еще где. Потом пойдешь на квартиру, за тобой следом будет мой человек, Степан Окуньков. Он и станет курьером. Вот тебе пока вспомогательная задача. Как обживешься, спроси у местного вора, что тут можно почистить. И упомяни среди прочего богатый дом на Дворянской улице, нефедьевскую усадьбу. Ходил, мол, высматривал да и высмотрел. Чьи-де хоромы, много ли там добра, какая прислуга... Тебе скажут, что владельцы проживают в загородном поместье, а сюда частенько наезжают; но дом богатый. Ты начни вроде как обдумывать налет. Разговоры с дворником, расположение комнат... Ну, и сообщников подбирай, потому как в одиночку такое не сотворить. А когда все кончится, мы этих стервецов из города поганой метлой выметим.

— Понял. Схожу-ка я по старой памяти в сыскное. Может, кто из варнавинских сейчас в нашем остроге парится; попробую пароль получить.

— Это было бы полезно. Но главная твоя задача — маньяк. За три года он удушил троих детей из простых сословий. Которые без бонны по улице ходят. Мучил их еще перед смертью, сволочь... Он и Яшу убил. В маленьком городе, как Варнавин, ничего надолго скрыть нельзя. Поэтому наверняка есть кто-то, кто что-то знает. Видел, слышал, догадывается. А в полицию не идет. Вот этого человека нам с тобой и надо найти в первую очередь. И будь осторожен! Что выведаешь — сначала сообщи мне, сам на рожон не лезь. Если маньяк к Яше сумел подобраться — сам понимаешь...

На этом они расстались. Лыков, прежде чем ехать к родным, выправил себе билет на ближайший пароход до Козьмодемьянска. Он очень спешил — вдруг еще успеет застать Титуса в живых? Поэтому, когда дома никого не оказалось — матушка с сестрицей и ее детьми уже переехали на дачу в Доскино, — даже обрадовался. Пообедал в Блиновском пассаже, прогулялся по кремлю, заглянул в Гостиный двор. Некоторые из старых городских узнавали Алексея и отдавали ему честь, но больше было новых, незнакомых. Повстречались одноклассник по гимназии и чиновник из губернского правления; постояли, поболтали. Еще попался бывший сыскной агент Девяткин, ушедший из полиции после ножевого ранения. Сейчас он служил старостой артели каменщиков и сам уже брал небольшие подряды. Степан выглядел довольным и имел планы на будущее. Лыков тут же сговорился с ним о постройке каменного храма в Нефедьевке (давняя Варенькина мечта). Заявил при этом, что на богоугодное дело денег не пожалеет. Обрадованный Девяткин побежал готовить смету. Он понимал, что успешное выполнение такого заказа сразу подымет его на новый уровень, и звал бывшего начальника sprыснуть дело. Алексей спешил и отказался. Договорились, что через две недели Степан приедет в Варнавин с бумагами и архитектором, и сыщик пошел гулять дальше.

В Гостином дворе ему подвернулась бывшая симпатия Ольга Климова. Она сильно располнела. Богато и со вкусом одетая, настоящая дама, Ольга Павловна выбирала себе в лавке театральный лорнет. Возле нее покорно топтался лысый толстячок лет пятидесяти, с добрыми, немного коровьими глазами. Семейная пара выглядела вполне благополучной. Лыков не стал подходить, а продолжил прогулку по родному городу. Но как ни любил он Нижний, как ни было ему здесь хорошо, огромная тяжесть давила сыщика и притупляла все радости. Алексей ехал хоронить друга.

В два часа пополудни Лыков сел на новый двухпалубный пароход товарищества «Зевеке» и отправился в Козьмодемьянск. Комфорт на судне был неопиcуемый, а в карте буфета значилось до двухсот блюд. Но Алексей сел на палубе в лонгшез и мрачно уставился на проплывающие мимо знакомые волжские пейзажи. Вот промелькнуло любимое им древнее село Кадницы с красивым храмом на горе. Затем они прошли живописные острова возле Татинца, следом — торговое Лысково со старинным монастырем напротив и уже ночью миновали Васильсурск. В первом часу ночи коллежский асессор сошел с парохода и первым делом кликнул извозчика.

Козьмодемьянск — уютный городок с почти десятитысячным населением, тихий и благополучный. Однако на время сплавной лихорадки

он превращается в огромный шумный балаган. Крупнейшая в России лесная биржа собирает здесь на несколько недель десятки тысяч бурлаков и множество торговых людей. На берегу Волги выстраиваются длинной шеренгой деревянные сараи. Перед каждым на длинном шесте вывешен значок съемщика, а под ним толпятся пришедшие за расчетом адуи. Расчет производится днем и ночью. Круглосуточно чалятся плоты и беляны, возле уреза воды идет приемка леса. Завершив сплав и получив деньги, бурлаки первым делом направляются в кабаки. Их можно понять: полмесяца они, как проклятые, мотались на скользком плоту, не раз макались в ледяную воду, ели всухомятку и часто рисковали жизнью, и все это ради 12–14 рублей заработка... Отметив окончание сплава, повеселевшие мужики начинают собираться домой. Тут из года в год повторяется одна и та же картина. Дело в том, что ветлужские пароходы не имеют в Кудемьянске (так называют этот город адуи) собственной пристани и потому скитаются по чужим. Никогда нельзя заранее узнать, где именно такой пароход станет принимать пассажиров. Поэтому толпы бурлаков носятся по берегу с одной пристани на другую, стараясь угадать нужное им место.

В прошлом году, пробираясь в первый раз в Варнавин, Лыков уже хлебнул всех прелестей ветлужского судоходства. Слабое и незначительное, оно не привлекает поэтому того внимания «водяных» властей, которое выпадает судоходству волжскому. Как следствие, и порядки здесь царят изумительные. Расписания нет, причальных устройств нет, тарифов устойчивых и тех не существует. Наплевательское отношение к пассажиру возведено в принцип. На Волге за такое давно бы лишили патента, а тут все сходит с рук. От устья Ветлуги до Варнавина четыреста верст, и на таком расстоянии всего три пристани! Пароходы, конечно, принимают пассажиров и с лодок, но по капризу капитана; а могут и мимо проплыть. Материальная часть судов изношена донельзя, и потому часты поломки и многочасовые из-за них остановки. Это все оттого, что плавание по реке возможно лишь полтора месяца в году, и судовладельцам не хочется ради такой короткой навигации делать улучшения. С начала июня посудины переводятся на Волгу, где служат исключительно для перевозки грузов. Избалованные волжские пассажиры не станут садиться на те грязные, тесные, изношенные суда, которыми вынуждены довольствоваться жители Поветлужья.

Все это Алексей уже знал по прошлогодней поездке, но сейчас его ожидало новое приключение — плавание вместе с бурлаками. Выбирать не приходилось — он желал быстрее прибыть на место. Поэтому, взяв извозчика, сыщик загрузил в пролетку чемодан с корзиной и велел

отыскать ближайший ветлужский пароход. Они объехали четыре пристани: Самолетскую, Меркуриевскую, Кашинскую и Волжскую^[21] — и нигде не находили нужного судна. Наконец им подсказали, что на Любимовской пристани утром ожидают прибытия парохода «Боян» купца Овчинникова. Поехали туда. Действительно, у причала обнаружили облезлую посудину с низкой трубой и затянутым тряпкой окном в лоцманской будке. На берег вместо полагающейся сходни с перилами была брошена обычная доска. Перед этим чудищем, невзирая на ночное время, толпились пьяные бурлаки. Они галдели, матерились и требовали пустить их на борт. Возле доски стоял краснорожий, с сизым носом, помощник капитана и кричал, сложив ладони рупором:

— Осади! Брать начнем в половине седьмого утра! А сейчас пошли все на хрен, мы идем на приемку дров!

Обрадованный Алексей расплатился с извозчиком, схватил багаж и решительно поднялся на борт. Команда приняла это как должное. Глядя на храбреца, еще несколько человек из чистой публики взошли на корабль. После этого доску убрали, и «Боян» зачалился возле каких-то складов, даже не помышляя грузиться дровами.

Коллежский асессор занял единственную на судне одноместную каюту первого класса, но обжиться в ней не успел. Пришел капитан со слезящимися глазами и еще более сизым носом. Он извинился и попросил перейти в соседнюю двухместную каюту, освободив эту для дамы. Лыков, разумеется, согласился. Тот час же появилась и сама дама, представившаяся титулярной советницей Самопальщиковой, женой варнавинского акцизного инспектора. Довольно молодая и очень разговорчивая, она тут же пригласила нового знакомого посетить их дом на Костромской улице. Приняв приглашение, Лыков потащил вещи в соседнюю каюту. Его попутчиком оказался высокий худощавый господин лет тридцати пяти, с эспаньолкой на симпатичном, но болезненном лице. Согнувшись в три погибели, он сыпал по всем углам порошок персидской ромашки из большого кулька. Алексей поздоровался и вынул точно такой же кулек. Мужчины дружно рассмеялись.

— Позвольте представиться: варнавинский земский статистик Панибратов Амилий Петрович. Сердечно рад знакомству!

Смех у статистика тоже оказался приятным.

— И я рад. Лыков Алексей Николаевич, коллежский асессор. Служу в Петербурге по эм-вэ-дэ.

— По эм-вэ-дэ? — заинтересовался Панибратов. — И по какой именно части? Сатрапствуете потихоньку, хе-хе?

— Ну, что вы. Помощником столоначальника в департаменте общих дел. Бумажки с места на место перекладываю.

Он имел правило не называть незнакомым людям без нужды истинный род своих занятий.

— Лыков, Лыков... Не вы ли новый владелец Нефедьевки?

— Я, но только не владелец, а опекун. Владельцами станут наши с Варварой Александровной сыновья, когда, даст Бог, вырастут.

— Да, да, опекун, конечно, опекун, — замахал руками Амилий Петрович. — Извините великодушно, вечно я все путаю. В имение пробираетесь?

— Истинно так.

— Изменение судеб Нефедьевки занимало наш маленький городок целую зиму. Вы станете популярны в Варнавине! Такая богатая усадьба, лес великолепный — и все много лет разорялось. Вы нашли замечательного управляющего! Ян Францевич образцово ведет хозяйство, он честнейший человек.

— Благодарю; я того же мнения. Но давайте доделаем дело...

— Да, да, конечно, доделаем, — опять замахал руками статистик. Видимо, характер у него был покладистый, но рассеянный.

Вдвоем они соорудили на пороге целый крепостной вал из персидской ромашки. Как только бурлаки подымутся на борт, все помещения судна будут мгновенно заполнены «легкой кавалерией» — вшами. Адуи носят их на себе в невероятном количестве.

Закончив строительство оборонительных рубежей, попутчики отправились в буфет. Там заправлял лысый человек в засаленном фраке и грязной гаврилке^[22]. Таким же грязным было все вокруг: скатерти на трех столах, салфетки, приборы, стойка...

— Еще рано! — заявил лысый, не слушая заказа. — Буфет откроется в одиннадцать, сейчас же нет решительно ничего!

Не обращая на него внимания, Алексей взял со стойки замызганную карту:

— Ого! Восемьдесят семь блюд!

— Не верьте этому, Алексей Николаевич, — пытался опять замахать руками Панибратов, но вовремя осекся. — Это их старая шутка. Для отвода глаз написано, а на поверку и десяти блюд не наберется!

Буфетчик пытался вырвать карту, но безуспешно.

— Цыц! — скомандовал ему Лыков. — Слушать приказ!

И бросил на прилавок «синенькую». Лысый сразу встрепенулся.

— Вы позволите вас угостить со знакомством? — вежливо

поинтересовался у попутчика Алексей. — Благодарю. Значит, сейчас принесешь во вторую каюту чаю с пирогами и графинчик «вдовьей слезы». Ну и там что полагается к нему: балычок, икорка, артишоки.

— Последних нет, ваше благородие!

— Высокоблагородие. Неси, что есть. На стоянке купи еще рыбных пирогов. А на ужин спроворь уху из стерляди.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! Сей же момент самовар поставлю!

Лыков с Панибратовым вышли на прогулочную площадку между первым и вторым классами. Уже рассвело. По реке неслись в большом количестве пароходы, перебрасываясь, как приветствиями, короткими свистками. Сверху, сколько захватывал взор, сплошной лентой тянулись плоты. Кое-где между ними, словно плавающие острова, возвышались беляны. Аккуратные домики козьмодемьянских обывателей жались по горе, окруженные пышными садами. А у самой воды бурлил, как осиный улей, лагерь бурлаков.

— Красиво... — прошептал было Амилий Петрович, но тотчас же закашлялся и ушел в каюту. Пришлось и Лыкову вернуться с ним.

— Вы случаем, извините, не с кумысного лечения возвращаетесь? — спросил сыщик сочувственно.

— Это так заметно, да? — скривился статистик. — Оттуда. Третий год езжу. У меня горловая чахотка. Говорят, с ней надо в Швейцарию, в горный санаторий. А на какие шиши?! Вот... Кумыс много дешевле, а все одно помирать скоро...

— Ну, кому когда помирать — это не нам решать, а Богу, — решительно осадил Алексей Амилия Петровича. — А нам — бороться и надеяться. Вы в Крым не ездили? Цены скромные, и воздух в горах не хуже, чем в Швейцарии.

— Нет, даже не думал об этом, — заинтересованно ответил собравшийся уже помирать статистик. — А это мысль! Правда, там так недорого?

— Крымские татары берут сущие копейки. И лечебницы уже появились.

Тут вошел лысый буфетчик с подносом, и разговор переменялся. После двух рюмок «вдовьей слезы» Амилий Петрович перешел на местные новости, более похожие на сплетни. Воспользовавшись этим, Алексей в паузе задал статистику интересовавший его вопрос:

— Скажите... я вот чем обеспокоен... Сыновья мои в поместье проживают, но иногда наведываются и в Варнавин. Что у вас там творится?

Говорят, кто-то детей убивает?

Панибратов сразу поставил недопитую рюмку на стол, положил трясущиеся руки себе на колени и покосился настороженно:

— Это вам господин Титус рассказывал?

— Да. У него тоже дети; он обеспокоен, как и я.

— Ян Францевич задавал мне весной этот вопрос. И с точно такими же интонациями. Странно, право...

— И что же вы ему на это ответили?

— То же, что сейчас отвечу и вам. Я ничего не знаю об убийствах. Ничего! И вам копать в них не советую.

— Почему?

Но статистик уже закрылся. Лицо его сделалось отчужденным, подозрительным. Он демонстративно взял газету и отвернулся. А Лыков надел шляпу и пошел наблюдать погрузку основной массы пассажиров. Тех, от кого он оборонялся персидской ромашкой...

В десять часов пополудни «Боян» вошел в устье Ветлуги. Река впадает в Волгу двумя рукавами. Тот, что ближе к Нижнему Новгороду, более широкий, но и более мелкий. Пароходы используют второй рукав, ближний к Козьмодемьянску. Он тоже неглубок да еще и поделен надвое островом. Одну протоку заняли идущие сверху плоты, «Боян» стал медленно подниматься по другой. Здесь в устье прятался самый первый и самый опасный пережат, ежегодно намываемый сильным течением. Одного его достаточно, чтобы парализовать все летнее ветлужское судоходство. Пара землесосов могла бы поправить дело, но ни у кого не доходят руки до решения этой важнейшей местной проблемы...

Вода держалась еще достаточно высоко, и пароход прошел пережат без помех. Тут же удар судового колокола собрал всю команду на молитву — таков обычай на Ветлуге. Бурлаки за компанию тоже перекрестились и опять уселись распивать водку. На палубе яблоку негде было упасть. «Боян», рассчитанный на 150 человек, принял на борт 500! Каюты первого и второго классов никто из адуев, конечно, не занимал — билеты туда стоят по восемь с полтиной да по пять рублей. А бурлаки платят рупь двадцать пять и едут всю дорогу стоя. Зато уж делают они при этом что хотят, осознавая свое количественное превосходство. Чистая публика в своих хоромах оказалась словно в осаде и побаивалась лишний раз выходить на палубу. Крепкие бородатые мужики в красных, синих и суровых рубахах забили все свободные пространства и в трюме, и на корме, и на прогулочной палубе. Пароходное начальство сидело в рубке за картами,

стараясь ни во что не вмешиваться. Бурлаки были пьяны все поголовно и поэтому вели себя нагло: горланили неприличные песни, дерзко заглядывали в окна кают, мочились у всех на глазах прямо через борт. Играли гармошки, люди, почесываясь от паразитов, резались в трынку. Пустые косушки озорники кидали в проплывающие мимо плоты, стараясь угодить своим менее везучим коллегам в голову. Те в ответ матерились и грозили баграми. Лыков с Панибратовым заперлись изнутри и мирно читали. К теме маньяка Алексей больше не возвращался.

В первой на пути деревне — Сутыри — пароход остановился для забора дров. Топливо на ветлужские пароходы грузят крестьянские женщины. «Боян» ткнулся носом в берег, с борта полетела чалка с пешней, а следом за ней матрос. Он закрепил конец и установил доску, по которой тут же забегали замотанные в темные платки бабы. Они сбрасывали охапки поленьев в трюм. Помощник капитана стоял возле люка, записывал прием, а заодно щипал носильщиц, что помоложе, за задницу. Буфетчик принес в каюту купленные в деревне полуаршинные пироги с запеченными в них целиком лещами.

Лыков решил сходить за новым графинчиком и зарекся. Весь буфет был занят пьяными в стельку мужиками. Лысый крутился как белка, нарезая печенку и подавая водку. Бутылка дрянного полугара — восемьдесят копеек, и отбою нет от покупателей! Хмельные бурлаки недобро косились на барина, и Алексей счел за лучшее побыстрее убраться к себе в каюту.

Вдруг через час из коридора послышался резкий женский голос: это их соседка кого-то высокомерно и запальчиво отчитывала.

— О, боже! — ахнул Панибратов. — Опять дура Самопальщикова скандализирует! В прошлом году было то же самое. А когда адуи огрызнулись, она в крик! Волостной писарь Сажин за нее вступился, так ему все зубы повыбили! Вот поверьте, сейчас на помощь позовет. Дура, ах дура...

И точно: послышались грубые мужские голоса, ругань, а потом истеричный крик:

— Помогите! Команда, капитан, на помощь!

Лыков встревожился и подошел к двери.

— Ах, Алексей Николаевич, ради бога, не вмешивайтесь! Ведь их там пятьсот человек, и все пьяные! Дурака бьют, а умный не суйся. Пусть сама выкручивается!

Лыков хотел послушаться очевидно правильного совета, но крик перешел уже в дикий визг; послышались и шлепки. Алексей повернул ключ

в замке и выскочил в коридор. Титулярная советница, прижатая к стенке, верещала; полуоторванный вуаль лоскутом свисал с ее шляпки. Два сильно хмельных бурлака со зверскими рожами засучивали рукава. Издали на них испуганно косились помощник капитана и матрос, не решаясь вмешаться.

— Это что такое! — рывкнул Лыков и энергичным толчком выбил обоих хулиганов на палубу. Самопальщикова воспользовалась этим и быстро скрылась в своей каюте, запершись изнутри.

— А ты ешшо кто? И чево пихаешься? — удивился белобрысый адуй.

Второй, что повыше ростом, не медля ни минуты, крикнул через плечо:

— Робя! Наших бьют! А ну вали все сюды!

На этот призыв с кормы тут же прибежала толпа таких же пьяных бурлаков. Мигом они обступили сыщика со всех сторон. Положение его становилось угрожающим. Отбиться от такой своры было положительно невозможно, а до каюты ему добраться уже не дадут... Какой-то бородач с благоразумным лицом обратился к мужикам с успокоительной речью:

— Не трогайте его, ребята, расступитесь! Дайте уйти человеку. Вам же потом боком выйдет: вместо штоб домой барыши везти, в кутузке все отберут!

Но возбужденная толпа не слушала его и угрожающе все теснее смыкалась вокруг Лыкова. Что делать? Эх, зря он не послушал доброго совета Амилия Петровича... Приходилось выдумывать какой-нибудь эффектный трюк в расчете на свою силу: публика любит подобные обороты.

Тем временем хулиганы, видя такую поддержку, совсем обнаглели. Белобрысый схватил Алексея за грудки так, что сюртук затрещал:

— Че, барска кость, спужался? А неча на адуев руку подымать. Кто на нас подратся хочет, припасай на гроб досок! Вот щас мы с тебя и спросим...

— Это ты, пентюх, с меня спросишь? — очень спокойно осведомился у хулигана Алексей. — Пупок развяжется. А вот я спрошу!

Он вдруг резко наклонился вбок и сцапал сразу обоих драчунов. Обратным хватом, в охапку, словно пару снопов. Затем распрямился, и адуи оказались висящими в его объятиях на воздухе вниз головами. Окружающие ахнули и тут же отступили на шаг. Бурлаки взвыли от боли, беспомощно мотая ногами в лаптях; из их карманов горохом посыпалась на палубу мелочь.

— Дай-ка место, — вполголоса скомандовал Лыков, и толпа послушно расступилась. Он подошел к самому борту, наклонил драчунов над водой,

словно малых детей, и душевно осведомился:

— Помыться не желаете?

— Пусти... черт... дышать дай... — просипел белобрысый побелевшими губами.

— Пустить? Это можно. Сейчас руки разожму и отпущу. До Кудемьянска доплывете, а там по новой на пароход сядете. Годится? Дурни стоеросовые!

Люди вокруг наконец опомнились и загоготали:

— Ай да барин! Вот это ловко! Поднавяль им ешшо!

— Да это ж Васька с Фомкой, самый злой народ! За козла на псарне служат. Брось их на хрен в Ветлугу — утонут, так не велика потеря!

Алексей отступил от леера, еще раз тряхнул пленников. Из кармана долговязого выскочила последняя монета и покатилась по палубе.

— Ну, что, ребята, простить, что ли, дураков на первый раз?

— Извини их, добрый человек; оно все от водки! Отпусти с богом.

Коллежский ассессор разжал хват. Бедолаги грохнулись об пол, как два мешка с овсом. Они лежали и жадно хватали воздух губами; Лыков изрядно помял им ребра.

— Кому еще мелочишку вытрясти?

Кольцо вокруг сыщика быстро-быстро рассыпалось, бурлаки торопливо начали расходиться.

— Чтоб тихо у меня! — благодушно сказал им в спины Алексей. — Не шути больше рубля!

И вернулся в каюту. В окно он видел, как Васька с Фомкой, охая и держась за бока, ползали по палубе и собирали выпавшую мелочь.

— Вы смелый человек, Алексей Николаевич, — уважительно пробормотал Панибратов. — Никогда не видел, чтобы такую массу пьяных удалось бы усмирить!

— Да, вы смелый и очень-очень сильный! — затараторила пролезшая к ним в каюту госпожа Самопальщикова. — Я вам так признательна! Весь город узнает о вашем отважном поведении!

— А вы, Мария Антоновна, тоже хороши! — накинулся на нее Амилий Петрович. — Мало вам показалось прошлого года? Из-за своей фанаберии чуть нас всех под монастырь не подвели. Бурлаков взялись воспитывать! Уж коли выпало ехать вместе с ними, так сидите в каюте и не высывайтесь до самого Варнавина!

Завязалась перепалка, которую Лыкову с трудом удалось прекратить предложением выпить чаю. Закусив, сыщик отправился гулять по пароходу. После тряски над бортом все почтительно перед ним расступались. Ругань

стихала, некоторые даже снимали шапки (таким Алексей вежливо отвечал тем же). На корме Лыков разговорился с бородачом, заступавшимся за него, — тот оказался съемщиком не из важных. Рассудительный и благоразумный, он глянулся сыщику. Звали бородача Евлампий Рафаилович Рукавицын. Больше часа они разговаривали о лесе, о приемах сплава, о нравах ветлугаев и прочем. Съемщик, коренной житель Варнавина, оказался очень сведущим человеком, и в конце беседы Алексей задал ему вопрос о маньяке.

— Есть такое дело, — сказал тот, глядя на темную ветлужскую воду. — Балуется кто-то. А кто — неведомо. Уже троих робят удавил, нехристь; одной-то, Фисе, я приходился кресненьким. Така девка была веселая, полоротая^[23]. Стараемся теперь за малыми приглядывать...

— А полиция что?

— Полиция... Эх... Почитай, нету ее у нас. Исправник и городской пристав лесом торгуют, им служить неколи.

— Лесом торгуют? Вместо того чтобы убийц ловить?

— Точно так. Их и на месте-то никогда не бывает, все по своим делам ездют.

«Вот сволочи, — подумал Алексей. — У них детей душат, а они коммерцию завели; доберусь я до стервецов через министерство!»

— А у вас, простите, что к этому за интерес? — осторожно спросил Рукавицын.

— Я Лыков, новый опекун Нефедьевки. У меня жена с ребятами все лето тут будут жить.

— Вон чево... Новые хозяева, значит... Да. Управляющий у вас строг, но честен, мужиков не обманывает. Прижал он тут многих, которые возле вашего лесу наживались... За детишков, стало быть, опасаетесь?

— Опасаюсь, Евлампий Рафаилович. Вы уж, ежели чего узнаете, сразу сообщайте мне. Хорошо?

— Как есть. Сами боимся, сами хотим от эдакого зверья избавиться.

Дальнейшее плавание протекало не без приключений. Дважды «Боян» терся бортом о плоты-однорядки, густо катившиеся мимо. Возле Асташихи сломалась и долго чинилась машина, а когда снова завелась, от искр из трубы загорелась обшивка рубки второго класса. Но все это на Ветлуге в порядке вещей и никого не удивляло...

Река в среднем своем течении много уже Волги. Когда пароход идет по ней, то хорошо видны оба берега и их население. Сначала обжитых мест вокруг мало, запашки совсем не видно, и леса лиственные. Затем выше по реке лес переходит в смешанный, а деревеньки встречаются все чаще.

Правый берег особенно красив. На нем живописно располагаются большие села с каменными храмами, дворянские усадьбы и лесные кордоны. Ветлуга очень извилиста. Некоторые селения пассажиры видят издали пять-шесть раз под разными углами, прежде чем проплывут, наконец, мимо.

Новая долгая остановка была возле села Никольского. Полсотни бурлаков сошли здесь на берег, и опять по доске — пристани в таком значительном селе почему-то тоже не полагалось. Затем, еще до темноты, миновали село Успенское. Сельский храм стоит тут на высоком обрыве. Он окружен кладбищем, которое подмывается рекой. Каждую весну, по словам Рукавицына, оползни открывают все новые и новые могилы, обрушивая их в Ветлугу. Неприятное зрелище...

То и дело пароход заворачивал в очередной кривуль — так здесь называют петли, выписываемые рекой. Всезнающий Евлампий Рафаилович пояснил, что так будет до самых верховий. Самый знаменитый кривуль, именуемый Исправникова лука, находится выше Варнавина. Русло очерчивает здесь овал длиною в шесть верст, причем концы этого овала разделяет полоска земли шириной всего пятнадцать сажений! Лыков слушал ветлугая с интересом. Прошлогоднее свое плавание по реке он почти полностью провел в каюте, отсыпаясь после кавказских передрыг, и теперь видел все, по сути дела, впервые.

Стемнело, да и прогулки по палубе сделались небезопасны. Из трубы валил плотный черный дым, нашпигованный искрами. От них загорались волосы, тлела одежда. Спасая новый сюртук, Лыков вернулся в каюту. Амилий Петрович уже тоненько похрапывал. Алексей тоже прикорнул, но спалось ему плохо: сказывалось нервное напряжение. Вместо сна к сыщику приходили рваные обрывки каких-то видений. То он за кем-то гнался, то уже гнались за ним. Вдруг появился высокий человек с черным лицом и сказал замогильным голосом: «Ты и твоё семейство — все умрете на Ветлуге!» Лыков хватил его кулаком — и проснулся. Пароход стоял, на палубе ощущалось многолюдное движение. Слышались бодрые мужицкие голоса. Одевшись, Алексей вышел наружу. «Боян» притулился к пристани богатого села Воскресенское. Половина пассажиров сошла здесь на берег. В утреннем тумане угадывались большая гора и добротные дома на ней. Узнав у кассира, что пароход простоят здесь два часа, Лыков решил прогуляться. Требовалось окончательно выветрить из головы дурной сон.

От пристани вел вверх пологий скат. Мощенный булыжником, он сделал бы честь и уездному городу. Мужики на телегах предлагали барину подвезти его, но тот решил взобраться сам. На горе открылась широкая

торговая площадь, тоже мощеная и украшенная храмом и каменными лавками. Во всем облике Воскресенского проглядывал достаток. Лыков нагулялся, выпил на пять копеек кринку молока и вернулся к пароходу. Когда тот двинулся в путь, коллежский асессор опять ненадолго прилег, и уже без кошмаров. Он хотел снова увидеть во сне черного человека и стереть его в порошок, но тот словно убоился и больше не показывался. Плицы колес мерно били по воде, кричали плотогоны, взвизгивал иногда свисток, и беспокоились суетливые чайки. Выспавшись, Лыков вышел на палубу и устроился на площадке между каютами и общей рубкой второго класса. Здесь была крыша, защищавшая от искр, и гуляла преимущественно чистая публика. «Боян» пыхтел и медленно, но неуклонно приближал Алексея к могиле Титуса... Возле села Благовещенского прошли теснину Прудовского острова, особенно не любимую бурлаками. Последняя остановка была у села Баки. Здесь набрали дров, а буфетчик купил живых стерлядей и пирогов с рыбой. Сошли еще несколько адуев, а их место заняли торговые люди с кладями, трезвые и скучные. Все, теперь оставался последний переход до Варнавина. Правый берег здесь застроен особенно густо. Почти сплошной чередой шли селения, среди которых красиво выделялась усадьба Кочугова. Радовало глаз и село Дмитриевское, необыкновенно живописно поставленное на горе. Но Алексей смотрел на это великолепие без удовольствия. Все ближе скорбная минута... Когда проплывали село со странным названием Макарий-Притыка, подошел Евлампий Рафаилович и пояснил. Оказалось, что, согласно легенде, сюда приткнулся передохнуть святой Макарий, когда спускался по Ветлуге на камне из Унжи... Наконец прошли последнее перед городом крупное село Богородское. Народ высыпал на палубу, тащили узлы, корзины, кто крестился, кто бранился. Приехали!

6. На осадном положении

Уездный город Варнавин с реки не виден. Хорошо заметен только шатер старинной Никольской церкви, поставленной на могиле Преподобного Варнавы Ветлужского. Могила пользуется особой народной любовью и привлекает богомольцев даже из других губерний.

«Боян» проплыл мимо «стрелки» — красивого откоса, изрезанного тремя глубокими оврагами. Стрелка играла в городе роль парка для прогулок и увеселений. Вот и пристань. Грязная доска полетела на грязный дебаркадер, и пассажиры высыпали на берег. Прямо от пристани уходила вверх крутая «водовозка» — дорога, по которой возят в город воду в бочках из святого ключа. Налево шел Красницкий спуск, пологий и мощный; по нему доставляют в Варнавин прибывшие по реке клады. Справа же карабкалась по горе длинная, в один марш, деревянная лестница. На пристани уже дожидались: госпожу Самопальщикову — экипаж с мордастым кучером, а Рукавицына — простая мужицкая телега. Оба предложили Алексею довезти его до дома, но тот хотел побыстрее остаться один. Поблагодарив, он обещал всем новым знакомцам (включая и Панибратова) навестить их в ближайшее время. Поручил Евлампию Рафаиловичу доставить к дверям свой багаж, простился с попутчиками и налегке отправился по лестнице вверх.

Варнавинская лестница знаменита в своем роде — такой нет больше по всей Ветлуге. 156 широких ступеней, ежегодно подновляемых земством, ведут от пристани на бульвар. В четырех местах сделаны на ней площадки и поставлены для отдыха скамьи. И правда, на одном дыхании трудно подняться на такую крутизну: даже Лыкову пришлось перевести дух. Неожиданно для себя сыщик решил сразу пройти на кладбище, поискать Яшину могилу. Он поднялся на гору, пересек безлюдную Соборную площадь (немощеную — позор для уездного города!) и вошел в ограду бывшего монастыря. Здесь возвышался главный городской собор — Троицкая церковь, единственный в Варнавине каменный храм. Из-за скучной его спины выглядывала Никольская, окрашенная почему-то в кирпично-красный цвет. Вокруг нее до сих пор хоронили именитых горожан, и Лыков спешил именно туда. Уж конечно, Титус, хоть и не коренной житель, должен быть упокоен в этом святом месте. Однако когда коллежский асессор прошел на кладбище, то нигде не обнаружил свежего холмика с временным деревянным крестом. Все захоронения оказались

старыми. Больше всего почему-то попало могил ксендзов, сосланных в Варнавин за участие в восстании 1863 года. Сердце Алексея екнуло. Неужели Якова погребли за оврагом, на мещанском погосте? Или... Сделав еще круг и убедившись, что могилы Титуса здесь нет, Лыков заглянул в Никольскую церковь и сотворил там торопливую молитву за здоровье раба божия Якова. Потом выскочил как ошпаренный и, уже не стесняясь, побежал домой.

Городская усадьба Нефедьевых стояла в начале Дворянской улицы, по правой стороне, если идти от собора. Одноэтажный, но просторный, с обширным мезонином дом был замечен издали. Когда до него оставалось пятьдесят саженей, Алексей увидел удивительную, умилившую его картину. Из калитки выскочили Варенька и Агриппина Титус и, неприлично высоко задрав юбки, бросились ему навстречу. Обе были в платьях светлых тонов без всяких следов траура!

— Жив! Жив! — еще издали радостно закричали они Лыкову. Вне себя от радости, тот подлетел к дамам, схватил их в охапку и сделал так несколько кругов вальса по тротуару. Потом аккуратно поставил, не разжимая объятий, и принялся целовать их по очереди. По лицам женщин текли обильные слезы, да и у самого Алексея першило в горле. Должно быть, они представляли для прохожих любопытное зрелище.

Наконец, Агриппина вырвалась из сыщиковых объятий, отступила на шаг и сказала сиплым голосом:

— И будет жить!

Спустя несколько минут Лыков заседал в обширной гостиной и пил чай. Варенька с Грушей устроились напротив и рассказывали наперебой:

— Его ударили ножом сзади под левую лопатку. Целили в сердце.

— Но оно же у него не там! — радостно воскликнул Алексей.

— Вот! А тот, кто бил, этого не знал!

Титус имел очень редкую патологию: сердце у него помещалось справа, а не слева. Это обстоятельство ничуть ему не мешало, а вот теперь спасло жизнь.

— Где это случилось?

— В конце Солдатской улцы, за бараками для обучения запасных.

— Как же он спасся, а не истек кровью?

— Его стоны услышал Тимофей Рукавицын, юноша, который случайно проходил неподалеку.

— Тимофей Рукавицын? Не сын ли он Евлампии Рафаиловичу?

— Да, — ответила Груша. — А вы его откуда знаете? Съемщик

здешний. Он нам ваши вещи с парохода завез, вот мы с Варей и побежали навстречу.

— Да мы плыли вместе на этом пароходе. Разумный дядя!

— Все семейство Рукавицыных очень порядочное. И Тимфей в родителей пошел. Он, собственно говоря, и спас Якова. Тот был еще в сознании и успел дать юноше инструкции, как остановить кровотечение. А потом впал в забытие... Но Тимофей сумел его правильно перевязать и дотащил на себе до больницы.

— Надо бы отблагодарить паренька!

— Я уже ходила к ним, предлагала триста рублей, но там не приняли. Стыдно, говорят, деньги брать за спасение христианской души.

— Хм... Ладно, я найду способ. Как Ян чувствует себя сейчас? Я могу с ним немедленно поговорить?

— Яша еще очень слаб, но в сознании и медленно поправляется. Мы можем пойти к нему хоть сейчас.

— Вот только умоюсь с дороги, и сразу пойдем. Варенька, а где мои разбойники?

— В поместье, с няней Наташей.

— А Окуньков при них?

Варвара Александровна хлопнула длинными ресницами:

— Денно и ночью, как ты и велел. А что?

— Молодец, все верно. После больницы поедem к ним.

Земская больница представляла собой длинное одноэтажное деревянное здание в конце Набережной улицы. Через полчаса Лыковы с Грушей входили в дворянскую палату, довольно чистую. Пахло карболкой и персидской ромашкой. Бледный, как полотно, с бесцветными губами, на ней лежал Титус и вяло глядел в потолок. Увидев посетителей, он сразу повеселел.

— Здравствуй, Яша! Извини — ехал и не чаял с тобой побеседовать. Есть ведь Бог, а?

— Есть... — согласно прошептал бывший грозный сыщик.

— Ты видел того, кто тебя ударил?

— Нет... Сразу потерял сознание... Потом очнулся... слышал, как он уходил... Мог повернуться, чтобы его увидеть... побоялся добьет...

— Хорошо сделал, что не повернулся. Главное, что ты живой. А этого вурдалака оставь теперь мне. У меня отпуск на два месяца — время есть.

Титус слабо улыбнулся:

— Конеч ему теперь... лишь бы не сбежал...

— Но это он, маньяк? Ты, стало быть, напал на его след?

Тут Алексея ждало сильное разочарование.

— Ни на что я не напал... Ходил, выпрашивал... Все чего-то бояться... сразу замыкаются... Получил записку...

— От кого записка? И где она сейчас?

— Дома... в столе.

— Ею тебя вызвали к казармам?

— Да. Поверь, я был осторожен... Никто не смог бы подойти незаметно... Но этот подошел...

— М-да. Такое по силам лишь пластуны, и то не всякому.

— Я уже думал об этом... Такой, как ты, с военным опытом... Или охотник...

Тут вдруг Ян откинул голову и ровно задышал — впал в забытие.

— Пойдем. — Супруга потянула Алексея за рукав. — Он еще слаб, на сегодня достаточно.

Лыков отправился на поиски лечащего доктора и вскоре нашел его в коридоре женского крыла. Весь заросший коротким седым волосом, флегматичный, очень полный, эскулап толково ответил на все поставленные вопросы. Фамилия у доктора была подходящая — Захарьин [24].

— Вашему управляющему крайне повезло. Столько «если бы»... Надо признать, что и сам он сохранил присутствие духа, и очень помог своему спасению.

— Он поправится?

— Безусловно. Сильный организм, молодой. Но легкое пробито, теперь за ним придется следить всю жизнь.

— Сколько времени, на ваш взгляд, уйдет на полное выздоровление?

— Два-три месяца. А осенью хорошо бы свозить больного в Швейцарию или Альпийскую Германию.

— Вам что-нибудь требуется сейчас для полноценного лечения Яна Францевича? Лекарства, инструменты? Говорите без оглядки на сумму.

— Нет, случай не сложный. Наша лечебница справится своими силами.

— Что вы скажете о характере ранения? Бил профессионалист?

— О да! Точно под левую лопатку, наповал. Обычный человек умер бы мгновенно.

— Скажите, а не вас случайно приглашали осматривать тела задушенных детей?

Тут доктор даже обиделся:

— Меня, и вовсе не случайно! Я уездный врач!

— Извините, не хотел вас задеть. Что имеете сказать об этих жертвах? Можно предположить, что все три убийства совершило одно лицо?

— А вам, милостивый государь, какое дело до этих убийств? Обратитесь в управление полиции. Там расскажут... если сочтут нужным...

— Доктор, у вас есть дети?

В лице Захарьина что-то дрогнуло:

— Ну... сыну девятый год.

— И вы за него не опасаетесь? В городе маньяк, полиция его не ищет. А вот Титус, отец семейства, его искал. Делал работу за ту самую полицию, в которую вы посоветовали мне обратиться. Видимо, убийца почувствовал угрозу и решил избавиться. Помогите теперь мне найти его!

— Ваш управляющий искал маньяка? Он производил партикулярное расследование?

— Да. Ранее, до службы здесь, Ян Францевич возглавлял Нижегородскую сыскную полицию. Искать он умеет очень хорошо.

— Теперь понятно... — Доктор присел прямо на подоконник и жестом пригласил Лыкова последовать его примеру. — Вы правы — наши полицейские слишком увлечены лесной торговлей, чтобы ловить убийцу. Безобразие. Но я не в силах тут ничего поделать. А вот вам помогу, чем смогу. Вы ведь тоже, поди, из бывших сыщиков?

— Почему же из бывших? Служу в Петербурге помощником начальника Летучего отряда Департамента полиции...

— Ого!

— ...а сюда прибыл в отпуск на два месяца. С целью найти маньяка. Вам, как отцу, это на руку.

— Безусловно!

— Итак, рассказывайте все, что знаете.

И Захарьин, понизив голос и косясь по сторонам, изложил следующее.

Все три убийства, по его словам, определенно были совершены одним человеком. Полового насилия над детьми совершено не было, но мучили их жестоко. У всех троих были вывернуты и переломаны пальцы рук, вырваны пряди волос. И душил их маньяк долго, возможно, растягивая удовольствие. Еще доктор высказал важное и неожиданное предположение:

— Мне кажется, — сказал он, — что детей убивал подросток. Или старик.

— Почему?

— Он, конечно, был много сильнее своих жертв, но... Как бы это

точнее выразить? В его действиях не ощущалось силы взрослого мужчины, вот! И то, что я счел за растягивание удовольствия, быть может, происходило от недостатка у маньяка физической мощи.

— Подросток или старик... А психические больные в Варнавине есть?

— Это первое и единственное, что выяснила полиция. Опасных психопатов нет. Последнего буйнопомешанного отправили в Кострому еще шесть лет назад. Имеются безобидные сельские дурачки, но они все на виду, живут в своих семьях. Нет, наш маньяк не состоит на врачебном учете. И внешне представляется окружающим совершенно здоровым.

— И он подросток или мужчина некрепкого телосложения. Так?

— Предположительно, да.

— А тот, кто сумел подкрасться к опытному Титусу и нанести ему практически смертельный удар, не подходит под ваш портрет.

— Не подходит, — вздохнул доктор.

— Вывод?

— Вы же сыщик, а не я!

— Вывод тот, что их двое. И они могут быть как связаны между собой, так и совершенно не связаны.

Собеседники расстались по-дружески. Захарьин обещал сообщать Алексею все, что сумеет узнать по интересующему его делу. И вообще, поняв, что за поиски маньяка взялся серьезный человек, уездный доктор как-то повеселел...

А Лыков вернулся домой задумчивый. Подросток или subtilный мужчина... Возможно, старик... Это как? Прожил век с такой червоточиной в душе, и никто его не раскусил? Невозможно. Бок о бок с людьми, много лет. Кто-то да заметил. Но молчит. Полицию на Руси не любят. Где могут, стараются обойтись без нее. Опять же город маленький, узнают, сочтут за наговор. Надо зайти завтра к Рукавицыну, потолковать с ним. Пусть порасспросит обывателей по-свойски. Ему скажут такое, что Лыкову или судебному следователю не сообщат никогда.

Теперь второй. Уж этот точно не подросток! К Титусу суметь подкрасться... Лыков залез к Яну в стол и нашел упомянутую им записку. На четвертушке простой почтовой бумаги было написано аккуратным, типично писарским почерком: «Если хотите узнать важное, приходите сегодня в полночь в конец Солдатской улицы где бараки для ратников. Только один и возьмите двадцать рублей за что сообщу». Вот и первая улика! Начертание букв казенное, без видимых индивидуальных особенностей. Но завитушки в букве «в» любопытные, и «р» сильно сплюснута; пригодится в розыске.

Наконец, умывшись и собрав гостинцы, Лыков оправился в Нефедьевку. Экипаж Титус обновил. Легкую стальную пролетку, сработанную в Варшаве, споро тащили две гнедые башкирки. На козлах восседал кучер Сазонт Сазонтыч, катавший еще Варенькиного деда. Сама Варвара Александровна сидела рядом с мужем, прижимаясь к его могучему плечу; напротив примостилась Груша.

Нефедьевка расположена всего в восьми верстах от уездного города. Ничего себе имение! 30 000 десятин строевого леса, 1700 — пашни и усадебной земли, 2100 десятин выгону и почти 6000 сенокосу (чистого, мокрого и с кустарником). Дача имеет форму большой, вытянутой с запада на восток трапеции. Широкий конец этой трапеции примыкает к лесной речке Наврас, а узкий выходит к устью другой местной речки, Лапшанги, у впадения ее в Ветлугу. По границам владений расставлено шесть кордонов, в каждом проживают по два объездчика (женатые — с семьями). Объездчики на крепких конях и хорошо вооружены. Их главная задача — недопущение порубок, но плюсом еще надзор за состоянием фонда. Титус успел создать целую службу, новую для уезда. Он назвал ее несколько претенциозно: «отделение по воспроизводству леса». Артель вольнонаемных мужиков во главе с опытным лесоводом занимается теперь выращиванием саженцев и их посадкой. Кроме того, зимние вырубki упорядочены и наносят минимальный ущерб природе. Все это Ян успел сделать всего за два года!

На высоком берегу Лапшанги, с видом на пойму Ветлуги, стоит обширная барская усадьба. Главный дом в 18 комнат подремонтировали, покрыли крышу оцинкованным железом и заново выложили все печи. Рядом с ним расположены службы: баня, прачечная, летняя кухня, конюшня, дровник, казарма для прислуги, гостевой флигель. Особняком поставлен дом управляющего. Все это окружено парком, спускающимся к реке. Парк запущен, но еще красив; Титус грозился заняться им, однако руки пока не дошли. Наконец внизу, у реки, поставлены лодочная пристань и лесопильный завод; особняком огорожены две купальни.

В двух верстах выше по течению Лапшанги раскинулась бывшая крепостная деревня. Она тоже именуется Нефедьевкой. Чтобы не путать ее с помещьем, последнее поэтому чаще называют Нефедьевская дача. Отношения с мужиками выстроены деловые, а потому хорошие. Дача круглый год дает работу, кроме того, допускается брать лес на нужды общества. Если еще построить новый каменный храм вместо обветшавшего деревянного, так и совсем славно станет...

Через полчаса пути пролетка остановилась перед главным домом.

Лыков первым делом побежал отыскивать детей. Павлука и Николка обнаружили в беседке на угоре^[25] реки. Они весело сражались игрушечными кинжалами, год назад привезенными отцом из Дагестана. Рядом в песочнице играли в мирные куличики дочери Титуса. Поблизости стоял Степан Окуньков и внимательно — вот молодец — за всем наблюдал.

Завидев папашу, юные абреки побросали кинжалы и кинулись в его объятия. Павлука, как более бойкий, мигом вскарабкался отцу на шею, Николку пришлось взять на руки. Больше часа Лыковы всем семейством шатались по имению: Варенька показывала мужу сделанные Титусом улучшения. Груша тем временем успела распорядиться, чтобы для прибывшего хозяина натопили баню.

Потом был обед. Наевшись досыта, Брюшкин и Чунеев уснули. Алексей же вызвал в кабинет Окунькова и имел с ним долгий разговор. Сначала он одобрил, как Степан бдительно надзирает за детьми, затем велел этот надзор еще усилить.

— Сам видишь — кто-то пытался убить Яна Францевича. Тебя одного может не хватить, особенно если пойдете в лес или на рыбалку. Сними с кордона двух лучших объездчиков. Когда ты станешь выезжать в город, пусть стерегут детей.

— Зачем же мне выезжать в город?

— Скоро туда тайно прибудет мой помощник, бывший сыщик Петр Форосков. Ты будешь у нас на связи.

— Ага... Вы решили поймать того злодея!

— Конечно. Я получил отпуск на два месяца. Поселюсь в городе и начну там землю рыть. Ты останешься здесь старшим над прислугой. Когда понадобится — вызову. Вот, возьми, и без него теперь ни шагу.

Алексей протянул Окунькову шестизарядный «веблей-скотт».

— Обращаться умеешь?

— Никак нет, Лексей Николаич. Я, видите ли, освобожденный от воинской повинности. Как единственный сын при своих родителях. С ружьишком балуюсь иной раз, а с такою штукой не доводилось...

— Сейчас пойдем в лес, научу. Пришей изнутри поддевки, на левой поле, внутренний карман. Будешь там прятать. Чтоб всегда теперь был при оружии.

— Слушаюсь!

— Далее вот что. Собаки в имении есть? Что-то я сейчас ни одной не видел.

— Бегают одна Жучка. Ласковая; дети ее любят.

— Понятно. Срочно заведи двух сторожевых. Пусть будут неласковые,

зато чужих пуганут. Одну будку поставь на въезде, а вторую перед главным домом. Семью управляющего сегодня же перевези на жилье к нам.

— Слушаюсь!

— Сколько в усадьбе мужчин?

— Я, конюх с помощником, дворник, истопник, повар, лакей, буфетчик.

— А лесоводы?

— Они в деревне дом сымают.

— Те, кто здесь, люди надежные?

— Буфетчик запивает, но Варвара Александровна не велит его выгонять.

— Рассчитать его сегодня же. Обойдемся без буфетчика.

Окуньков только крякнул.

— Прочие?

— Люди честные. Много лет при Нефедьевых служат.

— Как прибудут два егеря с кордона, разбей всех мужчин на смены.

Пусть один караульщик при оружии постоянно обходит ночью все имение.

— Слушаюсь!

— Пока я ищу эту сволочь, Нефедьевка переходит на осадное положение. Людям быть настороже. Комиссионеров, офеней, просто гуляющих незнакомцев всех гнать взащей. Ставни на окнах укрепить и на ночь закрывать. Когда кто-то выезжает по делам, смотреть, чтобы несколько мужчин при этом всегда оставались в доме. И пусть у каждого будет свое ружье.

После Окунькова Алексей вызвал Вареньку и Грушу и известил их о новых порядках в имении. Обе приняли их беспрекословно.

— Я поселюсь в городском доме. Вы останетесь здесь и в Варнавин будете ездить только с охранником. Когда встретите на улице случайно Петра Фороскова, помните: вы с ним незнакомы.

— Ой! — Варенька смешно наморщила нос. — Петр Зосимович тоже здесь?

— Пока нет, но скоро появится. Он будет искать с другого конца. Мы тут все вверх дном перевернем, но выясним, кто детей убивал и кто покушался на Яшу!

7. Город Варнавин

Уездный город Варнавин имеет всего 1152 человека населения. Место он занимает глухое: 1223 версты от столицы, 563 — от Москвы и 385 верст от губернского города Костромы. Кругом леса да болота... Площадь всего уезда 9430 квадратных верст. На них расположено 800 000 десятин леса (из которых 83 000 — казенные) и 18 000 десятин лугов (лучших на Ветлуге). Уезд разделен на два стана и 18 волостей. Многие из живущих тут крестьян — раскольники.

Освоение этого глухого края началось в 1417 году. Тогда из Великого Устюга прибыл священник Варнава и поселился на Красной горе. Устюг в это время сделался местом кровавых раздоров между новгородцами и Московским княжеством, его постоянно жгли и разоряли то те, то другие. Устав «от ненавистной розни мира сего», преподобный и удалился в моленный скит. Он провел в нем 28 трудных лет. Кругом жили идолопоклонники-марийцы, в Заволжье полыхала Черемисская война. Варнава молился и наставлял тех, кто приходил к нему за словом Божиим. Он являл собой пример великого пастыря. Постепенно его скит сделался важным миссионерским центром, из которого по округе исходили лучи православной веры. Когда в 1445 году преподобный скончался, иноки воздвигли на горе два храма: в честь Николая Чудотворца и в честь Пресвятой Троицы. В 1497 году прибывшие из Унжи монахи основали на месте скита Троицко-Варнавинский мужской монастырь. В 1639 году Преподобный Варнава Ветлужский был причислен к лику святых.

В скудном лесном краю монастырь так и не сумел развиваться. Он медленно хирел и в 1764 году был упразднен как «маломощный». Прилегающая к нему слобода стала селом Варнавинская пустынь. В 1778 году Екатерина переименовала его в уездный город Варнавин и наделила гербом. В новоиспеченном городе тогда числилось всего 11 дворов, в которых проживали 50 человек!

Появление органов уездной власти послужило к развитию вчерашней монастырской слободы. В 1835 году была построена первая и пока единственная каменная церковь — Троицкая. В 1865-м, на волне Александровских реформ, учредилось Варнавинское земство. И все же город оставался маленьким и каким-то неказистым. Минувшим летом Алексей посетил соседний город Ветлугу, стоящий выше по течению одноименной реки. Казалось бы, такой же медвежий угол, ан нет!

Населения почти впятеро больше, на красивой площади стоят огромный собор и торговые ряды, хоть и деревянные, но добротные. Чистые мощеные улицы, многочисленные лавки; есть даже немецкая булочная! Вот это уездная столица, а тут...

Лыков знал общую статистику Варнавина. В городе 6 храмов, включая кладбищенский. Имеются мужское шестиклассное училище, женская церковно-приходская школа и земская больница. Все. Промышленность представлена единственно винным заводом купца Попова. Еще два лесопильных завода и древесно-картонная фабрика расположены в уезде. Кроме того, как говорят, приехал из столицы местный помещик, камергер Базилевский. Устал от жены и скрылся в леса... В своей Шудской даче камергер грозитя открыть стекловаренное дело, но обыватели сомневаются.

Несколько оживляют город четыре ежегодные ярмарки: Рождественская, Троицкая, Варнавинская и Михайловская. Особенно на Варнаву 11 июня бывает много народу: приезжают даже из соседних губерний. Торг тогда длится три дня. Бесчисленные паломники «по обещанию» ползают на коленях вокруг Никольской церкви. Кладбище, угор и все тротуары по ночам заполняются людьми, спящими вповалку прямо на земле. Большая площадь именуется Соборной с «монастырского» конца, а в остальной своей части она называется, как и положено, Базарной. В ярмарочные дни множество возов и палаток покрывают на ней все пространство и даже заворачивают в прилегающие улицы. Много дел бывает у полиции. Приезжими забиты постоянные дворы и лучшая в городе гостиница Островского. Из своих имений съезжаются местные помещики с семьями. На пристани в живорыбном садке плещутся огромные стерляди. Помощник повара то и дело спускается за ними из трактира и потом тяжело лезет с полной корзиной в крутую гору. Гудит ермолаевская пивная, гудят и городские кабаки. К вечеру мужики, продав весь товар, напиваются чернее государственной шляпы. Обнявшись, они ходят по улицам и долго пугают обывателей пьяными песнями. Но ярмарка проходит, и улицы снова пустеют.

Единственное место, где в будни теплится жизнь, — это упомянутая площадь. Она придумана в 1778 году, когда Екатериной был утвержден план застройки нового города. Площадь стоит на крайнем выступе моренной гряды, омываемой Ветлугой. Исстари этот выступ называли Красная гора: то ли за красоту, то ли за глиняную осыпь обрыва. С бульвара, с высоты 35 саженей, открывается прекрасный вид на реку.

Юг площади занят, как уже указывалось, территорией бывшего

монастыря. На могиле Варнавы всегда кто-нибудь молится; Троицкая церковь, хоть и главная, более пустынна. Кладбище вокруг старинное и потому заросло большими деревьями, в любую жару здесь тенисто. На скате к реке, красиво обсаженная деревьями, стоит часовня в честь того же Варнавы с ключом-колодезем. В городе есть еще два ключа: под горой (тот самый, с живорыбным садком) и под стрелкой (он тоже с часовней).

От площади отходят тремя лучами главные городские улицы: Дворянская, Костромская и Мещанская. В середине своей протяженности они пересекаются длинной Полукруглой улицей. Дворянская, несмотря на благородное название, самая неважная. Каменных строений на ней нет, а из домов примечательна лишь усадьба Нефедьевых. Та часть улицы, что идет от Полукруглой до кладбищенского оврага, называется в народе Чернотропой — за грязь и запущенность. На той стороне оврага — мещанское кладбище для бедноты, которой не находится места в бывшей монастырской ограде.

Есть еще два коротких луча, которые отходят от той же Полукруглой, — Солдатская и Варнавинская улицы. На Солдатской ближе к концу располагается уездная тюрьма. Там же казарма конвойных войск, а за ней те два барака, за которыми напали на Титуса. В бараках ежегодно в мае — июне поселяются запасные, призванные на учебные сборы. Остальное время казармы пустуют; иногда местное общество устраивает в них любительские театральные постановки. Ближе к перекрестку стоит неприметное деревянное одноэтажное здание с зарешеченными окнами — городской арестный дом. Варнавинская улица примечательна лишь жилищем богатого лесопромышленника Красильникова. Зато на углу Варнавинской и Полукруглой скопилось много всяких казенных строений, поэтому тут всегдалюдно. Уездное управление полиции, как и положено, соединено с пожарной частью и легко узнается по каланче. Вместе с ними здесь же помещается и уездное казначейство. Службы занимают одно из немногих каменных зданий Варнавина. Напротив — городская управа. Рядом лучший в городе постоялый двор Пономарева. Через улицу примечательно одноэтажное здание городского клуба, где по вечерам кипит жизнь. Бильярдные и ломбертные столы дополняет хороший буфет, и от чистой публики нет отбоя.

Костромская улица самая солидная. На ней стоит только что отстроенная усадьба купца Селиванова, наиболее красивая в городе. Это первый и пока единственный каменный жилой дом в два этажа. Есть и другие шикарные особняки, например помещика Смецкого и уездного предводителя дворянства Верховского.

Мещанская улица самая длинная. Она тянется до оврага перед пригородной деревней Потанино. Там создана не так давно новая площадь, пока безымянная, и на ней устроен противопожарный водоем. Из примечательных зданий на Мещанской можно отметить дом купца 1-й гильдии Попова с винным заводом при нем. Ну, завод — это громко сказано... Просто в большом кирпичном сарае спирт разбавляют водой, после чего продают ведрами всем желающим... Еще возле самой площади в доме купца Семенова располагается земская управа.

По окраине города, соединяя концы Костромской и Мещанской, длинной дугой проходят еще две улицы: Новая и Полевая. Одна сторона их заставлена домами, а вторая смотрит прямо в поле. Строение там самое ничтожное, рассказывать о нем положительно нечего.

Полукруглая улица состязается с Мещанской по своей длине. Она начинается на Княжьей горе, пересекает поперек весь город и завершается спуском к Ветлуге; здесь она называется уже Красницкой дорогой. По правой стороне дороги стоят жилые дома, по левой — кузницы. Длинный мощный спуск с мостом через речку Красницу (здесь обнаружили тело третьей жертвы маньяка) загибается затем влево и выходит на пристань. По спуску перевозят с пароходов в город тяжелые клади. Возле устья Красницы стоят еще две кузницы, а за ними небольшая площадка, где на Масленицу зажигают костер и проходят народные гулянья.

Две последние варнавинские улицы расположились у обрыва. Одна идет прямо по угору и называется бульваром. «Водовозка» разделяет бульвар на две части. Та, что ближе к собору, засажена невысокими деревьями и отмечена парой скамеек; она примыкает к монастырской ограде. Отсюда славный вид на стрелку и поворот Ветлуги. Вторая часть бульвара тянется к Княжьей горе и обустроена солиднее. Большая шестигранная беседка — излюбленное место отдыха обывателей. Деревья по аллее высокие, дающие тень и прохладу. Бульвар отделен аккуратным свежеекрашенным забором от последней городской улицы — Набережной, которая упирается в земскую больницу на 30 кроватей. Собственно, это и есть весь Варнавин. В уездном городе только одна настоящая площадь, а еще две слободки и девять улиц...

Город не очень живописен. В конце Базарной площади стоит деревянная, но по-своему элегантная гостиница Островского. При ней лучший в городе трактир, который трудно миновать человеку при деньгах и со вкусом. Справа от него, через дорогу — почтовая станция с телеграфным пунктом, а за ней бакалейная лавка Малиновского.

Налево от гостиницы высится большое двухэтажное здание уездных

присутственных мест. Это самое большое кирпичное строение в городе, не считая тюрьмы. Далее, через Костромскую — городское мужское училище, дающее шестиклассное образование. Рядом с ним еще один дом купца Попова, следом особняк с мезонином, принадлежащий княгине Трубецкой. На самом деле она невенчаная жена покойного «сиятельства», права на титул не имеет, но в городе ее почтительно именуют княгиней. Проживает вдова во флигеле, а дом сдает под квартиры. Тут же помещается ермолаевская пивная — тоже знаменитое в городе злчное место, но для людей попроще.

Наконец, на углу Дворянской улицы стоит еще один дом с мезонином, занимаемый судебным следователем.

На Базарной площади сосредоточена и вся городская торговля. В Варнавине много купцов! Там, где «водовозка» подымается на угор, стоят сразу шесть бакалейных лавок; тут самое сладкое место в городе. Направо к бульвару, за лестницей с пристани, расположился бревенчатый барак. В нем помещаются три мясные лавки; под каждой выкопан вместительный ледник. Между угором и площадью, напротив присутственных мест, стоят торговые ряды. Четыре длинных лабазов вмещают в себя множеств ларьков и магазинчиков. Пять ларьков торгуют пирогами и пряниками, еще несколько — той же бакалеей. Но тон в рядах задают продавцы красного товара — мануфактуры. Справа от лабазов на шести столбах под навесом помещаются огромные весы; на них взвешивают возы с сеном.

Наконец, внизу, возле пристани, поселилось несколько варнавинских семейств, связанных с пароходным делом. Здесь река образовала затон, в котором зимуют некоторые из ветлужских пароходов. При затоне выстроены ремонтные мастерские. Тут же сооружен большой плот, с которого обыватели черпают для нужд ветлужскую воду.

Тихий и уютный Варнавин очень понравился Алексею еще в первый его приезд. Все на виду, все под рукою. Горожане как одна семья: каждый здоровается с каждым. Люди вокруг основательные — сквозной народ! — но приветливые и отзывчивые. Принято ходить друг к другу по праздникам, родниться, выручать в трудную минуту... Особо славятся варнавинцы своим гостеприимством. Даже небогатый человек по такому случаю поставит на ребро последнюю копейку. Лыков уже решил, что, выйдя в отставку седым генералом, он уедет с Варенькой доживать отпущенный век в Варнавине. Супруги станут пить чай на балконе с литыми балясинами, ходить любоваться ветлужскими видами, нянчить внуков. Именно здесь, в этом маленьком городке. Поскольку такие города лучше всего приспособлены для спокойной жизни.

8. Первые знакомства

Лыков стоял перед зеркалом и поправлял ордена на парадном мундире. Ему предстояло отправиться к местному начальству с расспросами, а для этого надлежало сперва представиться. Причем сделать это так, чтобы потом получить ответы на свои вопросы. Поэтому сейчас коллежский асессор развешивал награды по широкой груди особенно тщательно, чтобы произвести впечатление.

И то сказать, поглядеть было на что. Двадцатидевятилетний чиновник скромного восьмого класса имел уже два шейных ордена. К Станиславу второй степени за Забайкалье в прошлом году добавилась Анна. Лыков был прикомандирован тогда к экспедиции Военного министерства. Отряд казаков при четырех офицерах под командой барона Таубе пробирался в труднодоступный горный район Южного Дагестана. Возле снежных вершин заколдованной горы Аддала-Шухгелымеэр в кровавой схватке была уничтожена банда абреков, руководимая резидентом турецкой разведки. Таубе и Лыков остались живы чудом; их отряд потерял половину списочного состава. Это была настоящая боевая операция, поэтому Алексей, состоящий в статской службе, получил на шею Анну с мечами. В секретном указе было написано: «В виде совершенного исключения из правил, за отлично-примерное исполнение обязанностей помощника начальника отряда, связанное с многократной опасностью для жизни». Точнее и не скажешь!

Владимир четвертой степени, солдатский Георгий и три медали (аннинская, коронационная и за турецкую войну) дополняли иконостас коллежского асессора и придавали ему браво-торжественный вид. Камер-юнкерский мундир Алексей решил из Питера не тащить. На наличие у него придворного звания указывали орлы на узких погонах; умному достаточно...

Оставшись доволен увиденным в зеркале, Лыков нахлобучил на голову треуголку с плюмажем (вот уж архаизм!), пристегнул шпагу и накинул сверху партикулярный пыльник. Пугать тихий городок сонмом своих орденов ему не хотелось. Итак, можно начинать обход.

По закону высшим представителем власти в уезде является предводитель дворянства. Однако дело, которое собирался начать Алексей, относилось до полиции. Потому в первую очередь Лыков пошел к исправнику.

Полицейское управление находилось на Полукруглой, в одном доме с уездным казначейством. Одноэтажное здание скучной архитектуры было выкрашено в казенный желтый цвет. Возле управления стояла служебная пролетка и скучал городской.

Кивнув последнему — тот, замешкавшись, откозырял, — Лыков сразу прошел в приемную. Сбросил на руки дежурному пыльник и приказал:

— Доложи его благородию: чиновник из Петербурга желает представиться.

— Слушаюсь, вашество! — выдохнул парень и исчез за дверью начальственного кабинета. Через секунду там звякнули шпоры, и хозяин сам вышел в приемную.

— Чиновник особых поручений восьмого класса Департамента полиции, камер-юнкер коллежский асессор Лыков Алексей Николаевич. Представляюсь по случаю прибытия в город Варнавин и Варнавинский уезд в отпуск сроком на два месяца.

— Очень польщен, Алексей Николаевич! Варнавинский исправник штабс-ротмистр Бекорюков Галактион Романович.

Исправник оказался крепким мужчиной одного возраста с Лыковым, ловким в движениях, с хорошей строевой выправкой бывшего офицера. Красиво очерченное волевое лицо немного портило отсутствие усов. Сабля на штабс-ротмистре была подвешена по-кавказски, то есть лезвием вперед. Это дало повод Лыкову продолжить разговор вопросом:

— Служили на Кавказе, Галактион Романович?

— А... — махнул тот рукой. — Юношеская дурь. Пытался попасть на турецкую войну. Поступил юнкером в полк и даже добрался с ним до Кутаиса. Там поймал малярию и провалялся с ней полгода в госпитале, после чего прозябал в команде малосильных. Медальку, правда, дали, но не такую, как у вас, а темно-бронзовую^[26]. А вы, как я вижу, навоевались всласть?

— Даже с избытком...

— Не прикажете ли чаю, Алексей Николаевич? Лузгин! В трактир за чаем, живо!

В ожидании чая собеседники присели. Бекорюков внимательно изучил лыковский иконостас и сказал:

— Не понимаю. Солдатский Георгий еще туда-сюда; видимо, вы начинали вольнопером. Но Анна с мечами откуда? У статского.

— Это за секретную экспедицию Военного министерства в Дагестан в прошлом году. Я был временно прикомандирован — гонялся за абреками.

— Секретная экспедиция... абреки... Слова-то какие! Видать,

интересная у вас служба. А тут сиди в этом богом забытом месте и тяни лямку до пенсионера. Скуотища...

— Но и у вас случаются происшествия. Собственно, об них и мой разговор.

— Пойдите. Вы не тот ли Лыков, что вступил в опекунов над Нефедьевской дачей?

— Тот самый.

— Ага. Значит, вы пришли поговорить насчет покушения на вашего управляющего. Так?

— Да, но не только об этом. Ян Францевич вел по собственной инициативе расследование убийств в городе троих детей. Которые подведомственная вам полиция никак не может раскрыть.

— Самодеятельные расследования уголовных преступлений незаконны, — тут же перебил Лыкова исправник.

— Я знаю. И тем не менее собираюсь продолжить начатое господином Титусом дело, но в сотрудничестве с вами и с надеждой на ваше содействие.

Бекорюков фыркнул:

— С чего же вы решили, господин столичный турист, что я стану вам помогать? Вы вторгаетесь без спросу в мою компетенцию — и я же буду вам содействовать?

— Но если у вас самих не получается... По-моему, это выгодно для вас, Галактион Романович. Сотрудничество станет негласным, лавры все будут ваши, мне они не нужны. А начальство в Костроме получит улучшение статистики. А то ведь три нераскрытых убийства и покушение — это, согласитесь, много для тихого Варнавина. Могут и не понять, ежели по-прежнему ничего не делать...

— Да вы наглец, сударь, — вскочил с кресла штабс-ротмистр.

Тут в дверь просунулась голова дежурного, и тот доложил бодрым басом:

— Чай, ваше благородие! Прикажет внести?

— Пошел вон! — рявкнул исправник. На лице дежурного мелькнуло изумление, и он мгновенно исчез обратно в приемной.

— Вы наглец, — повторил Бекорюков. — И вот что я вам скажу. Я просто вышвырну вас из уезда. Под конвоем. А губернатору доложу о вашем самоуправстве и попытке вмешаться в дела управления. Как, годится? Пусть ваше начальство в Петербурге разъяснит вам границы дозволенного на службе.

— Ну, тогда и я вам скажу. Сейчас я выйду отсюда и отправлюсь прямо

на телеграф. Сообщу экспрессом директору Департамента полиции Дурново о творящихся здесь беспорядках и бездействии. Тот войдет с докладом к министру внутренних дел графу Толстому. В итоге костромской губернатор даст вам команду: оказать полное содействие коллежскому асессору Лыкову в расследовании серии преступлений, производимом по личному указанию министра. С пояснением: в связи с тем, что местная полиция не в состоянии сама справиться со своими обязанностями. Поскольку целиком занята предпринимательством, запрещенным на коронной службе.

Штабс-ротмистр сел, откинулся на спинку стула и вяло сказал:

— Ведь это шантаж...

— Пустяки, милейший. Мы с вами в полиции служим, а не в палате мер и весов; привыкайте. Это я еще мягко формулирую. Вот когда я совсем на вас осерчаю, то сюда явится Летучий отряд Департамента полиции, в коем, кстати, я состою помощником начальника. И поставит тут все на уши. Вас же отстранят от должности и передадут дело в особое присутствие Сената. А там у них разговор короткий: была бы голова, а вши будут. Когда очутитесь в отставке без прошения, много легче станет заниматься лесными подрядами — частному лицу это не возбраняется...

— Вы настолько всеильны в департаменте? — спросил раздосадованный исправник. — С чином восьмого класса... Или ваше камер-юнкерство так вас вдохновляет?

— Я в департаменте рядовое лицо, вы правы. Но мой наставник, вице-директор и камергер Благово, очень влиятельная фигура. И, между прочим, близкий приятель генерала Черевнина, начальника личной охраны государя. Далее объяснять надо?

Исправник грустнел на глазах.

— Ну, так на чем порешим? Я уезжаю отсюда под конвоем, а через три дня триумфально возвращаюсь во главе Летучего отряда? Или мы договоримся здесь, сейчас, по-домашнему и без огласки?

— Чего же вы желаете? В деталях...

— Ознакомиться со следственными делами по всем трем случаям.

— Это не ко мне. Дела находятся у судебного следователя Серженко, мне не подчиненного.

— Но первичное расследование вели ваши люди. Остались бумаги: протоколы осмотра местности, протоколы допросов и опросов свидетелей, агентурные материалы. У вас имеются версии происшедшего, отброшенные и находящиеся в разработке. Я хочу изучить их и побеседовать с непосредственными исполнителями розыска.

— Это возможно. Дела вели городской пристав Поливанов и сыскной надзиратель Щукин. Я прикажу им ответить на все ваши вопросы.

— Вот и хорошо. Обещаю не беспокоить ни вас, ни ваших людей по пустякам. Когда я могу с ними побеседовать?

— В пять пополудни приходите сюда, и оба вышеназванных лица окажутся в вашем распоряжении.

— Благодарю.

— А чайку, Алексей Николаевич? По случаю примирения. А? Лузгин!

В дверь осторожно просунулась голова дежурного, но Лыков отказался:

— Спасибо, Галактион Романович, но в следующий раз. Пойду познакомлюсь с господином Серженко.

— Желаю успеха. Он не здешний, поэтому... но впрочем, сами сейчас увидите.

Судебный следователь Серженко нанимал приличный дом с мезонином на Соборной площади. Секретарь глянул на Лыкова и, прося обождать, отправился к шефу с докладом. Из-за полуприкрытой двери Алексей расслышал:

— Из Петербурга... а орденов — что на рождественской елке игрушек...

— Зови.

Лыков вошел в кабинет, назвал себя. Хозяин, в мундирном сюртуке с университетским значком, ответил:

— Рад, рад знакомству. Тут, в наших дебрях глухих, любой человек из столицы желанный гость. Позвольте представиться: судебный следователь третьего участка Московского судебного округа титулярный советник Лев Мартынович Серженко.

Следователь оказался рослым человеком лет тридцати двух, с рыжими волосами и умными внимательными глазами. Игривые усики тоже рыжего цвета делали его похожим на светского «савраса»^[27].

— Вы новый обладатель Нефедьевки? Точнее, опекун. Я слышал, вас ждали. В связи с этим неприятным происшествием...

— Да, я приехал его расследовать. Смею ли я надеяться на ваше содействие?

— Содействия в чем?

— В розыске злоумышленника.

— Но это дело здешней полиции.

— Видите ли... Ян Францевич Титус на свой страх и риск занимался поиском маньяка, убившего в Варнавине трех детей.

— Что вы говорите! — опешил Серженко. — Но как он решился на это, он — партикулярное лицо?

— Господин Титус до того, как стать партикулярным лицом, возглавлял нижегородскую сыскную полицию. И жуликов ловить умеет не хуже, чем управлять имением.

— Интересно... А вы, стало быть, желаете довести дело до конца?

— Да. Очевидно, что мой управляющий сделался жертвой именно того человека, которого искал...

— Очень вероятно!

— ...Убийца почувствовал опасность и нанес упреждающий удар.

— Значит, господин Титус напал на его след! Он в сознании? Я должен срочно его допросить!

— Я с ним уже говорил об этом. Увы. Ян Францевич в сознании, но ничего нового и важного сообщить не мог. Его вызвали анонимной запиской за казармы ратников, там подкрались и ударили ножом. Кто — он не видел.

— Как жаль! Я рассчитывал на новые улики. Полиция зашла в тупик. А где записка?

— Пропала.

— Снова жаль. И господин Титус совершенно ничего не успел выяснить? Ведь чем-то он напугал злодея.

— Полагаю, просто своими расспросами.

— М-да... Но вы просите о содействии. В чем же именно?

— В розысках убийцы.

— Однако это противозаконно! Вы просите меня, чиновника Министерства юстиции, призванного охранять закон, добровольно нарушить его?

— Лев Мартынович, у вас дети есть?

Серженко нахмурился:

— Бог не дал пока.

— А у меня два сына. Они будут жить здесь все лето. У Титуса две дочки. И еще есть много других детей вокруг, над которыми витает страшная опасность. Полиция почти бездействует или просто бессильна. Что прикажете делать? Молча на это смотреть? А ведь я тоже хорошо умею ловить всякое отребье.

— Не сомневаюсь, судя по вашим орденам. Но почему бы вам не получить официальные полномочия из Петербурга?

— Как раз к осени и получу, — грустно усмехнулся Алексей. — Когда уезжать надо будет. А здешнюю полицию вы лучше меня понимаете.

— Да уж! — в сердцах сказал следователь. — Бекорюкова с Поливановым иногда неделями в городе не увидишь. Особенно когда сплав начинается. Совсем лесные барыши им голову вскружили.

— Вот видите. Пока я здесь в отпуске, самое время душегуба поймать. Помогите.

— А и помогу! — решительно сказал Серженко. — Что я, бездушный сухарь, что ли? Но поступим мы с вами хитро. Заставить Бекорюкова оказать вам содействие я не властен.

— И не надо. Я с ним уже договорился.

— Как вам это удалось? — удивился следователь. — Нашего буку уговорить! Это же подвиг, достойный Геракла! Галактион Романович и непосредственное-то начальство вниманием не балует. Самолюбив донельзя и чем-то на жизнь постоянно обижен.

— Ну... мы сначала повздорили. Меня обещали выслать из уезда под конвоем. Я взамен обещал через три дня вернуться во главе Летучего отряда Департамента полиции с предписанием министра провести расследование. Ввиду неспособности к этому местной полиции... И штабс-ротмистр быстро переменил тон.

— Ловко!

— Конечно, я чуть-чуть блефовал, но получилось неплохо. Так что сегодня вечером беседую с Поливановым и каким-то Щукиным; им велено ответить на все мои вопросы.

— Отлично. Щукин местный сыскной надзиратель и очень серьезный человек. Познакомитесь — оцените. Иван Иванович знает о теневой стороне Варнавина много больше, чем Бекорюков, Поливанов и я вместе взятые. Но что нужно от меня-то?

— Ознакомиться со следственными делами.

— Понял. Дать их вам официально я, извините, не могу. Но в этом и нет необходимости. Приходите ко мне сегодня вечером, часам к восьми. Я сяду писать скучный отчет начальству. Будет самовар, цимлянское и легкая закуска. Ваши три дела обнаружите вот на этом бюро. Вы их спокойно изучите; прошу только не делать из них выписок. И вообще я к вашим услугам, готов в частном порядке дать любые разъяснения.

— Благодарю. Вот это не формальный подход, а человеческий. Побольше бы на Руси таких бюрократов! Итак, в восемь?

— Да. И, прошу вас, не думайте о Бекорюкове слишком плохо. Там есть и симпатичные черты. Галактион Романович храбрый человек, любимец женщин. Лучший в уезде охотник на медведей. Причем ходит на них по старинке, без ружья, а только лишь с кинжалом и рогатиной.

— В одиночку? — поразился Лыков.

— Нет, вдвоем со своим товарищем Готовцевым. Это уездный воинский начальник. Богатырь и балагур. Но все равно, согласитесь, отчаянное дело!

— Да. Я бы трижды подумал, уж на что битый-тертый, прежде чем идти на такое. А вы не знаете, почему он усов не носит?

Титулярный советник рассмеялся:

— Сыщик во всем видит загадку? Или, вы полагаете, это не по-офицерски? Нет, объяснение простое. Галактион Романович бреется оттого, что усы у него получаются все седые и старят штабс-ротмистра.

— Седые? В его возрасте?

— Ну, есть люди, склонные к ранней седине. И потом, жизнь у исправника была всякая, не только веселая. Видите ли, он происходит из очень хорошей здешней семьи. Бекорюковы в родстве или свойстве со всеми лучшими варнавинскими фамилиями. Не то что я — приезжий. Галактион Романович учился в лучшей костромской гимназии, откуда сбежал на войну, но неудачно.

— Да, он рассказывал.

— А что было потом, не говорил?

— Нет.

— После госпиталя он получил чин корнета и уехал служить в Туркестан. Воевал там под командой самого Скобелева, брал штурмом Геок-Тепе. Так что крови и пороху Бекорюков понюхать успел. Служили они, кстати, вместе с Готовцевым, а также со Щукиным — тот был у Галактиона Романовича взводным унтер-офицером. Но война закончилась, и началась обычная жизнь, да еще в страшном захолустье, среди туземцев и верблюдов. После перенесенной малярии нести такую службу Бекорюков не мог и вышел в отставку. Началась трудная полоса. Галактион Романович артистичная натура. Один сезон он даже отыграл в Костроме, в городском театре, но не ужился с антрепренером. Вернулся сюда, обретался не в авантаже. С большим трудом, за предыдущие заслуги своего древнего рода, получил место исправника. Да, служит он спустя рукава. Такой недюжинной личности здесь и скучно и тесно. Полагаю, он мотается на свою Вятку не только ради денег, но и чтобы отвлечься от мелкой толкотни уездной жизни. Галактион Романович... он неплохой человек. Присмотритесь к нему. Вы неудачно начали знакомство, а он самолюбив и не любит, когда лезут в его дела. Но все утрясется. Особенно если вы поймаете маньяка, а лавры предоставите ему, ха-ха! Приглашаю вас для этого, то есть для того, чтобы вы подружились, на наши «островские

вечера». Там вы сойдетесь и с Бекорюковым, и с цветом здешнего общества.

— «Островские вечера»?

— Да. По вторникам и субботам мы, несколько дворян города Варнавина, собираемся к девяти часам в трактире Островского. Там наверху есть комната, куда вход чужим заказан. Нас около десятка, если нет гостей. Приличные все люди, живые, нескучные. Беседуем, играем в вист и на бильярде, там и там по маленькой. Обсуждаем актуалитэ^[28]. Предводитель нашей трактирной шайки как раз Бекорюков — он придумал и организовал эти вечера. И знаете, с ними жизнь сделалась не так скучна! Завтра как раз вторник. Наши будут рады новому лицу, тем более из столицы, тем более уже не постороннему Варнавину.

— Благодарю и охотно принимаю приглашение. Теперь же разрешите удалиться, но я не прощаюсь.

— Да. В восемь пополудни жду вас снова в гости. Интересующие вас дела будут уже приготовлены.

9. Разговоры, разговоры, разговоры

Выйдя от судебного следователя, Лыков задумался. Бекорюков обещал собрать своих людей к пяти, а на часах только половина двенадцатого. Можно было, пока сыщик в мундире, представиться уездному предводителю дворянства и председателю земской управы. А можно было навестить Рукавицына. Последнее представлялось более полезным, но пугать скромного съемщика орденами и шпагой было бы неразумно. Поэтому Алексей вздохнул, плотнее запахнул пыльник и отправился сначала на телеграф. Доложил Цур-Гозену о своем прибытии к месту прохождения отпуска, забежал домой выпить чаю, а затем отправился дальше по местному начальству.

Предводитель дворянства Верховский жил в собственном, очень солидном особняке на Костромской улице. Хотя в корпусе присутственных мест ему полагался служебный кабинет, он предпочитал принимать посетителей на дому. В прошлом году Лыков заезжал в Варнавин ненадолго, всего на пару дней, и не успел познакомиться с предводителем. Ему передавали после, что Верховский обиделся. Видимо, поэтому сейчас он принял гостя несколько высокомерно. Вальяжный барин лет сорока пяти, с лысиной и брюшком, вышел сначала в домашней куртке. Увидав мундир, извинился и убежал в комнаты. Через пять минут он вернулся уже в парадном дворянском полукафтани с отложным зеленым воротником, украшенным вышитыми знаками коллежского советника. На полукафтани сияли пуговицы с гербом Костромской губернии и красовался аляповатый персидский орден Льва и Солнца третьей степени.

— Простите, что заставил ждать. У меня к вам сразу вопрос, господин камер-юнкер: вы собираетесь хозяйничать в Нефедьевке или только наезжать, как сейчас? Мы, здешнее дворянство, можем на вас рассчитывать?

— Я служу в Петербурге и пока заниматься имением у меня нет никакой возможности.

— Ясно. В столице, в салоне Салтыковых, я слышал историю Варвары Александровны и то, какое участие в ней приняли вы и ваш начальник Благово. Павел Афанасьевич, кажется?

— Точно так.

— Государь издал два именных указа по улучшению положения бедной сироты. И все это — по ходатайству скромного чиновника.

- Доброта его величества общеизвестна.
- Стало быть, вы не шутили, когда обещали штабс-ротмистру Бекорюкову прибытие сюда чинов Летучего отряда?
- Совсем не шутил.
- Я так и понял. И разъяснил Галактиону Романовичу, что в его собственных интересах содействовать вашему расследованию. Да и всего населения города в интересах.
- Благодарю вас, господин предводитель.
- Вы здесь, кажется, на все лето?
- На два месяца.
- Полагаете, что успеете?
- При помощи полиции это станет куда легче...
- Она вам будет предоставлена в полном объеме. И кстати, милости прошу зайти к нам завтра вечером на нашу дружескую вечеринку.
- На втором этаже трактира Островского? Буду, непременно — меня уже пригласил туда судебный следователь Серженко. Я сейчас от него.
- Хм... Надо, милостивый государь, всегда начинать знакомства с предводителя дворянства, как с высшего представителя здесь коронной власти.
- Я полагал, что мое дело касается в первую очередь полиции, и потому лишь начал с нее; прошу меня за это извинить.
- Ну хорошо. Увидимся завтра вечером. Будет весь цвет, кроме нескольких гордецов и домоседов.
- Верховский уже как равному подал Лыкову руку. Поклонившись, тот повернулся и вышел вон, но успел разглядеть в зеркале нацеленный ему в затылок взгляд хозяина. Неприязненный такой взгляд, с прищуром. Станный для вежливой беседы.
- Через десять минут Алексей подымался на второй этаж дома купца Семенова, где снимала помещение варнавинская земская управа. Сторож, молодой мужчина на деревянной ноге, с медалью за турецкую войну, проводил сыщика в начальственный кабинет. Председатель управы Челищев оказался, не в пример предводителю дворянства, жизнелюбивым крепышом с розовыми щеками, покрытыми короткой бороденкой. Звали земца заковыристо: Илларион Иринархович. Уже через фразу Челищев пригласил нового знакомого на «островские вечера». Поговорив четверть часа ни о чем, Алексей откланялся. Уф! Теперь можно было пойти домой, переодеть тесный мундир на статский сюртук и поесть обещанной кухаркой к обеду селянки.
- Ровно в пять коллежский ассессор входил в управление полиции.

Бекорюкова на этот раз на месте не оказалось, но он отдал все необходимые распоряжения. Дежурный проводил гостя в пустую комнату со столом и двумя стульями и отправился за сыскным надзирателем. Алексей стоял спиной к двери и глядел в окно, как вдруг почувствовал, что в комнате есть кто-то еще. Мгновенно одним движением он и развернулся, и отступил на шаг. И обнаружил перед собой мужчину среднего роста и крепкого сложения, с заурядным лицом, усами щеткой и бесцветными глазами. Одет незнакомец был в синюю чуйку и потертую поддевку, на ногах — готовые сапоги, в руке зажат картуз с суконным козырьком. Все обыденно и неброско, как и должно быть у толкового агента.

— Дозвольте представиться: сыскной надзиратель Щукин прибыл в распоряжение вашего высокоблагородия. Согласно приказанию господина исправника.

Голос у Щукина оказался глухой, чуть хрипловатый, словно у обычного пьяницы. Но бесцветные глаза смотрели зорко и жестко.

— Как вас зовут?

— Иваном Ивановичем, ваше высокоблагородие.

— А зачем подкрадывались?

— Ни за чем. Я всегда так хожу.

— Зеленый басон на воинской службе носили?^[29]

— Так точно. Командир отделения команды разведчиков 64-го Казанского имени Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича пехотного полка.

Щукин отвечал спокойно, с достоинством, смотрел прямо в глаза и вообще производил впечатление человека на своем месте. Но пластун! Подошел бесшумно; Лыков его не услышал, а только почувствовал.

— Садитесь, Иван Иванович. Меня зовут Лыков Алексей Николаевич, я разбираюсь в обстоятельствах ранения моего управляющего. Господин исправник пояснил, что вы должны честно и подробно ответить на все мои вопросы?

— Так точно, ва... господин Лыков. Спрашивайте.

— Мой управляющий Титус пытался самостоятельно найти убийцу троих детей.

— Вел свое расследование? Это незаконно.

— Я знаю. Но мы уже уладили этот вопрос с Галактионом Романовичем.

— Понятно.

— Так вот, я подозреваю, что все четыре преступления совершил один человек.

Щукин наморщил низкий лоб:

— Э-э-э... То есть...

— Да, именно тот самый маньяк. Поэтому расскажите мне подробно, как вы расследовали убийства. Начиная с первого случая. Что сделано полицией по розыску, какие найдены улики, что дали допросы, какие были версии. Подробно! Заодно опишите общую криминальную обстановку в городе и уезде.

— Слушаюсь. Значит, так... Все три убийства совершены способом удушения, и все три летом. Это наводит на выводы. Например, такие, что зимой маниак в городе отсутствует.

— Хм... Возможно. Но зимой раньше темнеет, и дети реже ходят по улицам поодиночке.

— Не соглашусь, но продолжаю, — спокойно, как равный равному, ответил сыскной надзиратель, и Лыкову это понравилось. — Первая жертва — отрок десяти годов, сын мещанина Егоркина. Проживал в Коротком переулке возле кладбищенского оврага. Часто там и играл, как все тамошние мальчишки. Пропал 2 июня 1884 года после обеда. Гулял без товарищей по улицам. Последний раз его видела соседка, когда парнишка шел по переулку в сторону Чернотропой улицы и грыз яблоко. Обнаружен только через двое суток в овраге. Выломаны четыре пальца, выдавлен левый глаз; смерть наступила от удушья.

— Что сделано в рамках расследования?

— Опрошены все обыватели с прилегающих улиц. Никто и ничего...

— Агентура?

Щукин вздохнул:

— Я самолично поставил всех на дыбы. Агентура, конечно, какая-никакая, но есть... Спервоначально подозрение пало на горчишников^[30]. Те, по правде сказать, в последнее время несколько распустились. Хабалят^[31]. На ярмарках затевают драки, в табельные и базарные дни пьют и озорничают, пристают к обывателям. Девчонку прошлой осенью насильничали, весной красильщику Головушкину баню сожгли.

— За что?

— А он им на улице замечание сделал.

— Чего же вы их терпите?

— Родители девчонкины спервоначалу дали заявление, а потом забрали. И Головушкин то же самое.

— Запугали?

— А то! Но начальство осталось довольно — статистику подправили.

Посему я получил команду ничего не предпринимать.

— Понятно. Серьезная шайка?

— В праздники человек двадцать собирается. Из пригородной Потаниной деревни, с выселков, с Красницкой дороги. Молодежь, но лихая. Там, где отца нет или есть, но пьяница. Ходят с ножами, могут их и в ход пустить. Обывателям неприятно.

— Кто главный?

— Ваня Модный. Сын купца первой гильдии Селиванова. Развращенный малый, и вообще гнилой не по годам. Купец этот кредитовал кое-кого... для начала лесного дела...

Лыков молча скосил глаза в сторону кабинета исправника, и Щукин так же молча кивнул.

— Но ведь убийства уже из статистики не выкинешь. Почему отбросили горчишников?

— Потому, что это не они.

— Точно ли?

— Я, господин Лыков, свое дело знаю, — спокойно ответил сыскной надзиратель. — Кого хошь тут спросите. И душегубам потачки давать не склонен. Ребенка убить — это не баню сжечь. Тут другие должны быть люди.

— Или нелюди...

— Как угодно. У всех горчишников доказанное инобытие. В этот вечер их шобла сидела в кабаке Коммерческого. У Вани именины аккурат 2 июня. Папаша денег дал и уехал в Кострому по торговым делам. Начались пьяные аллюры, с мордобоем и песнопением. Гуляли основательно, пока все не обблевались. Намулындались так, что которые и утром еще спали.

— Хорошо. Где еще искали?

— Психованных всех проверили. И не только варнавинских, но и на пятьдесят верст вокруг. Насчитали девятнадцать дурачков, но все оказались тихие. Опять, они завсегда на виду. Трое-четверо лишь из них шлятся по уезду наги-босы, юродствуют. Один даже из Семенова ходит. Нет, и не они.

— Беглые, дезертиры?

— Вот тут в самую точку! Такие имеются завсегда. Сколько их — никто не знает. Потому староверов тут очень много, а они весьма любят этого брата от властей укрывать. На зиму особенно. Летом ребята по теплу уходят — в Москву, в Питер, в Нижний на ярмарку, а зимой возвращаются. С добычей, из которой оплачивают раскольникам постой. И опять до весны их нет. Двоедана^[32] за радость власть подкузьмить.

— Агентуры по деревням у вас, следовательно, нет?

— Если бы вы, господин Лыков, знали мой годовой бюджет на осведомительную работу — не спрашивали бы.

— Рублей триста?

— Восемьдесят девять рублей четырнадцать копеек.

— Да... Но продолжайте. То есть вы полагаете, что эти лихие люди вполне могут поставить нам маньяка. Так?

— Так. Больше половины населения уезда — сектаторы. Зимой им всем требуются работники, дешевые и безотказные: лес валить и свозить к речкам. Таких они не выдадут, даже если что-то и заметят. Выгонят лишь из дому, а нам ни слова.

— А если маньяк из них, из местных?

— Тем более не скажут. Отдадут в скит или монастырь тайный на исправление. А то просто под лед спустят. Лишь бы не было огласки — на все готовы.

— Уголовные в городе есть?

— Не в городе, но где-то в уезде сидит шайка блиноделов^[33]. Гонят четвертные билеты дрянного качества, почему и отсылают их только в Туркестан. Еще целковики точат из дерева, облачают в белую латунь и пихают калмыкам, черкесам и прочим нерусским.

— А где именно производят?

— Полагаю, что в Урене. Это значительное село за Ветлугой, целиком беспоповское. Но точными сведениями не располагаю — сектаторы скрытный народ.

— Блиноделы детей душить не станут. Нет ли кого посерьезнее?

— Шайка гайменников, числом шестеро или семеро. Главарем у них Челдон.

— Челдонов четверо: Мишка московский, Петька елизаветпольский, Герасим, но он сейчас сидит, и еще Гаврила из Мезени. Который у вас?

Тут Щукин впервые поглядел на Алексея с интересом:

— Не могу знать. Нашему больше тридцати годов, волосы и борода русые...

— На левой щеке родимое пятно в форме треугольника. Так?

— Точно так.

— Гаврила. Сукин сын, этот худший из всех. Как он у вас-то оказался?

— Помощника себе взял из варнавинских, Ваньку Перекрестова. Вот и приткнулись они где-то в уезде.

— Плохая новость. Тварь, каких мало, этот Челдон. Хитрый. Четыре убийства в Москве. На самом деле больше, но доказано лишь четыре. Объявлен в циркулярный розыск еще два года назад. Осенью его прижали в

Первопрестольной, и он бежал. У вас, значит, объявился! И чего же вы с Бекорюковым терпите? Это уж не горчишник!

— Сами сказали, что хитрый! Где живет, установить не удастся. Даже мне. Иногда по ночам появляется в кузнице Снеткова, в самом низу Красницкой дороги. Снетков здешний притонодержатель, очень вредный. Змеиное сало, щучья кровь... Дважды я его брал, и оба раза выпускали «с полным почтением»^[34].

— А облава?

— Какая там облава... Место удаленное, кругом лес и овраги. Ночью как его оцепить? Сто человек нужно, а нас в штате всего пятеро.

— Значит, вы этим утешились и ничего не предпринимаете?

— А что я могу? — рассердился Щукин. — Явиться на кузницу к Снеткову и ждать, пока Челдон соизволит открутить мне там башку? Он же не дурак, где жрет — не свинячит! У нас тут тихо. Живи, ребята, пока Москва не проведала! Катаются в Кострому, в Нижний, кого-то там режут и сюда возвращаются. Раз видали Челдона в селе Богородском, он жил три дня на постоялом дворе Варзаева. А где главная его квартира — никто не скажет. Потому, все его боятся, как огня, слова ни из кого не вытянешь. Господин исправник и так и сяк рядил и решил не связываться. Их шесть горлорезов — они сами кого хошь укатают! Послали рапорт вице-губернатору и успокоились.

— Ладно. Как вы думаете, Иван Иванович, может Челдон иметь отношение к нашим убийствам?

— Сам — ни в коем случае. Зачем ему? Челдон не маниак, а грабитель. Только лаванду^[35] свою палить без пользы...

— А кто-нибудь из его банды?

— Вроде бы и им это не с руки, но кто ж их знает? Я имею только две клички: Вовка Говяш и какой-то Брынь. Еще Ванька Перекрестов, у того хоть приметы есть. Более ничего о составе банды не знаю. Говорю же: боятся все их очень. Ни один освед не скажет.

— Ну, давайте о двух других жертвах.

— Вторая — крестьянская дочь одиннадцати лет, семья проживает на Солдатской. Нашли в том же овраге 28 августа того же года. Опять никаких свидетелей. Третий — крестьянский тоже сын, из проживающих при кузнях в учениках. Двенадцати годов. Обнаружен под Красницким мостом в мае прошлого года. Обе жертвы задушены, выломаны пальцы, вырваны волосы.

— Глаза?

— Глаза целы.

— Иван Иванович, — Лыков сдвинул брови, посмотрел на сыского надзирателя с надеждой. — Вы тут все и всех знаете. Дайте мне какую зацепку! По-вашему, наиболее вероятны чужие: беглые или дезертиры, которых по деревням укрывают старообрядцы. Так?

— Да. И это подтверждается тем, что нападения происходят только летом. Ни одного нет зимой!

— Вторые подозреваемые — это люди Челдона, но эта версия менее правдоподобна. Так?

— Именно так. А были бы наши местные, я бы их давно уже сыскал. Не стану зря хвалиться, но наших насквозь всех вижу... Это кто-то из пришлых.

На этом разговор завершился. Договорились напоследок, что Щукин будет сообщать Лыкову обо всех происшествиях в уезде, и Алексей отправился искать городского пристава Поливанова.

Тот обнаружился в своем кабинете, соседнем с апартаментом исправника, за сочинением какой-то бумаги. Среднего роста, кудрявый, черноволосый и, в тон Бекорюкову, тоже гладко выбритый.

— Здравствуйте, господин Лыков, — сказал пристав, вставая и откладывая бумагу. — Ух, как она мне надоела! Давайте знакомиться. Поручик Поливанов Николай Орестович. Я вас жду. Нарочно запустил вперед себя Щукина в надежде, что после разговора с ним у вас может и не остаться ко мне никаких вопросов, хе-хе...

— Лыков Алексей Николаевич, коллежский ассессор. Вы поступили мудро: Иван Иванович практически полностью удовлетворил мое любопытство. И вообще произвел впечатление человека на своем месте. Давно он у вас служит?

— Как с войны пришел. Среди нас, помещиков-начальников, он, сказать по правде, наиболее сведущий человек.

— Щукин подозревает в совершении всех трех детских убийств неизвестное постороннее лицо. Бродяга, дезертир, беглый преступник — одиночка с маниакальными наклонностями. Никто из местных, по его словам, в подозреваемые не годится. Вы согласны с этим утверждением?

— Согласен. Поверьте, Алексей Николаевич, мы тут уже все головы себе сломали над таким ребусом. Губернское начальство рвет и мечет, полицейские отчеты хуже некуда. А вы же знаете, что у нас ради красивой отчетности на все пойдут. А тут еще и нераскрытое покушение на убийство! Правду сказал Галактион Романович, что ваш управляющий пытался самостоятельно выследить маньяка?

— Правду.

— Значит, он напал на след. Мы обязаны допросить его как можно скорее! Возможны новые улики!

— Вы, конечно, обязаны это сделать, но, увы, не узнаете никаких дополнительных улик. Как и я не узнал. Видимо, Ян Францевич своими расспросами насторожил злодея. Ткнул наугад, сам не поняв, куда, и тот принял презервативную меру. Скажите лучше, почему вы так бездейственны? Даже шайку горчишников, и ту не прижмете!

— Вани Модного? Отца его жалеем. Почтенный человек, много жертвует. Когда девку изнасиловали, он городское училище новой жестью покрыл. А когда баня сгорела, купил городской пожарной команде английскую машину. Ну, засадим мы его придурка-сына в арестный дом. А к зиме надо в больнице печи перекладывать. В земстве-то денег нет. Опять пойдем Селиванову кланяться. Что он нам тогда ответит? То-то...

— А если это все же их рук дело?

— Что вы! Таких чудес не бывает. Щенки они. Чтобы три христианские души погубить, характер нужен. Да и агентура не подтверждает. У нас кабатчик плесом бьет^[36], да в самой шайке еще освед. Все их проделки на виду. Не они.

— А банда Челдона?

— Это не ко мне! — радостно ответил Поливанов. — Я только за город отвечаю, а банда где-то в уезде.

На этом первая беседа закончилась. Пора было обедать, да и следовало записать услышанное. Лыков вернулся домой, запротоколировал сегодняшние разговоры и начал их обдумывать. Беглые и дезертиры в раскольничьих деревнях... Самый непроницаемый слой. Агентуру среди крестьян еще никому не удавалось завести. Селяне ненавидят всех бар, всех городских, всю власть и особенно полицию. Ничего не скажут! Но и тут можно было кое-что предпринять. Кабатчики и содержатели постоянных дворов — это другой материал. Все они скупают краденое, селят без паспортов, прячут похищенных лошадей и служат подводчиками местному вору. Прижать их полиции вполне по силам: не станут сотрудничать — лишатся патента. Но Бекорюков и этого не сделал. Почему? Н-да... Самому попробовать потолкаться в ближних деревнях? Он тут человек новый, никому не известный. Подумать!

Далее. Хулиганов надо разогнать. Не хватало еще, чтобы Варенька с детьми столкнулись с ними на улице. Тоже подумать, как. Двадцать щенков, но при ножах — не такая легкая добыча. Пырнут сдуру, не приведи Господь. Надо как-нибудь по-хитрому.

Теперь банда Челдона. Эти самые опасные! Шесть или семь отчаянных, на которых столько крови, что не счесть. Если они вдруг решат сделать налет на Нефедьевку, что противопоставят им повар с конюхом? Нет, их нужно раскассировать в первую очередь.

Сделав силовую гимнастику и пообедав, Алексей отправился к судебному следователю. Распил с ним бутылочку цимлянского и внимательно изучил три предоставленные папки. Ни в одной не удалось обнаружить никаких новых подсказок. Промелькнула в рапорте исправника фамилия секретного осведомителя из шайки Вани Модного — на всякий случай Алексей ее запомнил. Еще его внимание привлекла фраза из протокола опроса жителей улицы Чернотропой, откуда пропал первый ребенок. Цеховой Кутьин на вопрос пристава, видел ли он, с кем уходила девочка, ответил: «В этот раз не видал». И все... Полиция не заинтересовалась разъяснить, что имел в виду цеховой, а сам он промолчал. Надо бы повидаться с этим Кутьиным, подумал сыщик. На вопрос же следователя о пользе просмотра ответил:

— Пусто. Все это мне уже рассказал Щукин. Но все равно спасибо!

Допили цимлянское, и Алексей ушел. Наступили сумерки. Возвращаясь к себе, коллежский асессор не увидел, но почувствовал слежку. На пустынных улицах крохотного уездного городка полноценное ведение объекта невозможно. Все видно за версту! Тем не менее кто-то упорно шел по пятам Лыкова, ловко укрываясь в подворотнях. Атаковать его сыщик не решился и поспешил скорее домой. Задвинул дверь на засов, велел прислуге закрыть ставни и даже запер выход в сад. В самой усадьбе Лыкова ожидал сюрприз: из дачи, под конвоем верного Окунькова, приехала Варенька и привезла с собой Николку. Тот успел где-то простудиться и сильно кашлял. Утром супруга предполагала вызвать доктора.

И обрадовавшись, и расстроившись одновременно, муж и отец скоротал вечер с домашними. Спать он лег поздно: долго сидел в кабинете, чертил на бумаге стрелки и писал напротив них фамилии. Ничего особо умного в голову не приходило. Эх, Павла Афанасьевича бы сейчас сюда! Он бы в два счета все разгадал. А коллежский асессор здоров, как бык, вот только на темечко слабоват... Благово на германских водах, хитроумный Титус чуть жив; придется думать самому. Скорее бы уж прибыл Петр Форосков и помог копнуть уголовную среду.

Еще у Лыкова не шел из головы сыскной надзиратель Щукин. Командир отделения разведки... Вон как подошел к Алексею сзади: ни дверь, ни половица не скрипнули. Мог точно так же и к Яну подобраться.

Вот только зачем? И сколько вообще в Варнавине бывших пластунов? Это в Темир-Хан-Шуре их целый батальон, а здесь? Хотя покушаться на Титуса мог и кто-то из гайменников Челдона. Да и среди беглых немало найдется умельцев бить ножом точно под лопатку. А есть еще охотники-промысловики, привыкшие подкрадываться к зверю; в лесном уезде таковых, наверное, не один человек...

Еще какая-то неясная мысль тревожила Алексея и не давала ему уснуть. Что-то было не то в нападении на Якова. Что-то неизвестный пока головорез должен был непременно сделать, но не сделал. Что?

10. Расследование начинается

Ответ на этот вопрос пришел к Алексею утром. Он лежал в кровати и ласково перебирал Варенькины волосы, как вдруг вскочил в одно мгновение на ноги.

— Что случилось, Леша? — опешила Варвара Александровна.

— Я понял. Одно обстоятельство мучало... Теперь я понял!

— Какое обстоятельство?

— Не обращай внимания и не волнуйся. Это я так веду расследование. Мне нужно срочно повидать Яшу.

Наскоро умывшись и даже не попив чаю, Лыков побежал в земскую больницу. Титус уже не спал и выглядел много лучше, нежели вчера.

Плотно закрыв дверь в палату, Алексей подсел к другу и сказал вполголоса:

— Извини, я налетом, без гостинцев. Весь вечер голову ломал: что-то в покушении на тебя не сходилось. А утром понял. Скажи, этот тип шарил по твоим карманам после того, как нанес удар?

— М... — Титус на секунду прикрыл глаза. — Я сразу потерял сознание, но не надолго. Очнулся: лежу на животе... И кровь со спины сочится... Слышу удаляющиеся шаги, тихие-тихие. Хочу повернуться, чтобы разглядеть его, но вовремя соображаю, что он это заметит, вернется и добьет. И опять теряю сознание.

— Ага. Если бы он тебя обыскивал, то ты лежал бы на спине, а не на животе. Как бы иначе он залез во внутренние карманы сюртука?

— Да, логично.

— Но нападавший этого не сделал. Ударил, как он полагал, точно в сердце, постоял немного, убедился, что ты не шевелишься, и ушел. Тогда вопрос: а почему он не забрал собственную записку, которой приманивал тебя к казарме? Ведь это же улика!

— Автор записки пришел не сам, а нанял громилу.

— Да, но в записке тебе велено было явиться с двадцатью рублями. Ты можешь представить громилу, который знает, что при жертве есть такие деньги, и удержится забрать их? Даже если ему строго-настрого накажут тут же уходить и ничего не трогать, он не уйдет с пустыми руками. Опять же часы, бумажник, может быть, и паспорт. А?

— Согласен. Таких громил не бывает.

— Вывод. Или покушавшийся действительно был подослан автором

записки, но не знал ее содержания и даже то, что она вообще была. Писавший сам хотел забрать ее с твоего трупа после ухода убийцы. Но ему помешал Рукавицын-младший.

— Или?

— Или напал на тебя кто-то другой. Никак не связанный с автором записки.

— Кто же этот человек? И что, он шел эдак вечерком вдоль казарм, увидал меня и подумал: дай-ка ударю да убегу. Так, что ли? Глупость.

— Сыскной надзиратель Щукин считает, что убийца детей не из местных. Беглый или дезертир из тех, что прячутся по деревням у раскольников. А еще где-то в уезде скрывается банда Челдона. Помнишь такого? Гаврила Челдон, который мезенский. Возможно, маньяк — кто-то из его горлорезов.

— Трудно в это поверить. Зачем профессиональным преступникам идти на такое, полицию будоражить?

— Чего в жизни ни бывает. Если это маньяк, то он сам собой не владеет.

— Зато Челдон хорошо владеет! Он маньяка в два счета вычислил бы и сам бы его на нож поставил. Лаванду гробить!

— Ну, значит, остается первая версия. Автор записки стоял поблизости и ждал. Если бы не этот юноша... Кстати, о Рукавицыне-старшем. Ты не будешь против, если я возьму его на службу помощником управляющего? Пока ты лечишься, он станет исполнять твои обязанности, а по выздоровлении останется при тебе.

— Леха, я только «за». Как раз сейчас лежал и думал, кого бы тебе предложить, чтобы дело не стояло. Евлампий Рафаилович лучший кандидат. Самый честный из здешних съемщиков, потому никак и не разбогатеет. О таких в народе говорят: гол, да исправен. А уж после того, что сделал для меня его сын...

— Вот и договорились. Лечись, отдыхай. А я побежал дальше!

Довольный согласием Титуса, Лыков отправился искать Евлампия Рафаиловича. Тот жил в пригородной деревне Коленово, почти на берегу Ветлуги. Расспрашивая редких прохожих, сыщик добрался до нужного места, но Рукавицына дома не оказалось.

— И-и, барин, — сказала его жена, опрятная и приветливая женщина, — хозяин мой еще в пять часов ушел по делам. И раньше девяти не вернется. Так, почитай, уж тридцать лет. Может, передать чего?

— А Тимофей дома?

Хозяйка даже обиделась:

— Он что, лодырь у нас, что ли, дома-то сидеть? При отце, ремеслу обучается.

— Где же мне вашего мужа искать?

— Он мне не докладывает, но сегодня по случаю знаю. Под стрелкой он должен быть. Купцу Зюзину подрядился беляну сладить.

— Спасибо!

Поймав на дороге телегу, Лыков за пятак доехал до устья Красницы. Неподалеку, возле ближнего из трех оврагов стрелки, из воды подымался остров среднего размера беляны. Два десятка мужиков копошились вокруг, выкладывая из бревен корпус. Евлампий Рафаилович стоял по пояс в воде с топором в руках и руководил работами:

— Пахом, колоти в распор, покуда не заклинит. Так! Хорош! Теперь клади новую связь. Токо комель сперва обтеши, а то не войдет.

Увидев на берегу Лыкова, он обрадовался.

— Приветствую! Не ко мне ли, Лексей Николаич?

— К вам. Разговор имею.

Рукавицын сунул топор за пояс, зычно крикнул:

— Ребята, перекур!

Вышел из воды мокрый, обсыпанный щепой, подошел к Лыкову и приподнял картуз.

— Я не вовремя, Евлампий Рафаилыч?

— Маненько не ко времени, но ежели быстро... Вода в реке спадает — можем не успеть спустить...

— Я постараюсь покороче. Слышали, что с моим управляющим случилось?

— Слыхал. — Рукавицын снял шапку и перекрестился. — Како лихо в городе творится; николи такого не было... Дай Бог выздоровления Якову Францевичу! Как он?

— Выживет и даже выздоровеет. Но до осени проведет в больнице. А в Нефедьевке дела стоят, делать их некому. Не желаете ли пока заступить на его место? Временно, до выздоровления господина Титуса. А когда он вернется, останетесь при нем в помощниках.

Съемщик стоял, видимо ошарашенный предложением, и растерянно теребил бороду.

— Евлампий Рафаилович! Чего молчите?

— Боязно... — проговорил, наконец, Рукавицын. — Ведь я простой мужик. Така ответственность... А ну не справлюсь? Мы эдаких делов никогда не вели, сноровки не имеем.

— Да ведь не боги горшки обжигают! Лесные дела хорошо вам

знакомы, а они самые главные. Нововведения навроде паркетного завода можно пока и отложить. В прочих вопросах согласовывайте со мной, я здесь не меньше двух месяцев проживу. Ну и к Якову Францевичу всегда можно прийти в больницу. А осенью он и сам уже в права вернется.

Но съемщик с сомнением качал головой:

— Ой, беда... Грехи наши... Не по Сеньке шапка!

— Насчет жалованья, может быть, желаете узнать?

— Алексей Николаич, при чем тут жалованье? Если я в себе куражу не чувствую. Эдакий скачок: из грязи да в князи! Помощник управляющего лучшего в уезде имения — простой мужик. Эдак рази делается? А ну как я вас подведу? Со стыда же хоть топись!

— А ну как не подведете? Скачок же — дело хорошее. А вы всю жизнь честным трудом право на него зарабатывали. Кого ни спросишь, все об вас одно говорят: порядочный человек. Да это ведь самое главное! Посмотрите на себя: вам шестой десяток, а вы по пояс в воде с топором бегаєте. А как здоровья не станет? Здесь же другая жизнь, другой размах. Я ведь вас не воровать зову, а трудиться. Делать то, чем вы всю жизнь занимаетесь.

— Да, воровать мы не справимся... — пробормотал польщенный съемщик. — Вот соблазн-то... Перелома всей жизни. А и то: откажусь сейчас, буду до старости козлом скакать. А она уж не за горам. Туго так-то: что ни хватъ, то ерш, то еж... Вы вот что, Алексей Николаич. Дайте мне подумать и с Матреной моей посоветоваться. Она у меня баба умная, живем мы тридцать лет ладно, я без нее важного ничего не решаю. Можно я к вам вечером зайду?

— Нет, вечером меня допоздна дома не будет. Днем сумеете? Где и когда вам удобнее?

— А, примерно, в двенадцать в чайной Белянцова годится?

— Где это?

— На Полукруглой, возле угла с Набережной. Чистое место.

— Договорились.

Рукавицын назначил за себя из мужиков старшего, а сам, взяв сына, поехал на телеге домой. Лыков прокатился с ними до угла Дворянской. По пути он разговорился с Тимофеем. Поблагодарил за помощь, оказанную Титусу, расспросил об учебе, о дальнейших планах на жизнь. Парень очень ему понравился: скромный, неглупый... Через пять минут Тимофей обмолвился, что мечтает стать учителем.

— Ну, это дело возможное, — поддержал его Алексей. — Вот тятенька твой согласится на мое предложение, и пошлем тебя в гимназию, в Кострому. А после нее и в университет поступишь.

Евламий Рафаилович только крикнул и без нужды стегнул лошадь...

Когда Лыков вернулся домой, он уже точно знал, что за ним следили. Но следили, можно сказать, блестяще, высокопрофессионально. Опытный сыщик «хвост» засечь не сумел, а только почувствовал его. Что же это за люди такие? Улицы пусты, любого прохожего видно за версту...

Дома Алексея ожидало новое знакомство. Проходя мимо людской кухни, он обнаружил в ней двух незнакомых мужиков и девушку, по виду горничную. Все трое степенно и молча пили чай с белевской пастилой, вытирая пот платками. Мужикам было лет по тридцать. Крупные, с широкими плечами и похожие друг на друга, как братья. Вида оба серьезного и немного мрачного. Девушка при рассмотрении оказалась молодой и привлекательной, но с каким-то неприятным, почти змеиным взглядом. При появлении хозяина все трое встали и чопорно поклонились. Лыков ответил вежливым приветствием и прошел в гостиную.

Там его ожидала еще одна незнакомка. Барышня лет 23 с красивым точеным лицом, ярко-зелеными глазами и чувственными губами сидела в инвалидном кресле-каталке и с любопытством разглядывала вошедшего. Одета она была в модное элегантное платье покроя принцесс^[37], с накинутыми поверху вологодскими кружевами. Выглядела незнакомка чрезвычайно эффектно, особенно для Варнавина.

— Так вот вы какой, Алексей Николаевич! — сказала она приятным певучим голосом. — Я вас по рассказам Вареньки совершенным Геркулесом представляла. А вы, оказывается, совсем обычный на вид.

— Здравствуйте, Полина Мефодиевна, — быстро нашелся сыщик. — А вы вот совсем такая, как Варя описывала: настоящая красавица. Очень рад знакомству.

По креслу-каталке он догадался, кто перед ним. Варенька в письмах сообщила ему, что познакомилась и быстро сошлась с дочерью богатого здешнего помещика Смецкого. У барышни была нелегкая судьба. Четыре года назад, катаясь верхом по пригородным дорогам, она попала в беду. Как потом оказалось, в двух верстах впереди нее мужики-сергачи вели на цепях прирученного медведя. Их не было даже видно за дальностью, но запах зверя остался и напугал лошадь. Она неожиданно разволновалась, прыгнула через канаву и понесла. Юная наездница оказалась на земле со сломанным позвоночником.

Три недели Полина металась между жизнью и смертью, находясь в полном сознании. Она прошла обряд елеосвящения собором из семи священников и уже приготовилась к встрече с Царем Небесным. Но тот решил все же вернуть свою дочь на грешную землю. Барышня

выкарабкалась, но осталась неизлечимой калекой — ноги ее не слушались. Отец, вдовый и пожилой, сам чуть не умер у постели единственной и нежно любимой дочери. Он был счастлив даже таким исходом — главное, что жива! И обрушил на инвалидку все свои родительские чувства и все капиталы. Барышня не знала отказа ни в каком капризе, но удержалась в рамках добронравия. Умная, красивая, тонко чувствующая, она стала примой здешнего общества. И только один Бог знал, какое она несет при этом бремя: в двадцать лет оказаться калекой без малейших шансов на выздоровление. Говорили, что иногда присутствие духа покидало барышню, и тогда от нее прятали в доме сонетки и ножи. Но она перебарывала тоску и опять появлялась на людях молодая и веселая. Красавица высшего разбора, только не встающая с кресла... Смецкая быстро сдружилась с Варенькой, будучи ровней ей и по уму, и по воспитанию; последняя в письмах мужу чрезвычайно ее расхваливала.

— Рада и я наконец вас увидеть, — ответила барышня, не спуская с Алексея необычных, колдовских зеленых глаз. — Давайте теперь познакомимся поближе.

И протянула коллежскому асессору руку для поцелуя. Сердце того неожиданно екнуло. Что еще за чудеса? Они были одни в комнате — Варенька куда-то подевалась, — и в этом простом движении руки сыщику увиделось что-то необъяснимо порочное. Он принял маленькую изящную ладошку, наклонился и почтительно поднес ее к губам. Неожиданно у него закружилась голова. От Смецкой приятно пахло дорогими французскими духами, а от волос еще и макассарским маслом^[38]. Поцеловав запястье, Лыков отступил на шаг, но не тут-то было! Полина Мефодиевна цепко держала его ладонь в своей и не отпускала. Положение становилось уже для Алексея двусмысленным. Инвалидка пыталась заигрывать с ним? С мужем своей приятельницы, в первую же минуту знакомства? Лыков растерялся, но тут, к счастью, вошла Варенька, и Смецкая мгновенно отдернула руку.

— О, вы уже познакомились? Очень хорошо. Вот, Поляночка, это и есть мой благоверный. Прошу любить и жаловать!

— Жаловать обещаю, а любить оставляю тебе, — смело ответила барышня и даже не покраснела. Зато покраснела от излишне фривольной шутки Варенька. Чтобы перебить неловкость, Алексей спросил делано бодрым голосом:

— А что за гости у нас в людской кухне?

— Это моя верная свита, — пояснила Полина Мефодиевна. — Аким и Еллий всюду меня носят. А Аннушка — камеристка. Без их помощи я

никуда, калека бездвижная. Вы уж их не обижайте.

Странный поначалу разговор быстро перешел в дружескую беседу за чашкой чая. Смецкая выказала в этой беседе большой ум и начитанность, тонкость и самостоятельность суждений. Рассказывала интересно о ветлужском крае, вздыхала о столицах. Столиц этих она никогда не видела и ехать туда, по понятным причинам, стеснялась. Барышня выписывала целых шесть литературных журналов, изучала философию и естествознание. Чувствовалось, что сильная натура, попавшая в трудную ситуацию, борется и не сдается. И что борьба эта отнимает у молодой женщины много-много сил. За улыбкой красавицы Лыкову почудилась усталость. Разглядев это, Алексей понял и симпатию Вареньки, и сам проникся к барышне симпатией и сочувствием.

Живая беседа так увлекла Лыкова, что он чуть было не пропустил встречу в чайной. По счастью, Варнавин столь невелик, что в любой его конец можно поспеть за пятнадцать минут. Спohватившись, сыщик встал и поторопился откланяться. Смецкая позвала семейную пару к себе в гости, завтра ко второму чаю, и Лыковы охотно согласились. Внезапно из детской ворвался в гостиную Чунеев с замотанным в розовый платок горлышком.

— Ула! Папа, мама! — закричал он и бросился бороться с отцом. Лицо Полины Мефодиевны исказила гримаса. Она прижала красивые руки к вискам и сказала глухо:

— Ах! У меня всегда от детского крика мигрень начинается! Пойду я тоже. В смысле, поеду...

Юного горлопана тут же унесли обратно, но Смецкая не изменила решения. На ее зов из людской явились Аким и Еллий. Как перышко, подхватили они барышню вместе с каталкой и вынесли на крыльцо. Мелькнули только подошвы ее модных ботишков, чистые-чистые, никогда не ступавшие по земле... Выждав минуту, коллежский асессор пошел следом. Мужики чинно ступали по обеим сторонам коляски, сзади семенила Аннушка. Действительно, свита... Какой-то мальчишка подбежал, поглазел на странную процессию и, видимо, что-то сказал. И тут же получил от камеристки увесистую оплеуху. Зарыдал в голос и почесал вдоль Дворянской. А Лыков быстрым шагом отправился на Полукруглую.

Когда он пришел в чайную, съемщик был уже там. Они сели в чистой половине и заказали чайную пару с сушками. Едва половой удалился, Алексей с нетерпением спросил:

— Ну, что надумали?

— А соглашусь! — сразу же решительно бухнул Рукавицын. — Верно вы сказали: не боги горшки обжигают. А работы я не боюсь.

— Вот славно! — обрадовался Лыков. — Может, по такому случаю что-нибудь покрепче чаю?

Но свежее испеченный помощник управляющего отказался: не привык пить посреди присутственного дня.

Им принесли фаянсовые чайники с оловянными носиками, чашки и связку сушек. Начался обстоятельный разговор. Евлампий Рафаилович постеснялся спросить про жалованье. Опекун понял это и сам все рассказал. Двести пятьдесят рублей денег плюс провизия от имения для всего семейства. Вместо телеги новому служащему теперь полагался экипаж с кучером. Кроме того, на время исполнения обязанностей управляющего бывшему съемщику начислялась доплата до жалованья последнего — еще двести пятьдесят рублей ежемесячно. Сообщив это, Алексей немедленно выдал Рукавицыну сотенный билет в качестве подъемных. Тот был ошарашен: его новое месячное жалованье равнялось прежнему годовому доходу!

Еще хозяин сказал своему новому работнику:

— Жить вашей семье лучше в имении, поближе к делу. Место найдется.

И тот согласился. Оговорил только, что хочет перевезти с собой и скотину: лошадь, корову и десяток овец. Алексей хмыкнул и разрешил. Сказал: почувствуете новый достаток, сами от нее откажетесь...

— Итак, Евлампий Рафаилович, вы теперь трудитесь на меня. Отсюда мы сначала пойдем к нотариусу, где сочиним и подпишем контракт. Затем — в больницу к Якову Францевичу, обсуждать накопившиеся дела. Но прежде я хочу вас кое о чем расспросить. Помните, на пароходе я уже заговаривал с вами о маньяке, убивающем детей? Скажите мне честно, что о нем в городе люди говорят?

— Снова вы об нем, — нахмурился бывший съемщик. — И господин Титус тоже меня дибил ^[39]. Пошто вам этот упырь?

— Да это он чуть Титуса на тот свет не отправил.

— Эва как! — ахнул Рукавицын. — Расканальский сын! А за что же?

— Ян Францевич решил его сам сыскать, поскольку полиция у вас бездействует. А у него своих двое детей, да еще мои приехали. Хотел их обезопасить.

— Он, люди баяли, бывший сыщик?

— Да. А я настоящий. Там, в Петербурге. И прибыл сюда по душу этого, как вы сказали, расканальского сына. Пока не прикончу его, не уеду. Так что помогите мне вашим знанием людей и местности. Начните со слухов. Ведь не могут же обыватели молчать о таком деле! Вдруг подсказку

какую дадут.

— Люди, Алексей Николаич, глупы. И говорят потому всякую глупость.

— Например?

— Например, что жида младенцев православных казнят. Какая же из этого подсказка?

— А в Варнавине есть евреи?

— Один только и есть, что аптекарь. Вон еврейское заведение из окна видать. Бухвинзер фамилия.

— Без семьи живет?

— С солдатской вдовой сошелся... Но к нему ездят одноверцы. Из Юрьевца раз в месяц появляется зубной техник. И еще иногда на день-два поставщик. Этот... как его... от слова «дрожки»...

— Дрогист?^[40]

— Во! Ему фамилия Гуткин. Прописан в Костроме, а снабжает всю округу.

— То есть иногда их сходится здесь трое?

— Особливо на ярмарку. Но так что с того? Они хоть и жида, но люди как люди. Ну, может, обсчитают иной раз на рупь-целковый; ихнему племени без этого нельзя. При чем тут удушенные младенцы?

— Конечно, ни при чем. Но это единственное обывательское предположение?

— Нет, еще есть. Лонись, бают, за Бочкарихой в лесу пенек видали. А в расщелину его ножик воткнутой, острием вверх.

— Ну и что? — удивился Лыков.

— Как что? — опешил, в свою очередь, Рукавицын. — Волколак обернулся.

— Какой еще волколак? Оборотень?

— Нет, — терпеливо объяснил Евлампий Рафаилович. — Оборотень — это оборотень, а волколак другое. Тоже из людей кровь пьет, но обнаружить его много труднее. Ходит он в образе волка, а может обернуться собакой, там, или кошкой, или корягой в лесу. Не отличишь и мимо пройдешь, а он тебя сзади — хватить!

— Но пенек с ножиком тут при чем?

— А так в него, волколака, обращаются. Кто знает волшебный заговор, тот через этот ножик перед закатом солнца перекувырнется и примет образ волка. А к утру, обязательно до свету, переворачивается опять, но уже через спину, с той стороны пенка. И снова человек. Но ежели кто тот ножик из пенка успеет вынуть, то волколак навсегда останется в образе волка.

— Да. Темный у вас на Ветлуге народ.

— Я бы тоже, Лексей Николаич, не поверил, кабы не был самолично тому свидетелем. У нас в Быструхе, откуда я родом, был свой волколак. Семкой звали. Рыжий, и глаз тяжелый... Прямо ноги отымаются, когда он на тебя зырит. Незаконный сын был от колдуна, потому заговоры знал. В церкву никогда не ходил! Лошади его шибко боялись, шарахались. И мы раз подростками оберышили^[41] тако в лесу у деревни пень, и в ем ножик торчит. Как и положено, острием вверх. Испугались, понятно. Но товарищ мой, Васюха, смелый был. Избавлю, говорит, деревню от волколака. Взял тот ножик и в кусты забросил.

— И что потом было?

— Помер Васюха на другой же день. Сердце, вишь-ли, разорвалось, ни с того ни с сего... А Семку рыжего больше никто никогда не видел. Так волком и остался.

— Суеверие. Но насчет Бочкарихи расскажите поподробнее.

— Да там вообще место нехорошее. Люди который год пропадают.

— Ну, у нас много есть таких мест, где люди пропадают. Целые разбойничьи села имеются, в которых столетиями прохожих убивают и грабят, а потом тела прячут.

— Это мы знаем! Но Бочкариха деревенька самая простая, нету там никаких разбойников. А пенек нашли и сразу вспомнили, что пастух у них тем годом пропал. Еще нонешней весной паломник потерялся и одни прохожий бурлак.

— Вот это уже интересно. Не шайка ли Челдона там под волколака работает?

— Какого такого челдона?

— Налетчик есть такой. Опасный человек. Из Москвы убежал и где-то тут поселился. С ним еще шесть головорезов. Изредка он и в Варнавине появляется. Но только по ночам, и не в самом городе, а в кузнице Снеткова.

— Знаю Снеткова. Двудичневый человек; все ищет, как бы кого поддедюлить. Главный в Варнавине шильник! Он еще, значитца, и укрыватель? Ну, на него похоже...

— У вас в Бочкарихе случайно знакомых нет?

— Трефил Оденцов. Помощником водолива со мной пятый год ходит. Справный мужик, порядочный.

— Как бы мне его увидеть?

— Легче легкого. Завтра среда, базарный день. Он приедет корзины продавать.

— Познакомьте меня с ним. Хочу скататься в Бочкариху на разведку. Понадобится местный деревенский, к которому будто бы я приеду по

делам.

— Каки могут быть дела у вас с простым мужиком? Токмо переполох подымете.

— Вы сведите меня с Оденцовым, а уж мы с ним решим, как лучше сделать. Я же сказал, что сыщик; переодеться и прикинуться умею.

— Эх, звери-курицы... Не подведите токмо Трефила...

— Очень постараюсь. Понятно, что ему там жить потом... Еще вопрос, Евлампий Рафаилович. Расскажите мне о ваших уездных начальниках, которые лесным делом тайно занимаются. Вместо того чтобы убийц ловить.

— Ах, эти... Мы их тут про себя называем «дворянская артель».

— Кто в ней состоит?

— М-м... — Рукавицын задумчиво почесал пятерней затылок. — Сам-от я от них далеко отстою, только слухами пользуюсь. Благородиев в Варнавине будет человек, наверное, с тридцать. Но в артель входят не все, а только узкий круг. Остальных туда то ли не берут, то ли они сами не хотят. Вот, к примеру, ваши знакомые с парохода — господин Панибратов и муж той барыни, Самопальщиков — они оба не состоят. Рязановского, бают, звали, да он не пошел, потому — совестливый.

— А кто состоит?

— Заправляет всем исправник Бекорюков. Сильная личность! Гроза обывателю. Он эту артель и придумал. Два главных у него помощника — пристав Поливанов и воинский начальник Готовцев. А в простых артельщиках ходят предводитель дворянства, председатель земской управы, член присутствия по крестьянским делам, уездный казначей. О том годе присоединился директор конторы 17-го Борисоглебского удельного имения. Просятся двое гласных из помещиков, да их не берут. Бают, по весне вошел и городской голова. Его тоже сперва не брали, а вишь, сгодился...

— Получается, в благородной артели вся верхушка!

— Получается, так.

— А судебный следователь Серженко не с ними?

— Того не знаю.

— А Щукин Иван Иванович?

— Это сыщик? Он мужчина серьезный. Два креста имеет, один за Болгарию, другой за Туркестан. Говорят, сам Скобелев ему их вручал, но Иван Иваныч никогда кресты те не надевает. В прошлом годе на Михайловскую ярмарку споймал он вора, что карманной выгрузкой занимается. Не наш, из Кологрива приехал. Отвел Иван Иваныч его в полицию и там, взявши молоток, парню пальцы на руке все и раздробил.

— Все до единого?

— Как есть.

— И как же тот потом жить будет? Чем калеке себя прокормить?

— А господину Щукину это без интереса.

— Да...

— Вот то-то и оно. Потому в городе его и боятся. Исправник у нас огневый, но не до народа ему. Налетит к случаю, накричит и уедет. Тоже строгий, но отходчивый. А Иван Иваныч не кричит, но мороз пробирает, ежели перед ним в чем провинишься... А может, так и надо с нашим-то братом? В Варнавине теперь воров карманных нет ни одного!

— Ну не знаю... А где «дворянская артель» лес промышляет? Вблизи?

— Нет, тут им было бы неудобно. Слишком на виду. Другие съемщики мигом написали бы губернатору. Они на Вятку ездят. Там тоже еще лес остался, в самых верховьях. В весну, глядишь, начальства поубавилось — все на промысел уехали. Одни их помощники с портфелями бегают...

— Ну, Евлампий Рафаилович, будет на сегодня разговоров. Пошли к нотариусу. Эй, половой!

11. Островский вечер

Ровно в девять часов Алексей, побритый и сменивший сорочку, вошел в двери трактира. По большой и очень чистой зале было разбросано полтора десятка столов, из которых почти все оказались заняты. В углу негромко играла музыкальная машина. Половые в белых фартуках бесшумно шныряли туда-сюда. Всю стену занимала стойка, уставленная богатыми закусками; на полках гнездились чрезвычайное множество бутылок. Ай да заведение!

Не успел Лыков оценить открывшегося ему вида, как из-за стойки выкатился ему навстречу толстый и веселый человек с густой седой бородой.

— Какая честь для нас! Рад, бесконечно рад, господин Лыков, что вы навестили, наконец, наш трактир! А я уже стал было волноваться: третий день в городе, и все не идете. Может, чем не угодил? Позвольте представиться: Петр Яковлевич Островский, хозяин этого вертепа.

— Наговариваете на себя, Петр Яковлевич. Я как глянул на вашу стойку — душа запела. Эдакий вертеп не только в Костроме, в Москве бы не потерялся.

— Благодарю-с. Стараюсь, как могу. Смею надеяться, почтите как-нибудь отобедать. Понимаю-с, что у вас свои повара, но испробовать советую-с!

— А вот днями и зайду.

— Буду весьма польщен. Сейчас же позвольте проводить — вас ждут-с.

Тут с улицы вошел принаряженный Верховский и подхватил Лыкова под руку:

— Петя, доверь гостя мне. Алексей Николаевич, добро пожаловать к «островитянам», как не без юмора называл нас атаман нашего общества Бекорюков.

Предводитель повел Лыкова по лестнице на второй этаж. На полпути оглянувшись, понизил голос и сообщил сыщику:

— Петр у нас лучший трактирщик, но... Ваш, так сказать, клиент. Знаете, как он деньги на гостиницу-то заработал?

— Нет. Расскажите!

— Сам Петруша из крестьян деревни Выползово. С детства был ловкий парень, и водочник Попов за это взял его в приказчики. И однажды,

когда случилась особенно хорошая выручка, Островский решил ее хозяину не отдавать. Взял да изобразил на себя нападение грабителей. Расковырял руку вилкой...

— Вилкой? Однако!

— Вот-вот! Не стал особенно и стараться. Пустил себе немножко крови, после чего явился в полицию с заявлением. Так, мол, и так, трое неизвестных напали, отобрали деньги и скрылись. Я, дескать, отбивался, но ничего не сумел поделывать. Только ранение получил, можете посмотреть...

— А сколько было выручки?

— Тридцать пять тысяч.

— Неплохо!

— По нашим местам — так целое состояние!

— И что же дальше? Купец разве успокоился на этом?

— Нет, Попов известный мироед, он никак не мог с подобным смириться. Но в данном случае нашла коса на камень. Водочник угодил на еще более хитрую бестию, чем он сам! Состоялся суд, который приговорил Островского к четырем месяцам арестного дома. Всего-навсего. Тот честно отсидел срок, вышел — и сразу построил гостиницу с трактиром. Хорошая история?

— О да! Действительно, Петр Яковлевич мой клиент. Но здешние нравы... Судя по всему, уголовные проделки хозяина заведения никого в Варнавине не смущают. И вас в том числе. Так?

— Жизнь есть жизнь, Алексей Николаевич. Он же не мои деньги украл! Для нас, «островитян», более важно, какую уху варит Петр, нежели то, каким способом он добыл средства на свой трактир. Ну, вот мы и пришли!

Из-за добротной дубовой двери слышались негромкие оживленные голоса. Войдя, сыщик увидел, что с большинством присутствующих он уже успел познакомиться. От бильярда его приветствовали Бекорюков с Поливановым. Исправник с приставом гоняли шары по зеленому полю. Подле них примостился незнакомый гигант в мундире с погонами капитана и аннинским темляком на сабле. В другом углу зала расположились за ломберным столом трое. Один был судебный следователь Серженко, второй — председатель земской управы Челищев; господина в пенсне Лыков видел впервые. У окна стоял закусочный столик с бутылками и нарезанным окороком.

Верховский сначала подвел Алексея к картежникам и познакомил с очкастым господином. Это оказался уездный казначей князь Солнцев-Засекин. Бросив на сыщика быстрый оценивающий взгляд, князь

извинился, что не может сейчас прерваться — ему шла карта. И предложил выпить за знакомство позже, по окончании партии. Охотно согласившись, Лыков оставил предводителя с вистующими, а сам отправился на бильярд.

Огромного роста капитан, гладко выбритый, с могучей грудью и двухаршинными плечами, доброжелательно протянул ему волосатую лапищу:

— Готовцев Помпей Ильич, здешний воинский начальник. Галактион с Николаем только что о вас рассказывали. Как вы их давеча на испуг взяли...

— Сомневаюсь, что господина Бекорюкова можно чем-то напугать. Все дружно хохотнули.

— А еще, — продолжал капитан, — мне говорил о вас акцизный инспектор Самопальщиков. Излагал, как вы его супругу от пьяных бурлаков спасали на пароходе. Однако!

— Деваться было некуда, Помпей Ильич. Иначе бы они шут знает что сделали с дамой.

— Да уж! Марья Антоновна тем и знаменита. Обожает влезать во всякие скандалы! Как-нибудь доиграется и, возможно, поумнеет, наконец. Но вы хороши! Я вот на медведя без опаски хожу, но на толпу адуев — увольте! Как следовало из рассказа инспектора, силушкой вы, Алексей Николаевич, не обижены. Не откажите побороться со мной на поясах. А?

— Что, прямо здесь? — опешил от такой провинциальной простоты Лыков. — Обстановку жалко — переколотим всю.

— Уклониться пытаетесь? — ухмыльнулся исправник. — Понимаю вас, но — не получится. Помпей, чудовище, каждого нового человека подвергает такому испытанию.

— И каков результат?

Готовцев расплылся в самодовольной улыбке:

— Ни один еще долее минуты не продержался.

— Господа! Господа! — объявил тут же всем присутствующим Поливанов. — Помпей Ильич станет испытывать нашего гостя! Делайте ставки!

«Островитяне» необыкновенно оживились. Карты были отложены, посреди зала расчистили пространство, и зрители обступили борцов. Вызванный снизу лакей принес пояса.

Лыков огляделся. Представители варнавинского бомонда, стоящие вокруг, не скрывали своего злорадства. Эх, не любят здесь приезжих...

— Не расстраивайтесь, Алексей Николаевич, — попробовал утешить его следователь Серженко. — Это просто здешняя забава, от скуки. Ничего

плохого капитан вам не сделает. Отряхнитесь, выпьете на брудершафт — и сделаетесь своим.

— Да начинайте уже! — раздались нетерпеливые голоса. — Смелее, господин опекун!

Но Лыков отстранил протянутый ему пояс:

— Такая борьба тогда хороша и является честной, когда вес противников примерно равен. Помпей Ильич, вы на сколько тянете?

— Восемь пудов. Ежели без шпор!

— А я только пять.

— Вы на что намекаете? — обиделся Бекорюков. — Нет, вы все-таки желаете уклониться!

— Подожди, Галактион, — остановил его Готовцев. — Алексей Николаевич прав. Давай послушаем, что он предлагает взамен.

— Я предлагаю борьбу на руках. И меблировка, кстати, не пострадает.

— На руках? Это как? Я такой борьбы не знаю.

— Все просто. Мы по сигналу жмем друг другу руки, пока кто-то не запросит пощады.

— А! Замечательное предложение! Согласен!

— Господа, предложение гостя справедливо, — рассудительно произнес Верховский. — В таком состязании играет роль только, так сказать, чистая сила. А преимущество, даваемое разницей в весе, сводится на нет.

— Да и на новую мебель тратиться не придется, — подержал князь Солнцев-Засекин, и все загоготали.

— Решено!

Капитан отстегнул саблю, борцы ступили в круг и протянули друг другу руки. Стало тихо. Воинский начальник добродушно сказал противнику:

— В случае чего тут же подавайте знак!

— Вы тоже.

— Непременно, — улыбнулся Готовцев. — Ну, с Богом!

И как следует приналег. На Лыкова это не произвело впечатления. Более того, он заранее знал исход поединка. Мышцы грифа — кисти и запястья — без специальных упражнений развить очень трудно. На этом попадаются все люди могучей комплекции. Привыкнув действовать массой, использовать мощь плечевого пояса, они терпят поражения в состязаниях, где работает только гриф.

Вот и сейчас капитан вцепился в ладонь Лыкова и стиснул ее, что было сил. Лицо его покраснело, лоб покрылся испариной. Сыщик же стоял как

ни в чем ни бывало, смотрел спокойно и доброжелательно. Зрители, выждав полминуты, негромко загалдели:

— Помпей, нажми еще! Включай всю дурь, какая есть, не жалей питерских!

Лыкову надоело, и он перешел в контратаку. Физиономия капитана из красной сделалась мертвенно-бледной. Вдруг из носа у него брызнула кровь, и сыщик тут же разжал ладонь:

— Дьявол! Льду быстрее и полотенце!

Бекорюков незамедлительно протянул другу салфетку и изумленно спросил у Алексея:

— Как вам это удалось?

Готовцев тяжело дышал. Вдруг он рассеянно повел рукой вокруг себя:

— Ничего не вижу... Туман какой-то... Галактион! Николай! Что со мной?

Подбежал Поливанов и крепко схватил Лыкова за плечо:

— Что вы с ним сделали, эдакий вы человек? Отвечайте!

— Спокойно, поручик, сейчас пройдет. А руки уберите, пока я их вам с корнем не оторвал...

Пристав тут же отступил. Лыков обратился к капитану:

— Помпей Ильич, не пугайтесь. Это от перенапряжения. Сядьте на стул и выпейте воды.

— Какой еще воды! Водки мне, скорее! Коля, Галактион, налейте чего-нибудь.

Исправник вложил в здоровую руку потерпевшего стакан с водкой, и тот опростал его одним махом.

— Уф! Начинаю отходить... Вот это да! Урок самонадеянному дурню. Чуть без пальцев не остался. Спасибо за науку, Алексей Николаевич!

— А действительно, как вы это сделали? — поинтересовался у коллежского асессора Серженко. — Мы, зрители, ничего не поняли.

— Сейчас объясню, — ответил тот, вынимая из кармана горсть серебра. — Смотрите. Сначала берем рубль. Его многие могут согнуть. Монета большая, есть за что ухватиться. Видите, я легко складываю ее пополам. Другое дело полтинник. Он много меньше, и приходится напрягать самые кончики пальцев. Требуется уже серьезное усилие.

«Островитяне» столпились вокруг Алексея и с изумлением наблюдали его манипуляции.

— Вот! Сложился. Но еще труднее согнуть четвертак. Он меньше размером, но тоже толстый, поскольку относится к банковской монете^[42]. Даже я делаю это с большим усилием, хотя специально развивал мышцы

запастья. И совсем почти невозможно погнуть маленькую и тонкую разменную монету. А я рву ее, как картонку. Во всей России на это способны, полагаю, лишь несколько человек. Так что, не обижайтесь, Помпей Ильич, но шансов победить меня у вас не было. Так же, кстати, как и в борьбе на поясах.

— Это я уже понял. Но на поясах... Неужели тоже нет?

— Вы какой вес поднимаете?

— Хм... Нарочно не мерил, но однажды на охоте пятнадцатипудового секача подстреленного один в телегу уложил!

— Хорошо, но для меня маловато. Я снаряд в двадцать семь пудов трижды толкаю лежа от груди.

— Эх-ма! Двадцать семь пудов... Я бы надорвался. И еще, болван, начал вас задирать. Примите мои извинения.

— Это вы меня простите за повреждение вашей руки. Но иначе вас было не убедить. А где Серженко? Лев Мартынович, вы, помнится, налить после борьбы обещали?

«Островитяне» с большим энтузиазмом отнеслись к последним словам гостя. Верховский трижды громко топнул каблуком в пол, и сразу же половые потащили снизу подносы с разными яствами. Гвоздем сегодняшнего ужина оказалось жаркое из медведя, добытого исправником. Кроме него на столе разместились крем из перепелов, жареные стерляди, артоланы из жаворонков, телячьи шнельклопсы, отварная спаржа. На особом серебряном блюде лежала на льду дорогая троишная икра^[43]. Из вин бросались в глаза французские сотерны, но «островитяне» больше налегали на водку. Хорошо гуляют в Варнавине! Улучшив момент, Лыков поинтересовался у Челищева:

— Илларион Ириархович, а за чей счет все это великолепие? А то я денег с собой взял мало...

Земец только хохотнул:

— Вы гость, Алексей Николаевич, и потому не думайте о таких материях!

— И все-таки?

— Да я и сам толком не знаю. Мы собираем в начале каждого месяца по десятке... кажется...

— Тут десяткой не обойдешься!

— Всю бухгалтерию ведет Галактион Романович, спросите лучше у него.

Через час, сытые, веселые и в меру хмельные, участники вечера разбились на компании, и завязались беседы. Лыков подсел к «военно-

полицейскому блоку» и принялся их задирать:

— Галактион Романович, Помпей Ильич! Вы такие теплые ребята, а ходите вдвоем на одного щуплого медведя. Право, это скучно!

— Вы имеете предложить нечто более веселое? — тут же заинтересовался неугомонный Бекорюков.

— Да. Где-то во вверенном вам уезде скрывается банда московского налетчика Челдона. Бежали из Первопрестольной, когда за них там взялись всерьез, и осели у вас. Шесть или семь отчаянных людей, при оружии. Все — патентованные убийцы. Давайте лучше на них поохотимся!

— Отличная мысль! — оживился исправник. — И делу польза, и нам кровь разогреет. Я согласен!

— А я пас, — сразу отказался Поливанов. — И на медведя не хожу, и на этих не стану. Опять же, банда в уезде, а я городской пристав.

— Я тоже сторонник, чтобы идти втроем. Два господина медвежатника и я, грешный.

Но капитан особого желания биться с бандитами не проявил:

— Хм... Втроем против семерых? И, говорите, опытные люди?

— Первоклассные головорезы. Где-то в уезде у них притон. Из него они ездят в Кострому и Нижний, там кого-то громят и снова прячутся у вас. Застигнем?

— Что-то я в раздумьях. Давайте хоть Щукина с собой возьмем.

— Вот еще! — отозвался исправник. — С ним будет неинтересно. Щукин их один всех перебьет, нам ничего не достанется. Решайся! Мне медведи и взаправду уже надоели.

Готовцев погрозил Алексею пальцем:

— Все вы, Алексей Николаевич! Галактион постоянно готов ввязаться в любую авантюру. Да и я, признаться, азартен. Уговорили!

— Вот и славно, — обрадовался Бекорюков. — Дело за сущим пустяком — обнаружить притон, в котором прячутся Челдон с товарищами. До сих пор, напомню, нам это не удавалось...

— Дайте Щукину команду усилить поиски. Пусть едет по деревням, трясет владельцев постоянных дворов, кабатчиков, волостных старост. А я поищу банду со своего конца.

— Какой может быть свой конец у вас, приезжего человека? Вы в городе всего три дня. Нет, уж если Щукин не найдет, то ваша блестящая идея бесславно угаснет. А жаль. Мне бы сейчас самое время отличиться перед начальством!

— Но если вдруг мы банду отыщем, как же мы втроем арестуем семерых? — любопытствовал воинский начальник.

— Зачем их арестовывать? — безмятежно ответил Алексей. — Мы их аркебузируем, как говорили при Петре Алексеевиче.

— То есть перестреляем? — удивился Готовцев.

— Да. Кого сумеем. Остальные сами деранут из уезда, что и требуется. Главное, достать Челдона, остальных можно и отпустить.

Бекорюков с сомнением покачал красивой головой:

— По инструкции убивать при аресте не положено.

— Больше всех в этом деле рискую я, и то не боюсь. И вы не тушуйтесь.

— Почему это вы рискуете больше нас? — встрял Поливанов. — Приехали и уедете, а мы тут останемся.

— Потому, Николай Орестович, что в отпуске я оказался не просто так, а как раз за подобное дело. Застрелил подозреваемого. Две недели назад в Петербурге.

— Случайно?

— Сознательно. Но это строго между нами, господа. Негодяй участвовал в убийстве полицейского «демона», внедренного в банду Недокрещенного.

— Недокрещенный? — встрепнулся Поливанов. — Что-то знакомое, но вспомнить не могу...

— Это потому, Коля, что у тебя в голове ничего не залеживается, — отрезал Бекорюков. — Я передавал тебе по принадлежности письмо из канцелярии губернатора. Банда неизвестного состава. В Таганроге ограбили казначейство, в Петербурге зарезали ювелира и в Ростове... кажется, домовладельца. А недавно опять в столице что-то натворили. Так?

— Так, — подтвердил Лыков.

— А, эти... — махнул рукой Поливанов. — Буду я всякий сор запоминать! Таких у нас в тихом Варнавине отродясь не бывало.

— У нас раньше и Челдона не было, да вот объявился, — разгорячился Галактион Романович. — А такие письма следует помнить, господин городской пристав!

Поливанов надулся и отошел в сторону.

— Простите, Алексей Николаевич. Надоел мне Коля своей простотой. Которая, как известно, хуже воровства. По правде сказать, из него пристав, как из меня иеромонах. Но продолжайте. Вы сказали, что пристрелили подозреваемого. А разве не лучше было бы захватить его и допросить?

— Бесполезно. Я приставил ему к голове дуло и приказал говорить. И он видел, что я не шучу, что выстрелю, если не услышу ответа. Но выбрал смерть.

— Хм... Внушает даже уважение. Они так боятся этого Недокрещенного?

— Видимо.

— Но получится, что мы действительно подведем вас! Если вы тут вновь окажетесь замешанным в задержании с убийством подозреваемых.

— Как вы напишете в рапорте, Галактион Романович, так и будет думать начальство. Никто из Костромы сюда не поедет из-за двух-трех мазуриков. А вы сообщите в бумаге, что были на охоте. С уездным воинским начальником и приедем из Петербурга чиновником. Ходил по лесу в поисках лося или хоть медведя. И на нас, мирных охотников, напали неизвестные.

— Ловко! — одобрил сыщика внимательно слушающий Готовцев.

— Оказалось, что мы случайно набрали на притон банды Челдона. Давно и безуспешно разыскиваемой всей полицией империи... Ну, в кого-то попали ответным огнем, остальные разбежались. Еще и благодарность от начальства получите.

— А вы хитрец, Алексей Николаевич, — констатировал исправник.

— Да служба такая...

По просьбе Лыкова Галактион Романович подозревал Поливанова и извинился перед ним за резкость. Поручик, видимо, не умел долго обижаться и охотно простил начальника и друга. Потом целый час говорили ни о чем, пили вино; варнавинцы еще и курили. Капитан расспрашивал Лыкова о гимнастике для укрепления мышц грифа. Бекорюков интересно рассказывал о Туркестане. Сыщик поймал себя на мысли, что ему хорошо в этой компании. Три приятеля тянули служебную лямку в глухом лесном уезде и, как умели, выживали. Чувствовалось, что Галактион Романович является вожаком всего сборища и своей энергией подтягивает и других. Словно прочитав мысли Лыкова, штабс-ротмистр подсел к нему и стал откровенничать:

— Эх, Алексей Николаевич. Вот вы меня давеча стыдили за то, что я предпринимательством занят на коронной службе. Поэтому жуликов плохо ловлю. Легко вам, петербуржцу, камер-юнкеру и опекуну такого имения, поучать. Богачи хотят — живут, хотят — умрут... А нам каково? Вы приезжайте сюда зимой! Хотя бы раз! И тогда поймете... Выходишь на службу — кругом темнота, хоть глаз выколи. Во всем Варнавине ни одного уличного фонаря! Снегу по пояс. Дворник едва умеет пробить в нем узкую тропинку. Сядешь в кабинете и торчишь там целый день. Скука. Бесконечно ходят какие-то люди, чего-то просят, предлагают взятку дровами или битым мясом... И люди жалкие, и просьбы у них жалкие. Вы

хоть знаете, что относится до обязанности уездного исправника? Очищение недоимок, надзор за скотским падежом от заразительных болезней, надзор за саранчой... Я обязан даже следить, чтобы в недозволенное законом время обыватели не ловили пиявок! Представляете? Я — и пиявки... А бумаги какие! Рутинизм из рутин. Вы не поверите: я однажды учинил опыт. Целый месяц все входящие бумаги, не читая, бросал в печь. Дай посмотрю, что будет. И что вы думаете? Ничего от этого не изменилось! Ни-че-го! Это что же тогда получается? Получается то, что Галактион Бекорюков, умный, деятельный человек, тратит свою единственную бесценную жизнь на пустяки. Да, я служу. Именения нет, а надо на что-то жить. Содержание по должности — полторы тысячи рублей плюс квартирный оклад. Хорошо еще, живу в собственном доме, и квартирные деньги получается экономить, а то бы совсем худо... Начальство всегда недовольно. Разорвись надвое, скажут: а что не на четверо? Тоска, ощущение бессмысленности существования страшные. Если думать об этом, то выход только один — пить. Многие из нас тут так и поступают. А я борюсь! Чтобы не оскотиниться, не потерять человеческий облик, иду на всякие ухищрения. Бью медведей одним кинжалом. Лансировал^[44] вот эти «островские вечера». Поверьте, мы здесь не только тумашимся^[45], мы друг дружку поддерживаем, не даем опроститься и закиснуть. Я и дело-то это лесное, коим вы меня попрекаете, придумал не ради лишь денег, а больше для занятия времени и сил. А если же вдруг получится заработать — выйду в отставку и уеду в Кострому. А лучше в Петербург. Не торопитесь нас, грешных, осуждать. Приезжайте зимой — поймете.

В конце концов «островитяне» напоили Лыкова так, что домой его отводил вестовой капитана Готовцева...

12. Трудная среда

Среда в Варнавине — базарный день. Со всех концов съезжаются в уездный город подводы; оживление и на реке. Сотни окрестных крестьян и торговых людей стекаются на главную площадь. То-то радость для кабатчиков!

Проснувшегося утром с легким туманом в голове Алексея ждал сюрприз. Варвара Александровна вошла строгая, в фартуке поверх капота, и сказала:

— Горе ты мое! Иди... пробуй. А то остынет.

— Что остынет? — робко поинтересовался грозный сыщик.

— Ты забыл? Пьяница! Я испекла армериттер!

Точно, как он мог запомнить? Нужно держаться подальше от «островитян»... Армериттер — кулинарная новинка, ставшая популярной благодаря дешевизне и простоте изготовления. Берется хлеб, нарезается квадратиками и обжаривается потом на сковороде. Если хлеб черный, то добавляют лук, чеснок и зелень, а обжарка происходит на постном масле. Если же берут кулич, то обмакивают его в молоко, жарят на сливочном масле и посыпают затем сахарным песком. Чего уж проще? Соблазнившись именно последним обстоятельством, Варвара Александровна обещала вчера самостоятельно приготовить завтрак. Сказала: вдруг нас ожидает бедная старость? Разорение там или революция — надо быть ко всему готовыми.

Бодро взяв приступом столовую, Алексей умял фунт армериттера — кстати, получилось у жены на удивление вкусно — и запил его чаем. Выздоровливающий Николка объявил, что он волк, бегал вокруг стола и искал, кого укусить. День начинался хорошо...

— На базар пойдем? — спросил Лыков, умиротворенно откидываясь на диван.

— Пойдем, но не надолго.

— Почему? А впрочем... Мне там надо с одним мужиком переговорить, так что обходись без меня. Возьми Окунькова, он дотащит корзины.

— Алеша, ты от вчерашнего пьянства ничего уже не помнишь. Мы обещали Полине явиться к ней в гости ко второму чаю. Забыл?

— Да, теперь вспоминаю. Когда в вашей дыре подадут второй чай?

— Глупый. — Варвара Александровна бросила в мужа изюминой. Тот

ловко поймал ее на лету и проглотил. — Это теперь наша с тобой общая дыра. Второй чай здесь подают ровно в полдень.

— Бедный я, бедный — женился на высокомерной богачке...

В сыщика полетела вторая изюмина и тоже была съедена.

— ...которая еще и швыряется чем попало. Тогда так. Я бегу на базар один. Сейчас десять часов. Мне понадобится минут тридцать или немного больше. Подходите со Степаном к одиннадцати и ждите меня возле телеграфной конторы. Погуляем по базару, Степана с покупками пошлем домой, а сами отправимся в гости. Выполнять! Раз-два!

Как и договаривались, Алексей нашел Евлампия Рафаиловича в отдельной комнате чайной Белянцова. С ним был мужик лет сорока, жилистый, крепкий, заросший обильно поседевшей бородой. Увидев вошедшего, мужик встал и поклонился:

— Трефил Осипович Оденцов.

Сыщик тоже представился и протянул крестьянину руку. Тот, на секунду замешкавшись, пожал ее. Мужчины сели, Лыков заказал чаю для всех и обратился к Оденцову:

— Вот о чем хотел поговорить, Трефил Осипович. В Варнавине ходят всякие разговоры про вашу деревню. Что пенек нашли поблизости в лесу, а в нем нож торчит. Волколак-де в Бочкарихе завелся...

— Глупости и про пень, и про нож. Слыхал про это и я... Нету в Бочкарихе никакого волколака.

— А кто есть?

Оденцов замолчал, настороженно глядя на сыщика.

— Трефил Осипович, а еще говорят, что у вас там люди пропадают.

— Вот это правда.

— Чем вы это объясняете?

— Не знаю.

— Я спрошу тогда без обиняков. Есть в Бочкарихе такие люди, которые укрывают беглых преступников?

Оденцов окончательно смешался и отвел взгляд. Евлампий Рафаилович тронул его за плечо:

— Скажи ему правду. Очень надо. Господину Лыкову можно верить, он порядочный человек.

— Ить эта... В самой-то Бочкарихе нету.

— А где есть?

— Выселок стоит в трех верстах, прямо в лесу. Выродовский починок.

— Чей-чей?

— Это фамилия у него такая. Подходит она к нему, правильная

фамилия. Антип Выродов на общество обиделся, да и отделился. В лес ушел жить.

— Один он там?

— Како один! Жена, сын с невесткой да внук со внучкою.

— Правильная, говорите, у него фамилия?

— Подлинный дудор^[46].

— Он, этот Антип Выродов, и содержит притон, так?

Крестьянин вдохнул, словно собирался прыгать в холодную воду, и подтвердил:

— Точно так. Сами кобели, да еще собак завели.

— Что за люди, сколько их, как часто приезжают и уезжают?

Сказав главное, Оденцов словно успокоился и начал теперь рассказывать более подробно.

— Двор у Выродова большой, выстроен «покоем»^[47]. Што там делается, ниоткель не видать. Да и не ходит туда никто, боятся.

— Давно началось?

— С того году.

— А люди когда начали пропадать?

— Тогда и начали. Сначала Митяй-пастух о прошлом августе. И еще двое проходящих об эту весну.

— Много он их там укрывает?

— Да кто ж их считал? Приходят и уходят они завсегда ночью, обходной дорогой, через лес. Слышно, две брички у них.

— Ага. От шести до восьми человек, значит. Так. Пора ваших непрошенных гостей выкурить. Вы сами-то что-нибудь сделали для этого?

— А што мы можем? Становому пожалиться? Так он у Выродова с ладони ест. Только себе на голову испытание нашлешь. Подопрут ночью избу да спялят соплошь всю семью за один длинный язык. Шугается народ...

— Ладно, скоро это кончится. Но, чтобы все удалось, я должен к вам приехать и своими глазами выселок осмотреть. Далеко ли лес, какой забор, есть ли сторожевые собаки, и много чего еще.

— У нас место глухое, чужих не бывает. Заподозрит он...

— А мы ему сказку придумаем. Бочкариха старообрядческая деревня?

— А то как же! Австрийского согласия^[48]. Все по старой вере живем.

— Когда вернетесь сегодня к себе, скажите мужикам, что познакомились на базаре с торговцем по фамилии Лыков. Тертый парень и скупщик. Выменивает^[49] по деревням иконы дониконианского письма и

старинные божественные книги. Рукописные. Платит за них хорошие деньги. Лыков угостил вас чаем и расспрашивал, имеются ли такие в Бочкарихе. Обещал приехать. Пойдет тогда по избам и станет те книги и иконы торговать. Запомнили?

— Ага.

— Еще Лыков говорил, что в продаже старых икон ничего дурного нету, потому что он сам старообрядец и покупки свои отвозит на Рогожское кладбище, единоверцам. Так что они попадут в хорошие руки, а можно изрядную деньгу заработать. Скажите, а на самом-то деле древлеправославные иконы в Бочкарихе есть? А то, может, я глупость придумал?

— Иконы-то? Да почитай в каждой избе. У меня у самого их полное тябло^[50].

— Тогда все правдоподобно.

— А ведь ловко придумано! — впервые за всю беседу улыбнулся Оденцов. — Такие скупщики взаправду бывают, ажно я о них слыхал. До нас-то, правда, они еще не доходили...

— Теперь дойдут. А у Выродова иконы имеются?

— У него больше всех. Фальшивый человек: стыда во лбу нет. Грешит, грешит, много ему приходится молиться. Вот и запаса.

— Все сходится. Давайте решим так. Я приеду к вам завтра перед обедом. Потолкаюсь по деревне, торговлю разверну. Буду сильно цену занижать. Потом дойду до Выродовского выселка и попробую зайти в дом. Скатаюсь в соседние деревни. Так и протолкаюсь до вечера. Переночую у вас и утром чуть свет уеду. Будет уже пятница. Нападать на выселок в субботу или воскресенье опасно. Его обитатели могут уехать на разбой, и мы тогда их только спугнем. Заявимся к вам утром в понедельник, когда они точно будут отдыхать от несправедливых трудов.

Оденцов встал, подошел к иконе в углу и перекрестился:

— Хосподи Есусе Христе сыне Божие... ниспошли удачу в делах наших... надоело в своем доме дрожать!

— Ну, Трефил Осипович, теперь уходите. Только не в общую дверь, а через двор. И чешите нынче как следует на деревне языком, готовьте Бочкариху к моему появлению!

Крестьянин ушел, а Лыков обратился к Рукавицыну:

— Вот вам, Евлампий Рафаилович, и ваш волколак. Нет никого страшнее человека!

— Да... Спасибо за науку...

— Вам спасибо, что помогли разговорить Оденцова. На их выселке

прячется банда. Я договорился вчера с исправником, что мы банду эту разгоним. Скоро в Бочкарихе опять будет спокойная жизнь, перестанут пропадать люди. К вам же еще одна просьба. Мы сейчас расстанемся, я обещал жене походить с ней по базару. Где ваш Тимофей?

— У выхода стоит, меня дожидается. Молод он еще по чайным сидеть.

— Он мне нужен. За мной в последние сутки кто-то следит. Не могу сам выяснить, кто. Пусть сейчас, когда я буду шляться по базару, Тимофей ходит за мной. Но обязательно в значительном удалении и не шарит по толпе глазами!

— Передам.

— На площади теперьлюдно, и, скорее всего, в толпе парень никого не обнаружит. Главное, чтобы его не обнаружили... С базара мы с Варварой Александровной пойдем в гости к Смецким. Это где-то посередине Костромской улицы.

— Знаю их дом.

— Нас ждут там к двенадцати часам. Пусть Тимофей в это же время фланирует нам навстречу. Тот, кто следит за мной, должен быть позади нас саженьях в пятидесяти. Неброский, самый обычный, идет тем же шагом, что и мы. Ваш сын должен очень осторожно взглянуть на него мельком, ничем не выражая интереса. И пусть тут же уходит и до вечера мне не показывается. В восемь часов я жду его дома с отчетом. И вы тоже приходите.

— Все понял.

— Для Тимофея тут никакой опасности нет, даже если его расшифруют. Просто тот человек делается более осторожен.

— И это понимаю. Но вот когда вы поедете в Бочкариху, для вас там будет большая опасность. Особливо на высылке. Место глухое, лес кругом. Может, мне при вас быть? Вдвоем не так страшно.

— Евлампий Рафаилович. Во-первых, я нанял вас на службу помощником управляющего, а не сыщика. И рисковать вашей жизнью не намерен. Во-вторых, в случае, не дай бог, сшибки, вы будете мне только мешать. Уж не обижайтесь. Один я на крайний случай хоть в лес прорвусь. Ловить же Лыкова в лесу... себе дороже. А так придется вас прикрывать — тут-то нас обоих и прикончат. Поэтому спасибо и до вечера.

Когда Лыков пришел к телеграфу, Варенька со Степаном были уже там. Окуньков держал две огромные корзины, причем в одной уже лежала завернутая в синюю бумагу заурья^[51]. Втроем они принялись шататься по площади. Уезд в этот день предъявил свои лучшие продукты. Было много щепного и лубяного товара. Солидно стояли бондари с кадушками.

Высились стопки выделанных овечьих шкур, рядами красовались готовые сапоги. Очень обильно был представлен гончарный ряд: в окрестностях имелись хорошие вязкие глины. В длинную шеренгу вытянулись продавцы хомутов, дуг, подков и прочего подобного товара. За ними шла скотина. Блеяли овцы, мычали коровы, кудахтали нервные куры; в конце ряда торговали даже двух лошадей. Замыкали этот конец возы с овсом и соломой.

Алексей с Варенькой толкались преимущественно по рядам с провизией. Здесь цепь холщовых палаток была самой длинной. Молоко и молочные скопы, мороженная клюква, домашние окороки, яйца, битая птица, сушеный шиповник, первая зелень и многое другое радовало глаз. Все стоило баснословно дешево, а при небольшом нажиме отдавалось за сущие копейки. Здесь не знали столичного «при фикса»^[52] и торговались охотно и с душой. Постепенно корзины Окунькова наполнились покупками: вареным сахаром (любимое лакомство Николки Чунеева), первым рябиновым и черничным медом, парой кряковых уток и пятнадцативершковой стерлядью. За гривенник Лыков купил у крестьянских девочек букет полевых цветов и подарил супруге. Пора уже было идти на чаепитие. Вдруг Алексей увидел идущего ему навстречу с рассеянным видом Фороскова. Пропустив Петра мимо, сыщик тихо сказал Окунькову:

— Ступай незаметно за этим человеком, выясни, где он живет, и договорись, как ему лучше прийти вечером к нам в дом. Он мой товарищ, но для всех это секрет.

Нагруженный покупками Степан послушно направился следом за Форосковым, а Лыковы пошли в гости. Дом Смецких относился к числу лучших на Костромской улице. Длинный, одноэтажный, с пристроенными по бокам флигелями, уходящими в сад. На каменном цоколе! Далеко на тротуар выдавалось крыльцо с чугунным козырьком и двумя керосинокальными фонарями. Самый тротуар и улица перед домом были выложены плиточником.

На подходе к особняку Лыков разминулся с идущим ему навстречу Тимофеем Рукавицыным. Юноша куда-то торопился, шел задумчиво, почти не глядя по сторонам...

Дверь гостям открыл настоящий бонмезонный^[53] лакей, даже в ливрее. Впечатлил и особняк. Стены жилых комнат обиты дорогим кретоном с растительным орнаментом. Повсюду множество цветов — Варенька по пути называла их вполголоса Алексею. Хибискус, филодендрон, восковое

дерево, кинтия — и розы, розы, розы... Лыков шел в гостиную и примечал, что по всему дому стесаны пороги — чтобы могло проезжать инвалидное кресло.

В большой зале с бронзовой люстрой, лепным потолком и мраморным камином гостей встретил хозяин дома. Седовласый старик с добрыми глазами едва успел сказать несколько приветливых слов, как раздался звенящий скрежет. В комнату въехала Полина Мефодиевна, еще более красивая, нежели была вчера. На висках ее качались изящные тирбушоны^[54]. Желтое модное платье с прозрачными буфами, на лебединой шее дорогое алмазное кольцо, а в волосах алая роза. Увидев дочь, Смецкий совершенно воспарил. Поцеловав ее в щечку, он обратился к Лыкову:

— А?! Какова! Моя Поля такая красавица! Украшение города, первая в Варнавине. Ах, если бы в Петербург...

В глазах барышни в одно мгновение мелькнули и тут же пропали слезы. Ну и воля! Отец же испуганно прикрыл рот рукой. Полина как ни в чем ни бывало сказала весело:

— Очень, очень рада видеть вас у себя в гостях!

Чай прошел оживленно. Хозяин больше помалкивал, любовался дочерью и чаще необходимого подливал себе Шато-Го-Брюна. Зато барышня блистала. Умная, точная в метафорах, содержательная речь ее вновь заставила Алексея позабыть о времени. Вдруг, незаметно для него, беседа перешла на неожиданный предмет. Полина Мефодиевна заговорила о варнавинском маньяке:

— У нас в городе как-то замалчивают эти происшествия; считается хорошим тоном делать вид, что их нет. Я спрашивала о них исправника... Господин Бекорюков здесь частый гость, — сочла долгом пояснить барышня. — Он делает вид, что влюблен в меня. Чисто платонически, конечно. Хотя Бекорюков и платоническая любовь плохо вяжутся друг с другом... Так вот. Я интересовалась, что думает об этих страшных убийствах полиция и как она собирается искать преступника. Мне было отвечено, что дело идет своим ходом и чтобы я не совалась. Неожиданно вчера геройский победитель медведей проговорился за этим столом, что вы, Алексей Николаевич, лично занялись маньяком. В частном, так сказать, порядке. Так ли это? И как может развиваться ваше расследование? Полиции нашей я не верю, а вот вы вызываете у меня большее доверие.

Лыков никогда и никому, кроме тех, кому положено, не раскрывал секретов своих розысков. Не собирался он делать этого и сейчас.

— Да, Полина Мефодиевна, Галактион Романович вас не обманул.

Дело в том, что мой управляющий, господин Титус, едва не был убит именно упомянутым преступником. Это известно доподлинно.

— Вот как! Тут есть связь?

— Есть. Кроме того, наши с Варварой Александровной дети проживают здесь все лето. Мы не можем подвергать их опасности. Еще более страшно за простых людей, которые не могут караулить своих чад днем и ночью. Пора это безобразие прекратить. Я в отпуске, и я хорошо подготовлен для подобной деятельности. Вот мы и сговорились с господином исправником, что он снабжает меня известными полиции сведениями, а я... я ищу убийцу.

Барышня смотрела на Лыкова во все свои чудесные зеленые глаза:

— У вас обязательно должно получиться! Но как вы собираетесь утереть нос Бекорюкову? Почему у него не вышло, а у вас выйдет?

— Очень просто, — с важным видом ответил Лыков. — Вы заметили, что все убийства совершены в период с весны до конца лета? А знаете, отчего? Здешние лекоки не придали значения этому обстоятельству, а я его сразу заметил. Потому — опыт! (Коллежский ассессор назидательно поднял указательный палец.) О чем, по-вашему, данное обстоятельство говорит?

— Мне — ни о чем, — созналась Полина Мефодиевна.

— Вот. И Бекорюкову ни о чем. Мне же очевидно, что оно очерчивает нам личность преступника. Это пришлый человек, скрывающийся от закона в ваших глухих местах. Или дезертир, или беглый, или находящийся в розыске уголовный. Прячут его, безусловно, раскольники, иначе злодей давно бы уже был обнаружен. Раскольники самый злонамеренный народ: обмануть власть считается у них за подвиг. Так вот, наш преступник с весны по осень занимается, как это у них называется, делопроизводством. Он уходит из своего убежища на заработки в большие города, где легче укрыться и проще найти жертву. Грабит, ворует, убивает, создает запасы наличности на зиму. А с наступлением холодов возвращается в свой притон и сидит там до следующей весны.

— Очень правдоподобно.

— Да так оно и есть, поверьте моему опыту! И вот, проходя через Варнавин и видя маленькую жертву гуляющей без присмотра на улице... Что-то переклинивает в его больном мозгу. Доктора не в силах пока объяснить этого механизма. Но маньяк срывается, производит очередное убийство и сразу уходит прочь из города.

— Да, — сказала потрясенная Смецкая, — я теперь совершенно уверена, что так и было. Но как же вы найдете такого человека? Раскольники ни за что его не выдадут!

— Конечно. Я поступлю следующим образом. Объеду все ваши восемнадцать волостей и поговорю со старшинами. Посулю им награду в тысячу рублей за указание проживающих в их деревнях посторонних людей. Тех именно, кто скрывается от власти. Думаю, во всем уезде подобных лиц наберется не более двадцати. Денег жалеть для такого дела не буду! Они тут сыграют главную роль. Люди жадные, за эдакий куш мать-отца продадут, не то что беглого дезертира. После установления темных людей Бекорюков и его орлы произведут аресты. Преимущественно попадутся более-менее безобидные бродяги, раскольничьи тайные курьеры и прочий сброд. Но среди них окажется и наш маньяк.

— Как же его выделить из толпы?

— Еще проще, чем поймать. У вас на краю города стоит пересыльная тюрьма. Туда и засадим. Причем и тех, кто прятался, и тех, кто прятал. Перекрестные допросы и очные ставки быстро выявят тех, у кого нет алиби на дни совершенных убийств.

— А если они не сознаются?

— У меня все говорят! — грозно сдвинул брови Лыков. Поймал недоумевающий взгляд жены, но продолжил: — На то есть особые методы!

Собственно, тут беседа и закончилась. Лыковы засобирались домой. Пора было укладывать Николку, который неохотно засыпал днем без мамы. Когда они вышли на улицу, Варенька вырвала руку и с укором обратилась к мужу:

— Что это было? Я не узнавала тебя! «Мой опыт... у меня все говорят... я сразу догадался...» Распустил перья перед этой райской птичкой? О да, сегодня она была особенно хороша! Готовилась!

— Варвара, успокойся, — просто ответил ей муж. — Полина Мефодиевна, несмотря на свою эффектную внешность, просто несчастная калека. У нее никогда не будет, как у тебя, мужа, детей, семьи. Ей скучно. Это очень понятно. А тут под боком тайна, непридуманная, настоящая. Я ей и подыграл немного. Развлек своей болтовней. И хватит об этом, пойдем быстрее к Чунееву...

И намечавшаяся было размолвка тут же прекратилась. Лыковы через Полукруглую, чтобы не выходить на людную площадь, направились домой. Там Варенька занялась сыном, а Алексей вызвал Окунькова. Тот сообщил:

— В полночь я впущу его через заднюю калитку.

— Где он остановился?

— На постоялом дворе Подшибихина, в Варнавинской улице.

— Вот что, Степан. Петра Зосимовича я сам впущу. А у тебя будет другое дело. Кто-то за мной следит. Так они и Фороскова вычислят. Нужно

увести «хвост» от дома к его приходу. Поэтому ты, переодетый в мой сюртук и шляпу, выйдешь из дому в половине двенадцатого. Росту мы с тобой одинакового, в темноте они не отличат.

— Слушаюсь. Долго мне гулять?

— Дойдешь до Рукавицына, посидишь там с полчаса и вернешься сюда. К этому времени мой товарищ уже уйдет. Не забоишься ночью гулять?

Окуньков ухмыльнулся:

— Я, чай, не девушка, чтоб темноты бояться. Это им есть чего терять, а нам-то...

— Все равно будь осторожен. Иди посреди улицы и смотри в оба.

— Если я замечу его... ну, того, кто за мной пойдет, что мне делать?

— Этого ты не заметишь. И не пытайся, не оборачивайся, иди себе, и все. Освещенных мест тоже избегай.

— Какие в Варнавине ночью освещенные места?

— Из окон, например. Или ты вдруг курить надумаешь! Тогда сразу все провалишь. Задачу понял? Иди пока отдыхай.

Потянулся длинный летний вечер. К ужину пришли отец и сын Рукавицыны. Их посадили за один стол с хозяевами, чем они первоначально смутились. Но простое обхождение Варвары Александровны развеяло скованность, и ужин прошел оживленно. Потом мужчины удалились в кабинет.

— Ну, видел? — спросил Лыков Тимофея.

— Видел. Мужик лет сорока, незнакомый.

— На кого похож?

— На мужика и похож.

— Невзрачный такой, заурядный?

— Да.

— Это Щукин, — обратился Алексей к Евлампии Рафаиловичу.

— Я же знаю Ивана Ивановича! — возразил Тимофей. — Этот совсем другой. Бородища седая с подпалинами, нос красный.

— Бороду наклеить можно, и нос подкрасить. А вот роста он был одного с Иван Иванычем?

— Роста? Пожалуй, что одного.

— Щукин, — уверенно повторил Алексей. — То-то я его никак не мог засечь!

— А пошто полицейскому сыщику за вами следить? — недоуменно спросил Рукавицын-старший.

— Бекорюков хочет знать, как идет мой розыск.

— Нехорошо, однако, что тут Шукин. Трудный человек. Как глянет, так и лес вянет.

— Ну уж какой есть. Полиция будет нам помогать — это главное. С исправника начальство уже стружку снимает за бездействие. Вот он и поставил Ивана Ивановича на цырлы. Это на пользу: что-нибудь, да нароем.

Лыков сообщил Евлампии Рафаиловичу, что ночью к нему явится переодетый Степан Окуньков и просидит полчаса в гостях. И еще велел ждать его, Алексея, завтра в пять утра с телегой на шоссе, возле поворота на Карасиху. Наконец, Рукавицыны ушли, но встречи этой среды для сыщика еще не закончились.

В половине двенадцатого, когда весь дом уже спал, Окуньков вышел через парадное крыльцо и быстро зашагал к Полукруглой. Лыков же занял позицию у калитки. Через полчаса он услышал шорох и повернул ключ в замке. Форосков бесшумно проскользнул в сад.

— Поговорим в бане, — шепотом сказал Алексей и повел ночного гостя за собой. Задернул занавеску на окошке, зажег лампу. Потом повернулся к Петру и сказал торжественным голосом:

— Яков живой!

Петр ликовал пять минут; Лыков терпеливо отвечал на его вопросы. Наконец, остановил восторги и сказал:

— У тебя осталось мало времени. Поэтому слушай.

И рассказал ему сжато все, что сумел узнать за эти три дня. И про полицейских лесных дельцов, и про банду Челдона, и про шайку Вани Модного. Особо остановился на версии о беглых и дезертирах, один из которых, возможно, и есть маньяк. Закончил следующими словами:

— Челдоном я займусь сам, а ты пока возьми в разработку Ваню Модного.

— Себе что получше выбираете, Алексей Николаевич, а мне шпанку отдаете, — пошутил Форосков.

— Шпанка тоже опасная бывает. Мозгов еще нет, а нож в сапоге уже есть. Будь осторожен.

— Я всегда осторожен, — серьезно ответил Петр.

— И хорошо. Дольше проживешь. Твоя задача: проверить шайку Вани Модного на вшивость. Точно ли среди нее нет маньяка. Доктор говорил, что детей душил малосильный мужчина или подросток.

— Или женщина, — добавил тут же Форосков.

— Или женщина, — согласился Лыков. — Но это много менее вероятно. А вот подростков у Вани в шайке целых два десятка. Пощупай их.

— Понял.

— На, посмотри и запомни почерк. Этой запиской Якова заманили к оврагу.

— Так... «р» особенная.

— Да, и еще «д». Ищи человека с этим почерком. Другая твоя задача — выйти на здешних уголовных. Не может тут никого не быть. Уж воры точно есть, они как тараканы — повсюду. А Щукин мне ничего не рассказал об этой публике. Не хочет! Придется самим узнавать.

— Кто такой Щукин?

— Здешний сыскной надзиратель. Следит за мной.

— Зачем?

— Да они тут все боятся, что я без них убийцу поймаю.

— И правильно боятся!

— Со Щукиным будь осторожен. Это серьезный человек, единственный знающий дело во всей здешней полиции. Как только ты начнешь болтаться по городу, он тебя разу же заметит.

— Отбрешусь согласно легенде.

— Все, тебе пора уходить. Вот тебе ключ от калитки. Но это на крайний случай, на спешный. В обычное время передавай мне сообщения через Окунькова. Он по утрам ходит за водой на святой источник. В семь часов. Подойдешь, попросишь прикурить и незаметно сунешь записку. Все, иди. Удачи!

13. Разведка

Лыков трусил на смирной пегой лошадке по убогой лесной дороге. Отъехал от уездного города на десять верст — и все, будто на Камчатку угодил. Вокруг ни души. Дорога пустая — встретился всего один смурной мужик. Да и тот лучше бы не попадался! Борода клочьями, под глазом фингал, а за поясом топор... Буркнул «здрасьте» и прошел мимо. И слава Богу, что прошел.

По совету Рукавицына, Алексей пробирався в Бочкариху не побережным трактом до Богородского и оттуда направо, а напрямки. От Подосенихи лесом меж болот шла местная дорога, выводившая прямо на Бочкариху. Очень может статься, что ею и пользуются бандиты. Сегодня четверг, и, скорее всего, они на выезде, творят очередную расправу, но вдруг появятся сейчас из-за поворота? Неприятно... Над головой перелетал с ветки на ветку огромный ворон, словно преследовал Алексея. Визгливо скрипела сосна, из-за кустов слышались какие-то зловещие вздохи. Чертовщина экая...

Сыщик был одет по-мещански, добротнo и даже с некоторым щегольством. Из Петербурга он привез сак с гримом и необходимыми атрибутами. Поэтому сейчас лицо его украшала короткая русая борода, в тон усам и шевелюре. Сзади за ремнем поместился еще один «атрибут» — мощный шестизарядный «веблей». Пятьдесят восьмой калибр! Быка с ног свалит.

Через три часа неспешной езды Лыков подкатил прямо к околице деревни. Бочкариха обосновалась на берегу небольшой речки Курдомки. На другом берегу, невдалеке, виднелись еще два селения: Замешаиха и Валиха. Саженой на двести вокруг Бочкарихи лес был сведен, и свободное пространство распаханo и засеяно, но дальше чаща стояла стеной. К северу раскинулось огромное урочище Шабалиха, труднопроходимое и болотистое. На краю его и поставил свой починок Антон Выродов. С местом он не ошибся...

Алексей поехал по пустой улице. Деревня в сто дворов, а спросить не у кого! Играющие возле изб дети при виде незнакомого сразу убегали во дворы. Наконец попалась ядреная молодуха с коромыслом. На вопрос, как найти дом Оденцова, она поставила ведра на землю и дала обстоятельный ответ. Посмотрела с любопытством на Лыкова и поинтересовалась:

— А не вы, случаем, иконы торгуете?

— Я самый, красавица! Только не торгую, а вымениваю. На деньги. Грешно святыми ликами-то торговать... А что, у тебя есть?

— От родителей остались. Много... Все не отдадим, а часть можем уступить.

— А и ладно. Ты где живешь?

— Третья изба по порядку. Вона, где ветла.

— Зайду. У эдакой купчихи покупать — одно удовольствие!

Молодуха зарделась, воровато огляделась по сторонам и сказала шепотом:

— Вы тока дома у нас на энтот предмет не шутите.

— Что, муж строгий?

— У-у-у!..

— Сговорились, красавица.

И тронул лошадь. Через пять минут он уже здоровался с Оденцовым. Трефил Осипович, хоть и был видимо напряжен, встретил гостя приветливо. Быстро сгоношил самовар и даже выставил на стол настоящий сахарный песок. Но Алексей не стал объедать хозяина, а принес из телеги узел с гостинцами. В нем оказались большая сахарная голова, жестянка с дорогим цибиковым чаем «ю-чен-юань-нумы» (девять рублей пятьдесят копеек за фунт), сушки и кулек леденцов. Оденцов немедленно открыл жестянку, понюхал и даже зажмурился:

— Вот удружили так удружили, Лексей Николаич! Люблю хороший-то чай, но он для меня дороговат. А эдакого и не пил никогда! Спасибо.

— Подождите, еще и не такой пить станете. Рукавицын вступил в обязанности управляющего временно, но вот помощником он будет постоянным. И деятельным. А забот в Нефедьевке полон рот. На кого Евлампия Рафаиловичу опереться? На таких, как вы. Бросайте-ка вы свое бурлачество да переходите тоже ко мне на службу, под его начало.

Оденцов вздохнул:

— Ох, как нужда одолела... Колотишься, будто рыба об лед, а подати все одно заплатить не из чего... Но вам, верно, уж идтить пора? Я мужиков давеча предупредил, они ждут, даже в поле многие не пошли.

— Да, пора начинать. С кого первого?

— Да хоть с меня и начните. Для правдоподобия. Экая у вас, Лексей Николаич, борода-то выросла, за одну ночь. Не оторвется, ежели дернуть?

— Смотря как дергать станут.

Оденцов долго рассматривал Лыкова, потом сказал:

— Ловкая работа! Ну, поехали. Вот образа, глядите.

Сыщик, войдя в роль, переворошил у хозяина весь киот. И

действительно выменял за червонец одну закопченную, изъеденную жучком доску. Трефил Осипович, очень довольный свалившимся на него доходом, поспешно надел гречневик^[55] и собрался вести коммерсанта по деревне. Однако, выйдя на улицу, они обнаружили возле избы сразу четырех мужиков. При виде покупателя они загалдели:

— Начните с меня, уважаемый! Я первый очередь занимал!

— У меня самые лучшие во всей деревне образа!

— А я таку книгу храню! Ветхая — страсть... И картинки имеются.

И Лыков пошел по деревне один — крестьяне передавали его с рук на руки.

Никаких выдающихся находок в Бочкарихе, конечно, не оказалось. Не нашлось редких икон дониконианского письма, рукописных старинных книг или раскольничьих посланий. Чаще всего Лыкову попадались Часовники и Псалтири прошлого века. Обнаружилось два списка «Ответов на 130 вопросов Нижегородского епископа Питирима», за которые участники богословского спора заплатили в 1729 году жизнью. Алексей купил за пятнадцать рублей «Писание» Иосифа Артемьева, изготовленное на знаменитом острове Ветка. Этот остров на реке Сож под Гомелем стал центром старообрядчества после изгнания скитов с Иргиза. Приобрел сыщик и пару Часовиков видом постарше. Вдруг у хитрого неприятного старика с провалившимся носом нашлось кое-что действительно интересное. «Десять тетрадей, а в них списки с отписок к великому государю» были датированы 7162 годом «от сотворения мира», то есть 1654-м по современному исчислению. Алексей без разговоров дал деду пятьдесят рублей. Еще у одного сельчанина он сторговал медный складень с финифтью поморского литья и старинный образ Богородицы Абалацкая Знамение.

Так, переходя от избы к избе, Лыков обошел всю деревню. Заглянул и в дом напротив ветлы. Молодуха, что попалась ему давеча с ведрами, повела сыщика в пустую горницу и указала на киот.

— А строгий муж где?

— Овин починяет.

— Зови.

Молодуха повернулась, чтобы выйти. Лыков ухватил ее сзади за пышную задницу и крепко ущипнул.

— Охальник! — взвизгнула довольная баба. — Синяк будет — что я мужу скажу? Управы на вас, городских безобразников, нету...

После долгих нудных торгов, чтобы не обижать хозяйку, сыщик купил у ее мужа за пятишницу еще одну Псалтирь. Он возвращался к Оденцову,

неся свои приобретения под мышкой, завернутые в тряпицу, и думал, сколько ему даст за них Степан Горсткин. Выбрасывать собственные средства на оперативную разработку Алексею было жалко. Горсткин служил «по особым поручениям» в беглопоповской общине при Рогожском кладбище в Москве; там все старое любят и должны перекупить. Вдруг с ним поравнялась телега. Возница с грубым отталкивающим лицом спросил:

— Ты, што ли, образа торгуешь?

— Не торгую, а вымениваю. Грех божьим ликом торговать — али не знаешь? Только ты, дядя, поздно спохватился. В Бочкарихе я уже закончил, сейчас покупки сложу и поеду в Замешаиху.

— Не болтай, у меня ты не был. Я особняком проживаю, на выселке.

— И есть чего посмотреть? Время деньги, дядя.

— Садись, сам увидишь.

— А с выселка я все это на горбу потащу? Шалишь. Встань у оденцовской избы, я руки освобожу.

Так Лыков оказался в починке, ради разведки которого он и замыслил весь этот маскарад.

Выродов расположился в двух верстах от Бочкарихи, в лесной чаще. Большой, крытый тесом пятистенок, просторный двор с конюшней и хлевом, вокруг усадьбы — высокий забор. Выглядело хозяйство добротное, но угрюмое.

Ворота распахнул молодой мужик, тоже грубоватой наружности — видимо, сын. Тщательно пошаркав об траву сапогами, Алексей снял картуз и вошел в избу. Неприятное ощущение не покидало его. Как они тут живут, посреди леса? Солнечный свет почти не проникал в окна, из-за чего в горнице казалось зябко. Со скамьи прочь прыснули дети, мальчик и девочка с затурканными лицами. Вошла сноха с таким же лицом, спросила робко:

— Самовар ставить, тятенька?

— Опосля. Брысь отсюдова, дело у нас.

И женщина тут же исчезла.

— Во, смотри. — Хозяин подвел Лыкова к киоту, действительно весьма обширному.

— Темно тут у тебя. Лампу дай!

— Обойдешься — масло средь бела дня жечь. Тащи на улицу да пялься там, сколько хошь.

Лыков крикнул, механически перекрестил лоб и принялся снимать иконы и складывать их на стол. Некоторые, что поновее, он оставлял. Выродов стоял рядом и наблюдал за каждым его движением. Набрав

десятка полтора досок, сыщик сгреб их в охапку и понес на крыльцо. Сел там на свету, вынул сильную лупу и принялся внимательно изучать образа:

— Та-а-ак... Это у нас кто? Это у нас Савватий Соловецкий... А тут? Алексей Митрополит, кажись...

Алексей перебрал все иконы и отложил из них только две:

— Сколь за них хочешь?

— А чево ты просишь?

— У меня купец знакомый Богородиц собирает. Много уже скопил. Тут у тебя Млекопитательница и Благоуханный Цвет. Почем отдашь?

— Энти-то? Самые старинные! Память о родителе! По сто рублей за штуку, меньше — ни-ни.

— Ты что, дядя, с бани упал? Я серьезно спрашиваю.

— И я сурьезно. Ты глянь, како письмо! Щас так уже не умеют!

— Письмо как письмо. На Ветке сделано, меньше ста лет назад.

— Да рази они по ста рублев не стоят? Эдаки хороши образа!

— Может, и стоят, токмо не в Бочкарихе, а в Москве. Где же тогда мой интерес?

Мужик задумался.

— На, сам с ними в Москву езжай, и сам торгуй.

Лыков с сердитым лицом встал, сунул иконы в руки хозяину и напялил на голову картуз:

— На дорогу больше изведешь!

Выродов решил:

— Ладно, погоди. А ты сколько даешь?

— За эту двадцать, за ту двадцать пять.

Крестьянин стоял и задумчиво тербил неопрятную бороду.

— Ну, по рукам, что ли? А то ведь я пойду. В Замешаихе, чай, не хуже куплю.

— А! Ладно. По рукам. Давай деньги.

Тут со двора вышел сын:

— Тятя, надо бы соли купить. А то на такую ораву не хватит.

— Пшел отсель! голова вертяча...

Сын бегом кинулся обратно в ворота.

— Ну, гони деньгу и вали отседова.

— Экий ты не гостеприимный... А книг рукописных нету?

— Нету. Давай сорок пять рублев и ступай прочь со двора!

— А склады старые?

— Ступай, говорю!

Лыков с обиженным лицом отсчитал купюры, взял образа под мышку

и ушел. Он был доволен. Притон здесь! Осталось осмотреть местность. Непонятно, как штурмовать выселок. В доме женщины и дети — не задеть бы их... Поэтому, скрывшись за поворотом, Алексей спрятал иконы под кустом и побежал в лес. Он обошел все хозяйство снаружи и нашел в задней части забора еще одни ворота, не видимые с лица. От них в урочище уходила едва накатанная дорога. Забравшись на дерево, сыщик заглянул через ограду. Обширное подворье с поленицей. Собак не видно и не слышно — очень хорошо! Если бандитов семеро, где они устраиваются на ночлег? Удобнее всего было бы на сеновале. А вот главарю сподручнее спать особняком. Скорее всего, ему стелют в доме. Вон в той каморке, например. План штурма постепенно сложился в голове у сыщика. Он проникает в каморку и вяжет в ней Челдона. Бекорюков с Готовцевым с двух сторон держат на прицеле сеновал. По сигналу они открывают огонь по крыше, поверх голов, оставляя бандитам выход с торца в лес. Пусть прыгают сверху прямо через забор и бегут. А то, если загнать шестерых головорезов в угол, они и ловцам могут чесу задать...

Довольный произведенной разведкой, Алексей вернулся к Трефилу Осиповичу, сложил у него Богородиц и на телеге отправился по соседним деревням. Легенду следовало отработать до конца. В Замешаихе он не нашел ничего, а вот в Валихе обнаружилась чудесная находка: серебряный ковш семнадцатого века. Судя по надписи, он был пожалован царем Алексеем Михайловичем стольнику Петру Благово! Ай да удача! Будет что подарить учителю на именины...

Коллежский асессор приехал к Оденцову уже под вечер. Поужинал ботвиньей с соленой судачиной, испил чаю и завалился пораньше спать. Встал чуть свет, простился с хозяином и его семейством и уехал. На околице сыщику попалась знакомая молодуха — в новой залокошнице^[56] и остроносых татарских лаптях, модных в уезде. Видно было, что она уже давно караулит приглянувшегося ей торговца. Лыков сыграл пьесу до последнего акта. Соскочив с телеги, он поцеловал бабу в сочные губы и подарил припасенную на такой случай в городе дорогую шелковую ленту. Сказал дрогнувшим голосом:

— Спасибо тебе! С легкой твоей руки славно наторговал. Еще вот что знай... Жил бы здесь — увел бы тебя от мужа! Ей-ей, увел бы!

— Все вы так говорите, — грустно улыбнулась молодуха. — А сами небось женатые...

Сыщик крикнул и отвел глаза. Потом сел в телегу, тронул лошадь кнутом и умчался. Крикнул только через плечо:

— Вспоминай иногда Алексея Лыкова!

14. Новая жертва

В одиннадцатом часу Алексей сворачивал с Полукруглой к себе на Дворянскую, когда увидел издали необычное оживление. Возле управления полиции скучились три пролетки, городовые бегали туда-сюда и густо толпились зеваки. Исправник Бекорюков стоял посреди улицы и нетерпеливо хлопал себя по ноге перчатками. Возле застыл телеграфным столбом пристав Поливанов с мрачной физиономией.

Сердце у Лыкова екнуло. Он развернул телегу и подъехал к управлению. Соскочил и направился к Бекорюкову. Штабс-ротмистр глянул на него злыми глазами и рявкнул на всю улицу:

— Пошел прочь, дурак! Не видишь — не до тебя сейчас!

Сыщик подошел поближе и сказал негромко:

— Галактион Романович, это я, Лыков. Что-то случилось?

— Алексей Николаевич? Боже праведный! Простите, не узнал. Зачем такой маскарад?

— Челдона ищу, и, кажется, отыскал.

— Вот как? А у нас тут... Не до Челдона сейчас. Еще тело нашли.

— Кто жертва? Кто нашел? Есть ли улики или свидетели?

— На этот раз мальчишка двенадцати лет, из мещан. Дерзкий был, родителям на него часто жаловались. Когда вчера вечером домой не пришел, я сразу почувствовал — опять! Искали всю ночь, силами полиции и обывателей. Овраг тот зловещий сверху донизу обшарили, с факелами. А он на кладбище лежал... Только что обнаружили.

— Я с вами поеду. Найдется в управлении горячая вода бороду отклеить?

— Идите за мной, — сказал Поливанов и проводил Лыкова в здание. Там коллежский асессор быстро привел себя в порядок и выбежал на улицу. Его уже нетерпеливо ждали. Щукин сидел на козлах, Бекорюков с Поливановым занимали пролетку. Лыков прыгнул к ним, и лошадь рванула с места.

Через десять минут полицейские были на кладбище. Тело жертвы лежало позади Крестовоздвиженской церкви, под березами. Рядом стояли городовой и доктор Захарьин. В нескольких шагах от них прямо на траве сидела мать погибшего ребенка. Она мерно раскачивалась взад-вперед, как заведенная, и тихонько бормотала:

— Митенька... светик мой ясный... солнышко ты мое...

Возле нее стоял муж с посеревшим лицом. Увидев приехавшее начальство, он зло плюнул и отвернулся.

Щукин наклонился над телом, потом опустился на колени. Очень медленно и очень внимательно он рассматривал все вокруг. Захарьин подошел к исправнику и сообщил вполголоса:

— Смерть наступила между десятью и двенадцать вечера. Удушение. Безусловно, это тот же самый маньяк.

Лыков присоединился к сыскному надзирателю, Бекорюков с Поливановым топтались без дела поблизости.

— Тело можно увозить, — бросил через плечо Щукин. Двое городских подошли, но тут к ним подскочил в крайнем возбуждении отец погибшего ребенка:

— Резать не дам! Мы его домой заберем!

— На усмотрение начальства, — равнодушно кивнул на исправника Щукин.

— Да, конечно, забирайте без вскрытия, — торопливо согласился Галактион Романович. — Чего уж там, и так все ясно. Согласны, доктор?

Захарьин молча кивнул, отошел к матери и достал из портфели какой-то пузырек:

— На-ка, милая, выпей...

— Ты чего ей даешь? — тут же вскинулся муж.

— Это раствор морфия. Пусть хлебнет, а то сердце может не выдержать.

И родитель сразу сник, словно из него выпустили пар:

— Эх, дохтор... Дай уж тады и мне. И у меня ведь сердце есть. А у этого... у этого нету!!!

При этих словах он повернулся к полицейскому начальству и закричал с надрывом:

— Когда же? Когда же вы этого нелюдя споймаете, а? Четвертого уж робеночка удавил! А вы все тянете! Не ловите! А? Сколь вам еще надо?

Исправник с приставом не решились осадить несчастного отца и быстро уехали. Лыков остался на месте происшествия. С трудом он заставил себя внимательно рассмотреть тело подростка. Синее лицо, искусанные в кровь губы... В голове Алексея, как метроном, стучала только одна мысль: поймать и убить, поймать и убить...

Два сыщика обшарили все кладбище и нашли место, где ребенок был задушен. От него в овраг вела цепочка следов. Лыков незаметно наблюдал за Щукиным. Тот действовал умело и уверенно, но делал все как-то механически, безучастно. Где же это он так сердцем очерствел? В

Болгарии? Да, война калечит...

Спустившись на дно оврага, Алексей обследовал протекающий здесь ручей. На топком берегу он нашел следы галош человека среднего роста. Кругом стояли настоящие джунгли: кустарник облепил стволы поваленных деревьев, продвигаться было почти невозможно. Как же преступник протащил здесь тело? Даже днем сумерки, в пяти шагах ничего не разглядеть, а он продирался ночью. Вдруг на сломанной ветке ежевики Лыков обнаружил клочок материи. Это оказался кусок черного сатина — видимо, оторвался от мужской рубахи. Иван Иванович одобрительно хмыкнул и спрятал находку в карман. По другому склону сыщики выбрались наверх, к окончанию Чернотропой улицы. Здесь следы потерялись.

— Да... — пробормотал Щукин, — опять двадцать пять... Где дальше шарить?

— Иван Иваныч, а помните, после первого убийства вы допрашивали цехового Кутыина?

— Ну?

— На ваш вопрос, видел ли он кого-нибудь возле еще живого ребенка, Кутыин ответил: «В тот раз не видел».

— Да вы что? Прямо так и сказал? Молодцом, Алексей Николаевич, а я не заметил. Пошли к нему — вон его дом стоит.

Через несколько минут сыщики уже входили в крошечный домишко цехового. Тот как будто их ждал — стоял под иконами и смотрел испуганным взглядом.

— Кутыин, ты помнишь, как я тебя допрашивал о пропаже сына Егоркина?

— Как не помнить, господин Щукин! Так я все тогда и рассказал... что ничего не видал...

— Я спросил тогда: не попадался ли тебе мальчонка на улице с чужим человеком? И что ты мне ответил?

— Э-э... не попадался.

— А если слово в слово?

— Э-э... в тот раз не попадался.

— Ага. А когда и с кем попался не в тот раз?

— Шел с кем-то. За день до того случая дело было. Я тогда и внимания не придал.

— С кем он шел? Говори, старый черт!

— Ей Богу, не знаю — со спины видал. Парень али мужик, весь в черное одетый.

— Где это было?

— У нас на Чернотропой... в смысле, на Дворянской, близко оврага.

— Точно лица не видал?

— Вот вам святой истинный крест, господин Щукин! Только со спины!

— Еще что-нибудь вспомни. Походку, волосы какие; сам мальчишка шел, или он его силком тащил. Ну?

— Сам, своей волей шел. Я ничего худого и не подумал...

— Почему сразу не сказал, сволочь?

— Спужался. Вдруг он меня потом, как самовидца... Ему же не докажешь, что я и лица-то евовного не видал!

— Кутьин, — вмешался Алексей, — вспомни все, что сможешь. Какие у него были волосы: длинные, короткие, черные, русые? Вились они или были прямые? Телосложение какое. Все говори!

— Так что, телосложение, можно сказать, что обычное. Навроде вашего.

Щукин при этих словах только хмыкнул.

— Волосья... кажись, были темные, но не черные.

— Темно-русые?

— Точно так.

— Роста какого?

— Э-э... навроде вашего.

— Походка?

— Странная, а как описать, не знаю...

— Чем странная? Хромает, ногу подволакивает?

— Враскоряку он шел. Не как все люди.

— Враскоряку? Что это значит?

— Не умею объяснить. Враскоряку, и все.

— Ладно, поехали дальше. Ты говоришь, одет был в черное. Во что именно?

— Спинжак на ем, будем так говорить, короткий. Рубаха, порты, картуз, сапоги — все как есть черное. Бесприметное... Больше ничего сказать не имею.

— Алексей Николаевич, подождите меня, пожалуйста, на улице, — попросил Щукин, гоняя по лицу желваки. Алексей вышел, и из-за двери тут же слышались звуки тяжелых ударов и крики.

Через минуту сыскной надзиратель присоединился к Лыкову.

— Значит, в первый раз Кутьин его спугнул, — предположил коллежский асессор. Щукин согласно кивнул.

— Да. Но желание осталось, и через день манияк вернулся. В той же

черной рубахе, чей клочок мы в овраге нашли.

— Доктор Захарьин говорил мне, что убийца недостаточно развит физически. По его мнению, маньяк или подросток, или пожилой человек.

— Он и мне это говорил, — вздохнул Щукин. — Вы только себя с остальными не равняйте.

— Что вы имеете в виду?

— Поручик Поливанов рассказывал, как вы в трактире целковые ломали.

— И к чему вы это?

— К тому, что именно вам трудно понять, сколько у обычных людей силы. Вы кошек никогда не давили?

— Нет, — опешил Лыков.

— Вот. Даже кошка сопротивляется, если начать ее давить. Рвется так, что и взрослому мужчине трудно бывает удержать. Царапается, кусается...

— Понимаю вас, Иван Иванович.

— Вот и то-то. Полагаю, что это никакой не подросток. Не справиться ни ему, ни старику, если жертва за жизнь борется, все силы напрягает.

— Возможно...

— Взрослый, в полном соку мужик. И совершенно бессердечный.

Лыков сидел в столовой и что-то ел, не различая вкуса, как вдруг на улице послышался грохот копыт. Кто-то соскочил и торопливо побежал в дом. Что там еще такое?

В столовую ворвался Рукавицын:

— Беда, Алексей Николаич! Народ аптекаря убивает!

— Какой народ? За что аптекаря?

— Кузнецы зачинщики и еще Тереха. Рубщик из колбасной лавки Малышева. Самый сильный в Варнавине, и большой озорник. С ними всякого сброда человек под пятьдесят.

— Так за что они его?

— За то, что жид и детишков душит! По вере, значит, своей...

Лыков пулей вылетел на улицу. Вдвоем с управляющим они помчались к началу Полукруглой. Еще издали была видна большая толпа, сгрудившаяся вокруг аптеки Бухвинзера. Четыре или пять человек увлеченно громили стекла и ломали железную дверь. Остальные их подзуживали:

— Навались, Тереха! Достанем жида из норы! Удавить его за кровь христианскую!

В окне метался перепуганный аптекарь. Простоволосая женщина, его сожительница, бегала от одного погромщика к другому и уговаривала:

— Что ж вы делаете, люди добрые! Он хороший, он никого не душил, а просто лекарства продает!

— Ага, хороший, — сказал слесарек в грязной поддевке. — Хороших жидов не бывает. А ты, шалава, вот получи!

И ударил женщину кулаком в лицо.

На этого мастерового на первого и налетел Лыков. Дал ему в ухо — тот покатился кубарем — и врезался в толпу. Сначала погромщики сыпались от богатыря, что городошные чурки, но возле самых дверей вышла заминка. Три плечистых кузнеца и огромный детина в перепачканном кровью переднике удивились появлению Лыкова. И быстро перекинулись с двери на него.

Без лишних слов завязалась жестокая драка. Алексей сразу получил несколько сильных ударов в голову, но сначала еще держался. Погромщики нападали на него вчетвером, и пока он отмахивался от одного, то пропускал с другой стороны две-три плюхи. Краем глаза сыщик видел, что толпа держит за руки уездного врача и что Евлампия Рафаиловича методично колотят трое, а он пытается отбиться. Коллежский ассессор ничем не мог помочь ему — он сам погибал... Рубщик так въехал Алексею сверху по темени, что в глазах пошли красные круги. Лыков сунул кулаком наугад, сбил кого-то с ног, но погромщики от этого еще больше озверели. Град тумачков погнался к двери. Из толпы ему подставили ногу, и он упал. Тут же кузнецы принялись ожесточенно пинать его ногами. Не дожидаясь, пока попадут в голову, Алексей вскочил, стряхнул с себя ближайших, как котят, и снова принялся отбиваться. Надо было как можно быстрее повалить Тереху, наиболее опасного из погромщиков. Изловчившись, Лыков со всего замаха вколотил верзиле кулаком прямо в челюсть. Мясника будто ветром сдуло; вокруг бойцов сразу образовалось свободное пространство. Но торжествовал Лыков недолго. Трое оставшихся кузнецов обрушились на него с удвоенной яростью. Тяжелые удары посыпались градом. Во рту застыл соленый вкус крови, в голове гудел колокол. Алексей стоял, закрывшись руками, и только охал. Наконец от особенно сильного удара он не удержался на ногах и повалился на землю. Все, сейчас кузнецы его затопчут...

Вдруг прямо над ним раздался выстрел, и толпа бросилась врассыпную. Лыков, не торопясь подыматься, вытер рукавом кровь с лица и посмотрел снизу вверх. Спинай к нему стоял Бекорюков. В правой руке он держал шашку, а в левой револьвер, которым выцеливал кого-то в толпе.

— Убью любого! вы меня знаете, — отчетливо сказал исправник. Интонация его была очень убедительна.

Поняв, что шутки кончились, погромщики заторопились разбежаться. Однако Бекорюков смотрел на это иначе.

— Ты куда, Разночужев? — обратился он к одному из кузнецов, обнаруживших желание улизнуть. — Я разве тебя отпускал?

И так врезал ему шашкой плашмя по голове, что тот упал со стоном на колени.

— Взять этих! — приказал Галактион Романович прибежавшим, наконец, городовым. Потом наклонился над Лыковым:

— Как себя чувствуете, Алексей Николаевич? Смелый вы человек: одному со скопом биться. Встать сможете? Давайте, я вам помогу...

Коллежский асессор с трудом поднялся. Постоял, побряхтел — все вроде бы в порядке. Не тошнит, голова не кружится, и руки-ноги целы.

— Обойдусь, — успокоил он штабс-ротмистра. — Но вы очень кстати подоспели. Никогда не думал, что всего трое могут мне так морду начистить...

— Кузнецы, — пояснил исправник. — Да и не трое их было, вся толпа помогала. Ну-ка?

Мимо городовые с трудом волокли огромного рубщика. Тереха был без сознания, с уехавшей вбок челюстью.

— Вы его так? Наскочил цыган на жидовина, хе-хе... Это известное отребье. Давно пора было его проучить, да не находилось смельчаков. Здоровый, что бык! Как напьется — драться лезет, благочиние нарушает. К такой силе — и такая дурь... Укатаю его на два года в арестный дом, у нас тут хоть потише станет.

— Тащите мясника ко мне, — распорядился Захарьин. Слегка помятый, в разорванном сюртуке, он, кажется, отделался легче всех.

— И Алексея Николаевича с его управляющим тоже прошу проследовать в больницу. Я должен вас осмотреть.

Лыков оглянулся и увидел Евлампия Рафаиловича. Тот держал на ладони два зуба и сокрушенно их разглядывал:

— Эх ма... Как теперь жесткое кусать?

Бекорюков утешил коллежского асессора:

— Это вас маскарад ваш подвел. Не успели переодеться из простого платья в барское, вам и навалили. Доктора вон аккуратно за руки подержали — и все.

Из-за спины Алексея вынырнул низенький толстячок и затараторил с характерным еврейским акцентом:

— Милостивый государь! Моя благодарность вам не имеет границ! Вы спасли жизнь мне и Алене Сафроновне. Позвольте представиться: магистр

фармации Бухвинзер. Я теперь ваш вечный должник — эти люди убили бы нас.

— Ты еще и мой должник, Бухвинзер, — осадил аптекаря исправник. — Не вздумай позабыть об этом!

— Как можно, ваше благородие! В этой стране бедный еврей всегда должен!

— Что ты сказал?!

— Шучу, шучу, ваше благородие! Когда вам угодно, чтобы я пришел засвидетельствовать свое почтение?

— К шести, — отрезал Бекорюков и повернулся к появившемуся позже всех приставу Поливанову: — Долго ходишь! Все самое интересное уже пропустил.

— Виноват!

— Выставить у аптеки пост. Арестованных в холодную. Происшествие запротоколировать и бумаги мне на стол.

— Есть!

— Особо отметить смелые действия находящегося в отпуску коллежского асессора Лыкова. Он в одиночку сдерживал погромщиков до прибытия полиции с ущербом для здоровья. Чем предотвратил убийство аптекаря.

— Есть!

— А вам, Алексей Николаевич, лично от меня отдельная сугубая признательность. Если бы после всех преступлений маньяка еще и погром с жертвами... Благодарю!

Вдруг кто-то сзади бесцеремонно дернул сыщика за рукав. Он оглянулся и увидел высокого мужчину с длинными белыми волосами, одетого по-благородному, но неряшливо. Незнакомец дыхнул на Лыкова перегаром и спросил:

— Подавать на них будете?

— Чего подавать? На кого? — опешил Лыков.

— Жалобу. На драчунов этих, в суд.

— Вы кто такой?

— Адвокат, а фамилия моя Шиловский. Учтите, что других адвокатов, кроме меня, в Варнавине нет, так что деваться вам все одно некуда.

При этих словах «адвокат» икнул и пошатнулся. Тут исправник оттер его плечом в сторону:

— Идите отсюда, навязчивый вы человек! Нечего тут болтаться! Господин Лыков в ваших услугах не нуждается.

— Точно ли? Пусть потерпевший сам мне об этом заявит. Тут такое

дело можно закрутить...

— Шиловский! — рявкнул штабс-ротмистр. — Я кому сказал?!

— Ухожу, ухожу... — пробормотал блондин, шарахаясь в сторону. Но не успокоился — тут же перехватил аптекаря и стал что-то с жаром ему предлагать.

— Что еще за чудак? — полубопытствовал Алексей.

— Некто Шиловский, — ответил Бекорюков, морщась. — Бывший студент юридического факультета Казанского университета. Сослан к нам восемь лет назад за неблагонамеренный образ мыслей.

— И он до сих пор под надзором полиции?

— Мне кажется, власти о нем просто забыли. Бедолага застрял в Варнавине и потихоньку спивается. Для обывателей Шиловский действительно пишет всякие юридические кляузы и этим зарабатывает себе на водку. Человек он не злой, тут к нему привыкли; мне кажется, он уже никуда отсюда не уедет. Но вам пора на перевязку!

Земская больница находилась в двух шагах от аптеки. Уже через пять минут, к большому удовольствию Титуса, Лыкова поместили на соседнюю с ним койку. Захарьин решил понаблюдать сыщика до вечера, несмотря на уверения, что с ним все в порядке.

— Что, Леха, навешали тебе варнавинские мужики? — ехидно поинтересовался Яан. — И мы не в угол-то рожей, а во всю стену!

— Да, так хорошо я еще не получал, — согласился опекун Нефедьевки. — Отдул их своими боками... И всего-то трое. Сначала, правда, было четверо. И хватило мне...

— У Терехи сотрясение мозга и сломана челюсть в нескольких местах, — сообщил уездный врач. — А еще шок. Никто никогда его не бил, и тут вдруг такое... Находится в подавленном состоянии, чуть не плачет.

— Многие бугаи после встречи с господином Лыковым находились в подавленном состоянии, — хихикнул Титус. — Некоторые из него и не вышли никогда...

— И все же, если бы не подоспел Бекорюков, мне бы конец, — вздохнул сыщик и потер разбитую скулу.

Тут пришел уже знакомый Алексею одноногий сторож земской управы и стал выбривать ему пятно на темени, где была сильная гематома. Захарьин пояснил, что сторож — фамилия его была Лебедев — единственный в городе парикмахер; он стрижет и бреет весь Варнавин. Коллежскому ассессору пришлось смириться с процедурой. Когда она закончилась, инвалид на деревяшке получил двугривенный и удалился довольный. А уездный врач смазал гематому, залепил ее пластырем и велел

не делать резких движений.

До вечера, конечно, Лыков валяться не стал, хотя прибежавшая, вся зареванная, Варенька очень просила его «понаблюдаться». В четвертом часу он уже сидел в кабинете исправника и водил карандашом по бумаге. Бекорюков и Готовцев внимательно его слушали.

— Вот тут выселок; он вторгается прямо в урочище Шебалиха. Место глухое. Хозяйство окружено забором высотой в сажень. В заборе двое ворот: явные и тайные, выводящие на лесную тропу. Через них бандиты и проникают.

— Может, ударим завтра утром? — предложил воинский начальник.

— Воскресенье. Скорее всего, они будут на разбое и появятся только в ночь на понедельник. Вчера бричек во дворе не было.

— Значит, утром в понедельник нападаем?

— Да. Полагаю, Помпей Ильич, что часика в три-четыре самое то. Спать будут.

— Итак, — констатировал исправник, — полтора дня на сборы. Когда и где встречаемся? Верхами до Бочкарихи часа два.

— Три, — возразил Лыков. — Дорога плохая. И лучше прибыть чуть раньше, нежели чуть позже.

— Согласен. Собираемся в час ночи на понедельник на мосту через Красницу. С оружием. Держим все в тайне. Дал бы Бог, дал бы Бог... Если разгромим Челдона, хоть будет чем оправдаться перед губернатором. Иначе мне не служить!

— Жду вас у себя в воскресенье к четырем часам для утверждения плана, — завершил беседу Алексей. — А я, пожалуй, пойду прилягу...

15. Тем временем...

Форосков толкнул замызганную дверь и вошел в кабак. В нос емушибануло крепким амбре, одинаковым для всех заведений низкого пошиба. Преобладали два запаха — табака и кислой капусты. Тонкое обоняние могло различить еще и другие ароматы: заплеванного пола, дешевой водки и немытого тела...

Скривившись, Петр облокотился о стойку и осмотрелся. По большой комнате были расставлены столы и лавки грубой работы. Освещение предоставляли четыре масляные лампы, еле различимые в клубах дыма. У задней стены завсегда таи выстроили своего рода табль-дот, соединив в линию три стола. Во главе сидел молодой кудрявый парень с очень красивым лицом и живыми глазами. Несмотря на привлекательность, лицо это носило, как пишут сочинители, печать порока. Проще говоря, это была помятая физиономия смолоду развращенного человека. Безусловно, парень и был тем Ваней Модным, о котором говорил Лыков. Справа и слева от него расселось полтора десятка сверстников, охотно потреблявших водку. Рожи у них были такие, что в темном переулке обывателя родимчик хватит... Компания вела себя по-хозяйски: орала, материлась; на конце стола играли в карты.

Прочие посетители сидели поодиночке или мелкими кучками. Обстановки они отнюдь не портили: такие же гнусные рожи, такое же бесцеремонное поведение. Настоящий притон!

Кабатчик за стойкой, высокий, грузный, обратил на нового посетителя свое внимание:

— Чего изволите?

— Плесните-ка мне пендюрочку.

Хозяин взял ручку маленького ковша, но посетитель покачал головой:

— Косушку^[57]. И пожевать дайте чего-нибудь.

— Все здесь. — Кабатчик кивнул на стойку, где лежали соленые огурцы, каленые яйца, нарезанные хлеб и печенка. — У нас кабак, а не трактир. Пожалуйте к Островскому, ежели кушать угодно.

— Спасибо за совет, Нил Калинович. Воспользуюсь как-нибудь. Кузя Однопалый так и говорил: у Коммерческого токмо ничего не жри, а то дрищ прошибет. Пей не закусывая!

Кабатчик сразу оттаял лицом:

— Однопалого изволите знать? Сродник он мне.

— Шурин ваш сейчас в Нижнем сидит, в остроге, под следствием. Поклоны передает.

— Благодарствуйте. За что его опять?

— Да все за то же самое. Захотел триста, а взял свиста! Злые люди доброго человека в чужой клети поймали.

— Эвона как... Невезучий он, завсегда попадается. И что ему теперь будет?

— Если узнают про рецидиву... ну, что он не в первый уж раз, то четыре года в цинтовке^[58]. Но они не узнают. Я Кузьме хороший вид переслал. Вывернется.

— Нешто отпустят?

— Как его отпустят, ежели он попался? Но отделается легко: шесть месяцев арестного дома. Осенью ждите шурина в гости. В октябре примерно.

— Спасибо за новости, господин...

— Форосков Петр Зосимович.

Мужчины церемонно пожали друг другу руки.

— А писульки Кузьма никакой не передавал?

Посетитель молча выложил на стойку листок бумаги. Кабатчик внимательно прочитал записку и улыбнулся:

— Милости прошу дорогому гостю! Поест с дороги не желаете? Мигом сотворим!

— Благодарствуйте, Нил Калинович. Я не с дороги. Вчера еще приехал, остановился у Подшибихина и хожу, приглядываюсь. Посоветоваться бы с вами хотелось.

— Вы, извиняйте, не в розыске?

— Нет. И бумаги у меня хорошие. Но светиться в нашем деле никогда не следует. Сыщики в городе есть?

— Один только, но зато какой... В землю зрит на два аршина. Щукин Иван Иванович.

— Будь хоть пес, лишь бы яйца нес. Договориться с ним можно?

— Смотря об чем.

— Чтобы не цеплялся, пока я тут у вас проживаю.

— Попробую поговорить. А жить-то в нашем захолустье вам для чего?

— Нужды всего три. Я вам, Нил Калинович, их сейчас обскажу, а вы ответите, не многого ли я прошу. Просьбы свои я готов оплачивать.

— Калиныч, водки сюда! — раздался от стола окрик Вани Модного. — И курганчик пива!

— Несу!

Коммерческий схватил с полки два штофа и побежал к горчишникам. Когда он вернулся, Форосков любопытствовал:

— Что за щенок? Сопли еще не высохли, а ведет себя так неуважительно.

— Ванька Селиванов. Богатейшего в городе купца сынок, вот и кочевряжится.

— Может, его за вихры оттащить? Только скажите.

— Не надо, Петр Зосимович. Хоть и наглый, ваша правда, но столько денег в кабаке оставляет, что я ему прощаю. Да и видите, какая орава? Все с ножами.

Форосков пренебрежительно сплюнул на пол:

— Я им ихние ножики знаете куда засуну? И в заведении порядок будет.

— Вы бы лучше про свои просьбы. Помнится, их было три.

— Да. Первая — мне надобно кой-чего сбросить. Бимбары, четыре штуки, и все рыжие^[59].

— Смикитим. Есть пара людишек, интересуются такими вещами... Только уж не обессудьте, настоящую цену не дадут. Деревня...

— Как получится, так получится. Далее. Я тут у вас месячишко поживу. Тихохонько да незаметненько, никого обижать не буду. И меня пусть никто не обижает. Это вторая просьба.

— За нее Ивану Иванычу придется заплатить.

— Сколько?

— Он сам к вам зайдет и скажет. Завтра утром.

— Эк тут у вас все... по-семейному.

— Только уж вы со Щукиным сильно не торгуйтесь. Иначе вам в Варнавине нельзя будет оставаться.

— Договоримся. И третье. Понадобятся мне для дела два фрея^[60]. Расторопные и не трусы.

— Смотря какое дело задумали. Люди разных есть наклонностей.

— Дело такое. Хочу я свой месяц пребывания в славном городе Варнавине завершить хорошим налетом. Взять один дом или, может, поместье загородное, самое богатое. И в ту же ночь уйти. Есть тут у вас народ с жирком?

Коммерческий озадаченно молчал. Пять минут назад человек познакомился и уже говорит о таких вещах... Форосков наклонился к нему и сказал:

— Да понимаю я все. На то и месяц беру, чтобы вы меня как следует

обшмонали. Сами присмотритесь, людям поручите. Пусть и Щукин ваш мое исподнее проверит. Осторожность штука полезная. И если подходящий я окажусь на итог, то вернемся к третьей просьбе. Лады? Но вы уже сейчас начинайте думать. Я здесь чужой, никого не знаю и готов платить за подсказки. А нет — так попьем водки да разойдемся. Варнавиных в России много.

Коммерческий удовлетворенно кивнул:

— Лады, Петр Зосимович. Не спеша да полегоньку. Пообтеремся друг об дружку да там и решим.

На этих словах кабатчик и «темный человек» расстались. Форосков погулял по городу, осматривая его скудные достопримечательности. Пятница закончилась спокойно.

В субботу утром в комнату постояльца требовательно постучали.

— Входите, Иван Иванович, — гостеприимно распахнул тот дверь, впуская сыскного надзирателя. Тот зыркнул сердитым глазом, прошел на середину комнаты и по-хозяйски сел на стул:

— Вижу, вам наши порядки знакомы?

— Нил Калинович обсказал в двух словах, но без подробностей.

— Подробности у меня. Вид свой предъявите для начала.

Форосков протянул сыщику бессрочный паспорт.

— Так... Личный почетный гражданин города Инсар Пензенской губернии... Видал я малашки^[61] и получше. Топором, что ли, делали?

Постоялец сел на кровать и смотрел на полицейского спокойно, без тени страха или угодливости.

— Слышь, что говорю, почетный гражданин? Паспорт у тебя липовый!

— Докажите.

— И докажу. Посидишь пока в холодной, до прибытия ответов на мои запросы. Недели две, а то и больше. У нас тут с подозрительными не церемонятся. Ну?

— Дурак ты будешь, Щукин, ежели так сделаешь.

— Что? Ты как, ракло, с представителем власти разговариваешь! Да я тебя! Одевайся — ты арестован.

Форосков и не думал собираться. Он сидел на кровати и откровенно склабился:

— Остынь, представитель власти. Актер из тебя дрянь. Цену хочешь набить? Так и скажи. А ногами на меня и в Москве не топают, не то что в Варнавине. Будешь дурку гонять, я тебя так в дерьме измажу — век не отмоешься.

Иван Иванович посмотрел на смелого постояльца с нарастающим

удивлением:

— Ты? Меня? Ты хоть знаешь, кто я здесь?

— Чего не знать-то? Первый мздоимец. Эка невидаль! Такие в каждой дыре имеются. Черт ли писал, что Захар комиссар? И с чего ты, Ваня, взял, что на тебя управы найти нельзя? Тоже выискался незаменимый-неуязвимый... Я вот сейчас кое-что тебе обрисую. Как только ты посадишь меня в эту свою холодную, я тут же сочиню длинную бумагу генерал-прокурору. Про покровительство твое воришканам, про взятки, скупку краденного, превышение власти. И свидетелей укажу. Кузьма Однопалый сейчас в Нижнем парится, скучно ему там. Охотно приедет и подтвердит все мои обвинения. И еще желающие найдутся. У таких, как ты, врагов много... Ась? Неуж не заинтересовал?

— Не-а. Я, щенок, твоей бумажкой в нужном месте подотрусь. Не увидит ее генерал-прокурор. Отдам тебя туда, где козам рога правят. А как ябедщика в камере из петли вынут, так и дело закроют. Удавился человек — значит, грехи за собой чувствовал... Ась?

— Дурак ты, Ванька. Совсем в этой деревне от серьезного дела отбился. По закону первый допрос с меня после ареста должен снять судебный следователь. Ты же только сбоку на стульчике будешь сидеть. А я на том допросе покажу политическое дело. Ну... к примеру, подпольную мастерскую по изготовлению бомб в Костроме. После этих слов меня тут же под усиленным конвоем в эту Кострому и отправят. А там уж я спою соловьем! О том, как вынужден был сам себя оговорить, спасая жизнь после угроз надзирателя Щукина, взяточника и потатчика воров. Распишу полную картину беззакония в Варнавине! Мало не покажется. И знаешь, никто и не усомнится! Потому у вас тут детей убивают уже не первый год, а вы все никак душегуба этого не поймаете. А и не ловите! Некогда вам службу служить — надо мзду собирать. Вы сейчас все, начиная с исправника и кончая тобой, у губернатора на особом листке выписаны. Только повод дай, и... А тут такое дело! А как обыватели увидят, что тебя за пищик взяли, они такое о тебе порасскажут! Все, что много лет терпели. Бекорюкова лишь в отставку выгонят, а тебе, Ванятка, погонянка^[62] светит. Ась?

Щукин хмуро смотрел на «почетного гражданина» и соображал. Видно было, что он давно уже не получал такого отпора.

— А если я тебя прямо сейчас шлепну? При попытке бегства.

— И чего получишь? Чем заработать на мне, вляпаешься в историю. Следствие наладят. Да еще — а вдруг не попадешь?

На этих словах Форосков расхохотался и вдруг, одним движением,

выхватил и наставил в лоб надзирателю револьвер. Подмигнул развязно и убрал оружие обратно за пояс.

— Твоя беда, Ваня, что ты возомнил себя пупом земли. Это плохо кончается. Скромнее надо быть, скромнее. Пришел, разорался! «Посажу, пристрелю...» Хочешь у меня за просто так сорги^[63] сорвать? Просто потому, что привычка такая, да, Вань? Шалишь. У Фороскова соргу надо заработать.

— Ладно, заткнись. Чего ты хочешь?

— А тебе разве твой освед Коммерческий не сказал? Пожить тут хочу. С месяц. Тихий городок.

— За такое надо платить.

— Я же не против платить. Когда все честь по чести, и я получаю нужную мне услугу.

— Что за услуга?

— Наводка нужна.

— Дом подломать?

— Лучше поместье за городом, в глухом углу. Возьму куш и сразу уйду. Из дувана выделю пятую часть. Но никаких авансов!

— Пятую часть мало.

— За наводку и за то, что не мешаешь — достаточно. Больше за такое не дают. Сделай что-нибудь сам — получишь больше.

— Ты что, хочешь, чтобы я с тобой на грант^[64] пошел?

— Эх, сыскной надзиратель... Ты хоть знаешь, что такое грант? Хоть раз сам делал дело? Все что угодно может случиться. Кровь лить — это тебе не пьяных обирать.

Тут в дверь постучали, и просунулась голова хозяина постоянного двора Подшибихина:

— Иван Иванович, за вами из управления прислали.

— Чего там еще? Занят я. Ничего не могут без Щукина.

— Эта... опять... тело нашли.

— Черт! — Сыскной надзиратель вскочил и бросился к двери. На пороге остановился:

— Петр Зосимович, будем считать, мы договорились. Делайте свою коммерцию и никого не опасайтесь. Дня через три я к вам загляну еще раз.

— Буду очень обязан, Иван Иванович!

Форосков снова провел весь день в неспешных прогулках. Он видел погром и наблюдал, как толпа избила и чуть не покалечила Лыкова. С трудом удержался, чтобы не вмешаться... По счастью, исправник подоспел

вовремя, и обошлось малыми потерями.

Петр осмотрел все дома в Варнавине, которые можно было бы назвать богатыми. Если бы он действительно готовил налет, кого бы выбрал в жертву? Особняк Смецких, усадьба Нефедьевых, хоромы купцов Попова, Селиванова и Красильникова, флигель княгини Трубецкой, палаццо предводителя Верховского. Всего семь. Еще помещение переводной конторы^[65] и казначейство. Больше ничего заслуживающего внимания. Если уж играть роль «темного человека», налетчика-гастролера, нужно искать подходы. Знакомиться с прислугой, посещать богатые дома под надуманными предложениями. Если за ним будут следить, пусть видят, что он не сидит без дела.

Петр думал также и о Щукине. Такой опытный человек не удовлетворится первой беседой и попытается проверить личность приезжего гостя. Скорее всего, разошлет запросы в соседние губернии и, может быть, в Москву. На сей предмет Ивану Ивановичу уже заготовлены сюрпризы...

Вечером Форосков снова встретился на улице с Лыковым, но тот не подал никакого знака. Петр и сам не семафорил: сообщить ему было нечего. А между тем убили еще одного ребенка... Петр засел сначала в ермолаевской пивной, затем перебрался в закулочные комнаты лавки Мокрецова, откуда перешел в ренский погреб Бугрова. Пил портвейн, заедал пиво моченым горохом, играл на бильярде. А еще толковал с обывателями. Представлялся торговым человеком по части механизмов. Наводил разговоры на утреннее происшествие и внимательно слушал. Страшная новость охотно обсуждалась, но обыватели не подсказали сыщику ни одной зацепки.

Засыпая, Форосков решил: завтра он берет в оборот Ваню Модного. Алексей Николаич велел его прощупать.

16. Смецкая и другие

В воскресенье Лыков приходил в себя после кулаков варнавинских молотобойцев. Лицо его сильно опухло, разбитая губа саднила и не заживала, один зуб шатался. Однако к следующему утру коллежский асессор намеревался полностью восстановиться. Алексей сидел в кабинете и смазывал «веблей». К обеду должны были прийти штабс-ротмистр Бекорюков и капитан Готовцев. Предстояло обсудить и окончательно утвердить план, разработанный Лыковым.

Неожиданно из коридора послышались женские голоса и легкий стрекот колесных спиц. Смецкая приехала! И действительно, через несколько минут Степан передал просьбу супруги показаться в гостиной.

Полина Мефодиевна была на этот раз в модном бархатном спенсере и необычном платье из переливающейся ткани с набивным рисунком. (Варенька объяснила потом, что это ткань «омбрэ», последняя модная новинка сезона.) Сколько же нарядов у инвалидки?

Гостья немедленно завела разговор о вчерашнем преступлении и тут же перевела его на погром аптекаря:

— Вольно же вам было, Алексей Николаевич, подставлять свою голову за какого-то еврея!

— Он такой же подданный Российской империи, как и мы с вами. И потому имеет право на защиту.

— Такой же, да не совсем! Не зря же это племя пользуется всеобщей ненавистью со стороны народа. Стоит ли их защищать, если они сами нарываются на погром своим поведением?

— Чего же ужасного сделал Бухвинзер, что его давеча чуть не убили? Порошки обвешивал? Микстуры разбавлял? Единственный в городе аптекарь. Теперь он повесил на дверь замок и уехал в Кострому. Может со страха и не вернуться. Жителям Варнавина стало от этого легче?

— Он еврей и отдувался за своих единоверцев, поголовных жуликов и проходимцев. Просто так не ненавидят!

— Опять я слышу это слово. Полина Мефодиевна, вы считаете ненависть критерием истины? Народ, на который вы так охотно ссылаетесь, ненавидит полицию. Всю, без разбора. Сам многократно на себе испытывал. Мешает полиция народу! Прикажете распустить ее? Крестьянство ненавидит помещиков. Их тоже следует громить? Присмотритесь вокруг. Между простолудином и барином — пропасть. Она

всегда была и всегда будет. Если, не дай Бог, в этой стране начнется бунт, не останется ни нас с вами, ни самого народа. Будет одно перемешанное стадо, где все против всех и побеждает более сильный.

Смецкая озадаченно замолчала и сочла за лучшее переменить тему:

— Бекорюков заезжал и хвастался, будто он как раз вовремя подоспел вам на помощь. Так ли это?

— Чистейшая правда. Я уже лежал на земле, почти без сознания. Публика Галактиона Романовича боится! Хватило одного его появления, чтобы погромщики разбежались.

— А я была без сознания четыре дня, — вдруг мертвым голосом произнесла барышня. — Очнулась, а надо мною стоят священники. Много священников. Конечно, я подумала, что умираю. Но потом мне объяснили, что это соборование. И лишь после него можно умирать...

В гостиной сделалось тихо. Варенька замерла с чашкой в руках и глядела на свою приятельницу с крайним сочувствием. А Полина Мефодиевна, бледная и от этого еще более красивая, невидящим взглядом смотрела в окно:

— Когда же обряд закончился, мне сначала сделалось хорошо-хорошо. Легко, воздушно. Все житейские мелочи и обиды отлетели, как шелуха. Я почувствовала, что завершаю свой путь на этом свете. Что иду к Богу, скоро увижу Его, и Он рассудит меня и мои прегрешения. И начнется мир иной, незнакомый, но вечный. От этой неизвестности и неотвратимости мне не было страшно. Я принимала любой Его жребий, сколь бы тяжел он ни был. Я уже горела, я не жила. И вдруг... Оказалось, мне надо возвращаться. В прежний мир. После того как я уже стояла в высшей точке своего земного бытия! Уже открылась новая жизни! Это был удар.

— Но не для вашего отца.

— Ах, зачем вы про папа! Речь же обо мне... Теперь такой вакуум вокруг, такая пустота. Зачем Он вернул меня сюда? Зачем эта жизнь после смерти? Вы же знаете, как смотрит на это народ. Человек, которого соборовали, уже не принадлежит этому миру. Но, выжив после елеосвящения, он не оказывается и в том, загробном мире. Несчастный как бы застревает между двумя состояниями, он — ничей. Везде чужой!

— Это темное суеверие, Полина Мефодиевна, и церковь его осуждает. Просто Бог не закончил вас испытывать. Он вернул вашу душу к живым, и земной ваш путь еще не пройден. Вы как христианка должны принять Его решение. Не нам судить, каков наш век. Вокруг много несправедливости, которую нужно исправлять; много можно совершить добра. Вы окружены любящими вас людьми, не стеснены в средствах. Работы непочатый край!

Но барышня не слушала Лыкова:

— Прошедший соборование и выживший считается в народе как бы другим человеком. Обычно он меняет имя. Состоящий в браке начинает воздерживаться от супружеского сожития. И почти всегда такой человек уходит в монастырь. А я? Куда я пойду? Калекам не место в монастыре. Им нигде не место.

Полина Мефодиевна захлопала длинными ресницами, готовая уже разрыдаться, но снова, как тогда дома, удержалась. Это делалось одним моментом — вот блещут слезы и хлынут сейчас ручьем, однако пробегают гримасы, и барышня уже улыбается. Сильный характер...

Дальше беседа пошла ровно, и через четверть часа гостя удалилась. Алексей снова увидел ритуал выноса кресла на улицу руками угрюмых бородачей Акима и Еллия.

Едва Лыковы успели пообедать, как явились новые гости — Бекорюков с Готовцевым. Коллежский ассессор представил их жене и тут же увел в кабинет.

— Итак, господа, — сказал он, пододвигая к себе бумагу и карандаш, — рисую еще раз. Вот хозяйство Выродова. К дому пристроены слева конюшня, а справа хлев, они образуют закрытый двор. Скорее всего, ребята Челдона ночуют вот тут, на сеновале, над лошадьми. Сам главарь, опять же по моим предположениям, спит в летней каморке; вот она на плане. Предлагаю захват производить следующим образом. Я перелезаю через забор со стороны леса, открываю изнутри калитку и впускаю внутрь Галактиона Романовича. Он встает здесь, у поленицы, и берет на прицел сеновал. Вы, Помпей Ильич, занимаете позицию с другой стороны конюшни, снаружи забора. Когда сеновал оказывается на мушке, я проникаю в сени, оттуда в каморку, где и захватываю Челдона.

— Живым? — перебил сыщика Бекорюков. — Вы же, помнится, собирались его... бах!

И пальнул в Лыкова из пальца.

— Если он проснется и окажет сопротивление, то умрет на месте. А если спит?

— Ножом в шею, и всех делов, — подал голос воинский начальник.

— Нет, Помпей Ильич, спящих резать я не любитель. Делал это с турками на Кавказе, когда караулы снимал, но то война. А здесь... Я оглушу Челдона и свяжу. Мы получим «языка», который и прояснит нам, есть ли маньяк в его банде. Так вот. Спеленав Челдона, я возвращаюсь в сени и стреляю оттуда по крыше сеновала. Для остротки. Вы тут же поддерживаете меня огнем. Берите прицел под самый конек. Когда над

головами гайменников с трех сторон засвистят пули, они, естественно, бросятся в единственную сторону, откуда не стреляют. А именно: сиганут из торцевого окна прямо через забор в лес. Пусть убегают — они нам не интересны, и воевать с шестерыми ни к чему. Уезд бандиты покинут уже к утру. Нам достанутся главарь, все трофеи и семья укрывателей. Как вам такой план?

— Может получиться, — констатировал Готовцев.

— Если хозяин с сыном не ударят по нам с тыла, — возразил Бекорюков. — Если бандиты с перепугу не окажут сопротивление, вместо того чтобы убегать. И если Челдона удастся захватить с самого начала сшибки. Три «если». Многовато...

— Перед боем никогда не удастся предусмотреть всего. Выродовы наверняка при первых же выстрелах забьются под лавки. Челдон... у него очень мало шансов помешать мне. Ну, а если его люди начнут сопротивляться — перебьем их к чертям!

На этом совещание закончилось. Капитан со штабс-ротмистром ушли, и до конца дня в особняке на Дворянской не произошло больше ничего интересного.

Бекорюков же, вернувшись к себе домой, обнаружил, что его дожидается сыскной надзиратель Щукин:

— Иван? Что случилось? Не могло до завтра подождать?

— Завтра вы, ваше благородие, с утра на облаву уедете, и неизвестно, когда вернетесь. Подпишите вот запрос, а я разошлю его телеграфом в Нижний, Кострому и Москву.

Исправник прочитал поданную ему Щукиным бумагу:

«Прошу сообщить, располагает ли ваше отделение сведениями на субъекта, называющего себя Форосковым Петром Зосимовичем. Приметы: возраст около 35 лет, рост 2 аршина 8 вершков, телосложение крепкое, волосы русые прямые с сединою, усы торгового типа, над правой бровью короткий шрам. Представляется механиком. Подозревается в совершении вооруженного грабежа. Прошу дать ответ незамедлительно.

Варнавинский уездный исправник

Штабс-ротмистр Бекорюков».

— Форосков — это который вчера в кабак к Коммерческому приходил?

— Так точно.

— И как он тебе?

— Малый ловкий, но шибко много о себе мнит. Стращать меня вздумал...

— Тебя? Плохой он физиономист! А чего ему у нас понадобилось?

— Хочет отсидеться. Видать, наследил где-то, тихий угол зандобился. А перед отъездом просит разрешения подломать чей-нибудь богатый дом.

— Вот как? Во вверенном мне уезде? Экий народ стервец пошел... И что ты ответил?

— Я думаю, надо его навести. Кто уж у нас кочевряжиться стал, оброк не платит? Попов?

— Попов, жадюга.

— Вот его пусть и почистит. А когда с вещами наружу выйдет, тут я и появлюсь. При попытке бегства...

— Убивать нежелательно. У нас тут и так черт-те что творится. Ты когда мне маньяка поймаешь, Щукин? Ведь четвертая жертва уже! Эдак скоро тут ни тебя, ни меня не будет — выгонят всех к шайтанам! Неужели во всем уезде нет никого подходящего?

— Ищу, ваше благородие. Не простое дело. Разрешите после среды покататься, беглых по деревням пошарить.

— Да, базар пройдет, и поезжай. Лыкова с собой возьми, он человек оборотистый. Вдвоем спокойнее.

— Слушаюсь. Так как насчет Фороскова? Можно мне его стрельнуть? Скользкий и тертый, сразу видать. Обещает дать в Костроме на допросе ложный донос, замешать и меня, и вас!

— А кто его, дурака, в Кострому отпустит?

— Он политику хочет здесь показать, на первом допросе. Тогда, по закону, далее мы его держать не имеем права, а обязаны сразу же доставить в Кострому, в губернское жандармское управление. А там, сами понимаете... Обнаружу, говорит, ваше все мздоимство!

— Ну и скотина!

— Часть краденых вещей я при нем оставляю, а ценное что заберу. Успел-де кому-то из сообщников передать, а кому — теперь уже не спросишь. Таким макарон мы и грабеж раскроем по свежим следам, и Попова накажем. И заработаем чуток...

— Грабеж раскрыть — это хорошо. Это очень кстати. А то Кострома уже ногами топает. К нам выехал с инспекцией советник губернского правления Ниродлюрцов. Дождались! Ищи, Щукин, ищи мне маньяка! Или хоть кандидата представь на эту должность!

— Овец не стало, так и на коз честь пала? — ухмыльнулся надзиратель.

— Кого хочешь, но предъяви!

17. Ваня Модный

Форосков зашел в знакомый кабак в четвертом часу. Варнавинцы, как и все истинные русаки, считали своим долгом напиться в воскресный вечер до потери чувств. Заведение Коммерческого ломилось от посетителей. Многие, не имея где сесть, пили и закусывали стоя. Иногда из-за места на скамье вспыхивали злые потасовки. В таких случаях хозяин кивал Ване Модному. Из-за «табль дота» вставляли два-три горчишника и вышвыривали буянов на улицу. Водка лилась рекой. Казалось, весь город пройдет сегодня мимо стойки Нила Калиновича...

Два пьяных в стельку мужика прямо посреди комнаты наяривали «Барыню». Перебивая их, компания артельщиков в углу, сбиваясь с мотива, орала в голос:

Чибирики чок чибири!
Комарики мухи комары!

Несколько выпивох уже валялись по углам; кого-то с плачем уводила домой жена. Расхристанный, в одной рубахе, детина подскочил к кабатчику:

— Нил Калиныч, налей в долг! Я ж... завсегда ж... всей душой!

— Сегодня за деньги, а в долг завтра, — отрезал Коммерческий.

— А-а! Костяная яишница! У тебя от скупости из зубов кровь идет!

Детина снял с себя суконный фартук и бросил на стойку:

— Во сколь ценишь вещь? Гля, новый совсем! Полуштоф всего прошу!

— Твоя дурная голова столько не стоит, а ты дрянной передник за полуштоф. Пшел прочь!

— Нил Калиныч! Душа просит... Вот, чертогон возьми, он селебряный!

Детина сорвал с себя и протянул кабатчику нательный крест на гайтане. Коммерческий внимательно его осмотрел и молча налил косушку. Парень радостно схватил стакан и вернулся за стол.

— Видите, с каким народом приходится дело иметь, — пожаловался кабатчик Петру. — Галманы! Ох, грехи наши... Вы с Иван Иванычем поговорили?

— Довелось.

— Сторговались? Можно вам тут оставаться?

— Жаден больно ваш Иван Иванович. Попробовал сначала взять меня на фу-фу, поддеть на шаромыгу. Но на итог сторговались.

— Ну и слава богу.

— Бог в наших делах ни при чем, Нил Калинович. Вы вот обещались пару человечков приискать, помните?

— Помню. Вы сначала прописаться были должны. Вот теперь, ежели прописались, и начну искать. Приходите сюда послезавтрава, ближе к ночи. Будет уже кого смотреть.

— Лады. А сейчас я хотел бы с Ваней Модным потолковать. Спотворите?

— Попробую, но не обещаю. Капризный. Может и не захотеть...

— А вы попросите.

Коммерческий ушел в угол и там долго шептался с главарем горчишников. Наконец, Ваня согласно кивнул.

Петр протолкался сквозь плотную толпу. Селиванов сидел в окружении своих подданных и смотрел на незнакомца без особого интереса:

— Чего тебе?

Форосков без церемоний взял ближайшего к нему горчишника за волосы и одним рывком сбросил на пол. Парень вскочил, матерясь, и полез в сапог. Не обращая на него внимания, Петр уселся на освободившееся место и сказал вполголоса:

— Надо потолковать глаз-на-глаз.

— По кой ляд? Ты вообще кто, дядя?

— Завтра в семь утра на стрелке, у дальнего оврага. Будем делать из тебя богатого человека.

— Я и так богатый!

— Не ты, а твой папаша.

— Так рано я не встаю, давай к обеду.

— В семь. Не придешь — другого найду. А ты продолжишь у папаша побираться.

Форосков встал и пошел к выходу. Однако успел заботливо спросить сброшенного им горчишника:

— Не ушибся? А ты водки к голове приложи — помогает.

Как и ожидал сыщик, Ваня Модный явился на встречу. Хочется быть богатым!

— Вот что, парень, — сказал ему Форосков. — Я человек

пробойный^[66], долго болтать не люблю. Есть мысль. Тебе выгодно, и мне выгодно. Если не сглупишь, через месяц станешь хозяином отцовского дела.

— Ты все же кто таков?

— Зови меня Петром Зосимовичем.

— Перестань загадки загадывать! — рассердился купеческий сын. — Объясни толком. Как папаша мне свое дело передаст? Ты его не знаешь. Он до соборования ничего не перепишет! Грозится даже в наследстве ограничить за мое дурное поведение.

— Все, Вань, можно решить одним днем. Даже одной минутой.

— Как?

— Я твоего папашу удавлю, и ты войдешь в наследство. А мне за то заплатишь.

Селиванов стоял, словно оглушенный обухом. Он смотрел на «темного человека» молча, вытаращив глаза, и беззвучно шептал что-то губами. Потом воровато оглянулся:

— Это он вас подослал? Папаша?

— Я твоего папашу в глаза не видел.

— Вы... вы всерьез предлагаете мне убить отца?

— Конечно, всерьез. Мне болтать некогда.

— Удивительно... Как же я могу вам верить? А грех-то какой! Нет, я отказываюсь вас понимать; уходите!

— Тебе папаша сколько денег дает?

— Денег? Десять рублей на неделю. Иногда уменьшает в наказание...

— И все, поди, с боем? Не надоело унижаться? Единственный сын. Вроде не глупый. А ведешь себя что деревенский дурачок.

— Чего вы обзываетесь-то?

— Молчи и слушай опытного человека. Каков у отца капитал? Тысяч триста будет?

— До восьми ста считаемся!

— До восьми ста?! И ты еще ломаешься? Я вот сейчас уйду, и для тебя случай стать богачом на этом кончится. Навсегда. Никто в Варнавине больше не сделает тебе такого предложения.

— Почему?

— Потому, что я человек для этого дела самый подходящий. Облебастрил и исчез. Ищи ветра в поле. И еще я облебастрою по-умному; на тебя и тень не ляжет. А здешние галманы? Сами попадутся и тебя затянут. А ежели ничего не предпринимать, кончится тем, что старик тебя наследства лишит. И будешь ты не Иван Селиванов, богатый купец, а

негодь пьяный, которому уже в кабаке в долг не наливают.

— Что же делать?

— Меня слушать.

— Петр Зосимович! Дайте хоть дух перевести, с мыслями собраться... Такое дело — об отцовской жизни говорим!

— Сбирайся и слушай. Молодым жить, а старикам умирать!

— Грех ведь это. В аду вечно гореть...

— Ты бога видал хоть раз? Нет? И я не видал. Нету ни бога, ни греха, ни ада с чертями. Это все попы придумали, чтобы у нас на шее сидеть. Да и папаша твой большой мироед. Как он капитал-то сколотил? А? Рыжему в святцах не бывать. И потом — самый-то грех на мне будет, не на тебе! Только делать надо хитро. Я тебя всему научу, ты только слушайся. Дело отцовское продай. Капитал не трать. Положи его в доходные бумаги и живи на проценты; а сам капитал пусть остается нетронутым.

— Ух ты... А много ли выйдет доходу?

— С восьмиста тысяч? Давай сочтем. Ниже четырех процентов не бывает. Это набегает 32 000 в год, или 2700 рублей в месяц. А в день... хгм... больше восьмидесяти целковых.

— В день восемьдесят рублей? Как сейчас за два месяца? — поразился Селиванов. — И это без растраты капитала... Вот жизнь-то начнется!

— И учти: ничего делать не надо, барыши из банка сами текут. В Петербург поедешь, а то и в Париж!

Форосков вынул из кармана листок почтовой бумаги и карандаш и протянул купеческому сыну:

— На, рисуй план.

— Какой такой план?

— Устройства дома. Где какие комнаты, где прислуга спит, где папаша кассу держит. Газетку вон подложи, а то продавишь.

И Ваня Модный послушно принялся рисовать. Он начертил расположение комнат в особняке, надписал их, указал, кто где ночует, особым крестиком пометил кассу.

— Ну вот и сладили, — подытожил Форосков, забирая план. — На сегодня хватит. Мне понадобится две-три недели, чтобы все обдумать и приготовить. Хорошо бы ты меня в дом провел, чтобы я сам все изнутри увидел. Знаешь, как мы сделаем? Ты сломай в доме какие часы и пригласи меня починить. Папаше скажешь: приезжий механик, хороший!

— Ловко!

— А я уж там старику зубы заговорю, это я умею. Еще учти, Ваня, — эта твоя картинка у меня останется.

— А зачем? Вы же сами все увидите!

— Затем, чтобы ты не обманул меня, когда я дело сделаю. Обменяю твои каракули на десять тысяч.

— Десять тыщ? Где ж я их возьму?

— Совсем ты, парень, дыролобый. У тебя денег будет — курам не склевать. Когда в права войдешь. А я после дела сразу из города исчезнуть должен. Понимаешь? Сорга-то у тебя только потом появится. Через два месяца, после утверждения в наследстве окружным судом. А вдруг ты раздумаешь платить? Так вот, чтобы ты меня не смошенничал, я эту бумажку и сохраню. Если она окажется у судебного следователя, вместо Парижа ты поедешь на Сахалин.

— А как и где я получу бумагу обратно? — настороженно спросил Ваня Модный. — Вдруг вы всю жизнь захотите меня... как это у бар называется?

— У бар это называется — шантажировать.

— Вот! И куда я тогда? На крючке весь век висеть? Нет, так не пойдет! Отдавайте план обратно!

— За десять тысяч ты наверное получишь свою писанину. Какой резон? На мне кровь будет. Я заработать хочу, а не в рудники идти. Мое предложение честное. И еще учти, Ваня. Крови-то на мне уже много... Мы теперь с тобой на одной жердочке стоим. Ежели кому сболтнешь — Петр Зосимович шутить не будет.

На этом заговорщики расстались. Парень пообещал в среду, когда папаша отлучится по делам, испортить большие напольные часы. Это станет поводом позвать «механика».

Запершись в своей комнате, Петр внимательно изучил чертеж и почерк Вани Модного. Сомнения отпали быстро. Именно этой рукой была написана бумага, заманившая Титуса в засаду.

18. Конец притона

В кромешной тьме три всадника съехались на мосту. Лыков был в суконной кургузке, темных суженках и мягких кавказских ноговицах. Капитан Готовцев оделся по-охотничьи, в серый пыльник и толстые чембары из верблюжьей шкуры. Только исправник, как лицо официальное, обмундировался по форме. В повседневном темно-зеленом кафтане с золотым прибором, с шашкой и револьвером на виц-портупее, Бекорюков выглядел импозантно. На кафтане красовался орден Святого Станислава 4-й степени с мечами и бантом.

— Помпей Ильич, а почему вы усы бреете? — спросил Лыков у капитана вместо приветствия. — Такой видный строевик...

Тот вполголоса рассмеялся:

— Ну и нервы у вас, Алексей Николаевич. Втроем на семерых идем, а вы про усы...

— А все-таки?

— Все из-за Галактиоши, — кивнул на исправника капитан. — Ему, окаянному, проспорил. Еще осенью. Выдул осьмуху водки и после того не попал с десяти шагов в бутылку. Позор для русского офицера! А пари заключили как раз на усы. Хорошие были, густые! Теперь вот жду сентября. В Костроме меня начальство за это чуть в отставку не отправило. Чего это ты, говорят, будто немчура? Едва уцелел...

Отряд с коллежским асессором во главе двинулся по тракту и скоро свернул на лесную дорогу. Через два часа, обойдя Бочкариху по опушке, всадники спешили и последние полверсты крались чапыжником.

Когда открылся починок Выродова, Алексей остановил офицеров, а сам отправился на разведку. Бесшумно подкрался к забору и прильнул к щели. Есть! Две брички приткнулись у конюшни. А прямо посреди двора незнакомый верзила справлял малую нужду. С такого расстояния не разглядеть, есть ли у него родимое пятно на левой щеке. Да и не надо... Если сейчас бандит пойдет в конюшню, значит, это рядовой гайменник. Если в дом, то это сам Челдон.

Мужик сделал дело, громко зевнул и скрылся в избе. Ну что, Гаврила Иванов Торчков, мещанин города Мезени, кажись, ты добегался...

Вернувшись к офицерам, Алексей сообщил:

— Гости в сборе! Я только что видал самого Челдона — по нужде выходил.

Капитан со штабс-ротмистром переглянулись, и в глазах обоих зажглись одинаковые огоньки азарта. Не зря приехали! Они тихо зарядились и разошлись на позиции.

Лыков ловко перемахнул через забор, открыл калитку и впустил Бекорюкова. Жестом указал ему место за поленицей, а сам направился к дому. В ноговицах он двигался совершенно бесшумно. Начинало уже светать.

В сениях было совершенно темно. Скорее угадав, чем увидев, дверцу в кладовку, сыщик открыл ее. Громкий храп указывал, что Челдон крепко спит. Прокравшись мимо каких-то корзин, Алексей склонился над сундуком, служащим бандиту кроватью. Постоял с полминуты, примериваясь. Было тихо.

— Эй, Челдон! Проснись! — негромко сказал он.

«Иван» тут же приподнялся на локте:

— Говяш, ты, што ли?

Сильный удар в темя мгновенно оглушил главаря. Тот даже не охнул. Лыков торопливо связал бесчувственное тело, притянув за спиной руки к ногам (известная «утка»), и только тогда вынул револьвер. Взвел курок, вышел обратно в сени и двинулся к лестнице на сеновал. Половицы под ногами предательски скрипели. По счастью, гайменники никого не опасались и спали крепко. Сыщик подошел, прислушался. Несколько человек сопели на все лады, кто-то бормотал во сне. Алексей встал между лестницей и дверью в избу — хозяева обязательно выскочат на шум. Набрал полные легкие воздуха и рывкнул:

— Рота, подъем!

И тут же выстрелил в потолок.

Что тут началось!

На сеновале поднялась страшная паника. Гайменники повскакали на ноги, и тут по ним с двух сторон открыли огонь из винтовок. Кто-то сразу заорал от боли, кто-то матерился. Не дожидаясь попыток выбежать в сени, Алексей выстрелил еще раз, в крышу сеновала. Обозначил, так сказать, свое присутствие... Возня наверху сразу сместилась в дальний конец, к лесу. Затем послышались глухие удары — это бандиты сигналят сверху через забор. Неожиданно там с новой силой разгорелась стрельба. Неужели челдонцы решили принять бой?

Тут наконец открылась дверь, и из избы показался ствол ружья.

— Полиция! — гаркнул Лыков. — Брось дуру на пол, не то застрелю!

Притонодержатель выронил двустволку и закрылся изнутри. И в этот момент Алексей услышал за спиной шорох...

Еще доля секунды, и он бы не успел. Отвлечшись на Выродова, оглушенный пальбой, сыщик на мгновение повернулся спиной к лестнице. И сразу оттуда кошкой прыгнул крепкий детина и бросился на сыщика с ножом.

Лыков не успевал развернуться к нападавшему и просто повалился на спину, уходя от удара. Рука с длинным клинком ткнулась в то место, где только что находился его бок. По инерции бандит, сделав выпад, подался вперед. Ствол «веблея» сопровождал это движение и выбросил четыре оставшихся заряда. Три из них угодили в цель. Пули пятьдесят восьмого калибра почти отделили голову от шеи... Мертвяк улетел в конец сеней. Сыщик, не вставая, перезарядился и только тогда вскочил на ноги.

Неожиданно стрельба прекратилась. С сеновала раздались отчаянные крики:

— Не стреляйте! Сдаемся! Не стреляйте!

Лыков поднялся на одну ступеньку лестницы, держа «веблей» перед собой, и громко приказал:

— Бросай оружие во двор!

И тут же переместился из сеней наружу. У хлева, на своей позиции, стоял Бекорюков и держал конюшню на прицеле.

— Бросаем! Не стреляй! — снова слышались с сеновала крики, и на двор полетели два ножа и кистень на ременной петле.

— Револьверы туда же!

— Нету револьверов, ваше благородие!

— Сколько вас там?

— Двое осталось!

— Выходи поодиночке с поднятыми руками!

Оба гайменника, бледные от страха, спустились вниз и встали у стены конюшни. У одного из простреленной щеки хлестала кровь.

— Помпей, сюда! — скомандовал исправник, и через секунду в калитку вошел Готовцев. Глаза у него были бешеные.

— А, не всех перебили! — обрадовался он и вскинул винтовку.

— Отставить! — выкрикнул Лыков, но капитан не обратил на его команду никакого внимания. Двумя выстрелами почти в упор он уложил бандитов на месте; исправник добил лежащих.

— Зачем? Они же сдались? Безоружные — как можно?

— Это убийцы, — хладнокровно ответил Готовцев. — Чего же их жалеть?

Алексей выглянул в калитку — еще два тела лежали у забора.

— У вас в Варнавине пленных не берут? — яростно выкрикнул он,

возвращаясь на двор. — Я подам рапорт министру внутренних дел. Под суд пойдете!

— Да плевал я на вашего министра — у меня свой есть, — огрызнулся воинский начальник.

— Алексей Николаевич, будет вам, — раздался спокойный голос Бекорюкова. — Не вы ли давеча рассказывали нам с Помпеем Ильичом, как расстреляли недавно безоружного в Петербурге? Или вам там можно, а нам здесь нельзя?

Лыков сразу сменил тон:

— Но здесь вы положили всю компанию! Зачем столько крови? Потом, нарушив план, вы вынудили одного из бандитов напасть на меня. Я едва увернулся...

— Бывает, — флегматично отозвался Бекорюков. — Но продолжим дело! Что Челдон?

— Лежит связанный.

— А если Выродов его освободит?

Алексей с исправником разом рванули в каморку. Там, однако, оказалось все в порядке: «иван» пришел в себя, лежал на животе и тихо матерился, безуспешно пытаясь освободиться.

— На месте, паскудник, — обрадовался штабс-ротмистр и с размаху въехал Челдону сапогом в ухо. — Пасть заткни!

Бандит охнул и замолчал.

— Ну, я пойду арестовывать хозяина этого притона, а вы с Помпеем Ильичом соберите в одно место тела и оружие. Потом прошу съездить в Бочкариху и привезти оттуда старосту, десятского с понятыми и три подводы. Будем делать повальный обыск.

Лыков вздохнул и, держа «веблей» наготове, полез на сеновал. Предосторожность оказалась излишней. Среди разбросанных вещей лежал труп еще одного гайменника с прострелянной головой. Плюсом один в сенях, двое во дворе и двое под забором. Ай да охотники! Обещали ведь целить под конек и дать всем смыться. И ничего им теперь не предъявишь...

Сбросив убитого и вещи на двор, Алексей заглянул в избу. Бабы и дети попрятались. Выродовы, отец и сын, стояли навтыжку посреди горницы, а Бекорюков методично их мордовал:

— Канальи! Укрыватели! На людской крови наживаться? Вот тебе, старый хрыч! А это тебе, отродье!

Головы избиваемых дергались, по лицам текла кровь, но они не смели защититься.

— В моем уезде притон завести? Сгною, сволочь!

Готовцев привел из леса лошадей, и коллежский ассессор поскакал в деревню. Когда он вернулся с людьми, притонодержатели уже открыли все тайники. В починке обнаружилось множество носильных вещей, как мужских, так и женских, и даже детских. А еще более восьми тысяч рублей в купюрах и доходных бумагах с необрезанными купонами. Также дюжина золотых и серебряных часов, галстучные булавки, запонки, серьги, кулоны, браслеты... Одних паспортов нашли три десятка. На многих вещах видны были следы замытой крови.

После полудня в город двинулась целая колонна. В трофейных пролетках везли связанных Выродовых и Челдона, а также найденные ценности. Три подводы подрядили под трупы. Алексей не пожелал участвовать в триумфальном вступлении в Варнавин и уехал один. На душе у него было погано. Перед глазами стояла картина, как Готовцев с бешеным и сладострастным лицом расстреливает сдавшихся гайменников. Но тридцать паспортов! Но залитые кровью детские костюмчики! Людей ограбили, убили и зарыли где-то в лесу. Никто не найдет их тела, родные не придут на могилу. А Челдон отправится на каторгу. Где гарантия, что он не сбежит оттуда через год? Зато те шестеро, что качаются сейчас в телегах, уже не сбегут и никогда больше никого не зарежут. Вон в британском королевстве за любое умышленное убийство полагается виселица. И смягчающих обстоятельств не существует по закону. Убил — умри сам! По совести, Бекорюков с Готовцевым, может быть, и правы...

19. По следу

В ночь с понедельника на вторник Лыков с Форосковым опять встретились в бане. Петр пересказал бывшему начальнику свою беседу со Щукиным.

— Да, слуга закона... На чем же вы разошлись?

— На том, что он даст наводку, кого пограбить. Я же со своей стороны буду проявлять осторожный интерес к Нефедьевке или к вашей городской усадьбе. У Щукина, Коммерческого и тех фреев, которых подсунет мне кабатчик. Так?

— Да, но обязательно в общем ряду с прочими богатыми домами. Смецкие, Попов, Селиванов, ну и мы где-нибудь в середине...

— Понятное дело.

— Ты сказал, что Иван Иванович начал знакомство резко, а потом пошел на попятный. Неужто испугался твоих угроз?

— Нет, конечно, только вид сделал. Такие люди не из пугливых.

— Что-то задумал?

— Да знаю я, что он задумал. Направить меня на грант, а потом убить при дуване^[67]. Что получше, он присвоит да еще и отчитается в раскрытии кражи. Ловкач!

— Будь с ним осторожен: Щукин опасный человек. Как, по-твоему, станут они тебя проверять?

— Полагаю, пошлют запрос по соседним губерниям. Из Нижнего им ответят, как надо. Справный, мол, налетчик, свое дело знает. Я перед отъездом зашел в наше сыскное и договорился.

— Не переборщи. На «ивана» ты не очень-то похож.

— А я и не говорю, что «иван». Фартовый, серьезный. Работаю самостоятельно, на побегушках ни у кого не состою.

Закончив про Щукина, Петр рассказал о своих переговорах с Ваней Модным и показал его чертеж. Лыков внимательно рассмотрел бумагу и ахнул:

— Та самая рука! Титуса заманили его запиской. Ну, ты молодец! Как догадался?

— Никак. Просто настоящий налетчик, ежели хитрый и опытный, сделал бы именно так. Одним махом и план дома получить, и хозяйского сына на крючок поймать. Только потом, в номере, я сличил руку и все понял.

— Славная находка! Теперь я могу потряхнуть Ваню. Но важно, чтобы ты остался вне подозрений. Сделаем вот что. Бекорюков теперь мой должник. Я попрошу его распорядиться, чтобы мне выдали на изучение выпускные сочинения учеников городского училища. Скажем, за последние десять лет. И через день-полтора «обнаружу» Селиванова-младшего. Ваня щенок, я его быстро застращаю. Тогда и узнаем, кто приказал ему выманить Яна.

— Алексей Николаич, мне теперь, стало быть, на здешнем воре сосредоточиться?

— Да. Коммерческий обещал познакомить кое с кем уже завтра?

— Да. Сказал: приходи ближе к ночи.

— Пощупай этих ребят. Ищи не вора-домушника, ищи налетчика. Очень хорошего налетчика. Тот, кто сумел приблизиться к Титусу и почти убить его — большой профессионалист. Будь начеку.

Закончив совещание, сыщики разделились. Лыков вышел на улицу первым и отправился к исправнику домой. Спустя пять минут, так же через парадное, выскользнул Форосков и растворился в ночи.

У Бекорюкова, несмотря на позднее время, было полно народу. Оказалось, что они с Готовцевым собрали «дворянскую артель» и обмывают утреннюю победу. Алексей слышал от горничной, с какой помпой колонна с пленными и трофеями вступила в Варнавин. Исправник и воинский начальник гарцевали с винтовками наперевес, конвоируя Челдона и его укрывателей. Посмотреть на невиданное зрелище сбежался весь город. Уездное полицейское управление имело в штате, сообразно численности населения, всего пять городских. Готовцев же по своей должности обладал правами ротного командира резервных войск. Расквартированная в уезде команда на роту не тянула, но превышала сто человек. Поэтому арестованных сразу же поместили в этапную тюрьму на конце Солдатской, под охрану военных.

Варнавинцы, по рассказам горничной, были потрясены. Три телеги покойников! В окрестностях тихого городка никогда не случалось такой бойни. Победный вид начальства контрастировал с испуганными лицами обывателей. Некоторые даже отправились в церковь помолиться за души новопреставившихся. Вместе с тем после долгого бездействия полиции разгром шайки очень поднял акции Бекорюкова. В глазах большинства он стал героем. Слухи об обнаружении вещей и бумаг многочисленных жертв гайменников еще более возвысил исправника в глазах населения. Участие в схватке опекуна Нефедьевки осталось для всех тайной.

Появление Лыкова произвело восторг. «Дворянская артель», к которой

присоединился городской голова Дронов, уже изрядно приняла и не собиралась останавливаться. Стол ломился от бутылок и закусок. Два официанта от Островского как раз заносили корзины с новой выпивкой.

— А вот и главный герой! — радостно закричал сильно захмелевший штабс-ротмистр. — Господа! Ура Алексею Николаевичу Лыкову!

— Урра! — загалдели «артельщики» и полезли целоваться с коллежским асессором.

— Заздравную чашу молодцу! — потребовал Готовцев. Лыкову тут же сунули в руки стакан с водкой.

— Внимание, господа: тост! — встал во фрунт Бекорюков. — Тост и одновременно сообщение. Считаю своим долгом разъяснить вам роль Алексея Николаевича в сегодняшнем деле. В город верхом он не въезжал, геройских поз, как мы с Помпеем, не принимал. Потому многие из вас и не знают... А ведь именно господин Лыков обнаружил притон убийц. До сих пор не могу понять, как ему это удалось. В моем уезде! Мы со Щукиным не нашли, а приезжий человек в два счета сыскал! Вот это класс!

— То-то у Лыкова вся грудь в крестах, — подал голос судебный следователь Серженко. — Видно сокола по полету.

— Так точно, — согласился Галактион Романович. — Но продолжаю. Алексей Николаевич обнаружил притон, в одиночку произвел его разведку, разработал план захвата и руководил всей операцией. Мы с Помпеем Ильичом фактически лишь выполняли его команды. Результат вы видели. Кроме того, господин Лыков лично захватил главаря шайки и застрелил одного из негодяев.

— Лишь одного? — удивился князь Солнцев-Засекин. — Почему так мало?

— Алексей Николаевич не любит лишней крови, — пояснил капитан Готовцев. — Он предлагал не трогать рядовых гайменников, а только пугануть их и дать уйти в лес. Но мы с Галактионом решили не мелочиться.

— И правильно поступили! — авторитетно заявил Верховский. — Злодеи за чужие жизни ответ держали! Вон сколько при них всего нашли, и со следами крови есть...

Лыков не стал ввязываться в спор крепко выпивших людей, а попросил Бекорюкова о коротком разговоре. Штабс-ротмистр, дружески полюбив сыщика, прошел с ним в кабинет:

— Знали бы вы, Алексей Николаевич, как я вам признателен. Тучи уже сошлись над моей головой. Из Костромы выехал ревизор, советник губернского правления Ниродлюрцов. Снимать меня собрался, немец-перец, колбасная душа. А вы... Вы уже второй раз меня выручаете. Сначала

погром предотвратили, потом банду помогли раскассировать. Теперь хоть есть чего предъявить губернии. Мы еще поборемся! Я ваш должник: просите о любой услуге.

— Как раз я к вам с просьбой. Не могли бы вы распорядиться, чтобы инспектор училища дал мне для изучения сочинения выпускников? За последние десять лет.

— А для чего? — мгновенно протрезвел Бекорюков. — След взяли? После Челдона — всему поверю!

И подмигнул Лыкову.

— Кажется, я нашел записку, которой моего управляющего выманили к оврагу.

— Дайте ее! — протянул руку исправник.

— Нет! — отрезал Лыков. — Я сам. Вы же видите: лавров я не жалею. Все ваши будут... А искать оставьте мне.

— Хорошо, — легко согласился штабс-ротмистр. — Я же понимаю, что это вы умеете лучше нас. Сейчас выдам вам, что просите.

Он сел за стол и на служебном бланке быстро написал необходимое распоряжение.

— Вот. Печать я дома не держу, но инспектор Тихомандрицкий знает мой почерк и не откажет. Одна просьба, Алексей Николаевич: держите меня в курсе дела и не подведите, пожалуйста!

— Разумеется. Если я даже обнаружу автора записки, то арестовать его — лишь в вашей власти. Вы уже допросили Челдона?

Бекорюков скривился:

— Крепкий орех! С первых слов стал дерзить и запыряться. Я отдал его Щукину и ушел. Уверен: завтра Челдон станет как шелковый. Иван Иваныч умеет убеждать такой сорт людей.

— Но вы сами верите, что маньяк — кто-то из его людей?

— Нет, конечно. Это... непрофессионально. Но проверить надо.

— И я того же мнения. Значит, разгром гайменников не решает главной нашей задачи. Что вы намерены делать?

— Галактиоша! Алексей Николаевич! — В кабинет просунулась огромная фигура капитана. — Кончайте ваши секреты — водка стынет! Пора уже, как выражается мой денщик Митрич, хватить чебурашку!

— Сейчас, Помпейчик, мы уже заканчиваем. Иди пока, налей нам по полной.

Готовцев, бурча что-то под нос, удалился.

— Щукин проведет в среду очередной базарный день и уедет на облаву. Его идея — что маньяк беглый уголовный или дезертир,

скрывающийся среди староверов.

— Да, Иван Иванович высказывал мне эту мысль. Весьма правдоподобно.

— Он что-то почуял своим звериным нюхом. Хочет объехать две волости, самые склонные к укрывательству, — Уренскую и Черновскую. Не желаете сопроводить его?

— С удовольствием. В четверг?

— Да. Но поездка займет не один день, а вы как-никак в отпуску. Надо бы с семейством отдохнуть. Не передумаете?

— Поймаем эту тварь, тогда и отдохну.

— Хорошо. Ну, пойдемте, пригубим, а то гости огорчатся... Эй, дружки, нагревай брюшки!

В девять часов утра Лыков, одевши для солидности вицмундир со старшими орденами, явился в полицейское управление. Ни Бекорюкова, ни пристава Поливанова еще не было, хотя присутственные часы уже начались. На месте оказался лишь помощник исправника губернский секретарь Тамазин, личность совершенно бесцветная. Сыщик предъявил ему письмо Галактиона Романовича, адресованное инспектору мужского училища Тихомандрицкому. Губернский секретарь дважды перечитал бумагу, ковыряя при этом в носу, потом вздохнул и взялся за фуражку. Через четверть часа они поднялись на второй этаж училищного здания и постучались в служебную квартиру инспектора.

Несмотря на позднее утро, Тихомандрицкий сидел в халате и пил чай. Он был недоволен появлением визитеров.

— Вот, приказано передать, — лаконично пояснил помощник исправника. Вручил записку и был таков.

— Это еще что? — брезгливо пробурчал Тихомандрицкий. — Не могли обождать?

— А неизвестно, сколько ждать, — пожал плечами Лыков. — Присутствие давно идет, а вы, оказывается, чаю еще не попили...

Инспектор побагровел и произнес свистящим шепотом:

— А вы, миластидарь, кто таков будете, чтобы я выслушивал ваши дерзости?

— Коллежский асессор Лыков Алексей Николаевич.

— И что вам здесь угодно делать?

— Там все написано.

Тихомандрицкий прочитал записку исправника и побагровел еще больше:

— Что, Бекорюков уже министр народного просвещения? Вконец обнаглели. Когда мне такое предписание даст законом положенное начальство, тогда... А пока же, сударь, подите вон!

И, театрально скомкав записку, швырнул ее на пол.

Лыков рассердился не на шутку. Вынув свой полицейский билет, он сунул его под нос распоясавшемуся чиновнику и сказал:

— Забыл известить — я из Департамента полиции. Чиновник особых поручений. Особых — понятно? Занимаюсь поиском маньяка, убившего в Варнавине четырех детей.

— Ну и что?

— А то, что если вы сейчас не оторвете задницу от стула и не дадите мне необходимые для следствия материалы, я вас в такую глушь укатаю! Северных оленей будете инспектировать! В Зашиверске^[68]. С Департаментом полиции шутить вздумали? Я вам пошучу!

Тихомандрицкий вскочил как ошпаренный, но сыщика уже понесло:

— Я приехал в такую глушь по личному распоряжению министра внутренних дел графа Толстого. Вы еще не забыли его нрав, когда он состоял вашим министром?^[69]

— Никак нет, не забыл!

— Да уж, такой нрав не забудешь. В городе убийства, а вы препятствуете следствию. От чая вас оторвали... Граф не преминет доложить об этом его императорскому величеству. Страшно даже представить его реакцию!

— Но вы же не объяснили...

— А вы полагаете, начальник уездной полиции просто так пишет такие бумаги? От нечего делать? Идет розыск опаснейшего преступника. Все, кто посмеет мешать власти в отправлении ею обязанностей по охране порядка, будут привлечены к ответственности. Невзирая на чины. С властью не шутят!

— Извините, господин Лыков, я не представлял, что дело столь серьезно! Прошу меня извинить, я отношусь к обязанностям власти с полным уважением! И... я сейчас же отдам необходимые распоряжения! Куда прикажете доставить запрашиваемые сочинения?

— В дом Нефедьевых. И учтите: по итогам следствия в столице будут приняты решения по кадру местного руководства. Во всех сферах управления! Не шутите с огнем.

Через четверть часа сторож училища на тележке привез сочинения выпускников на Дворянскую. Алексей быстро разыскал среди них

произведение Ивана Селиванова. Да, одна рука! Приложив находку к записке, которой выманили Титуса, сыщик спрятал улики в карман сюртука и задумался. Идти прямо сейчас брать Ваню Модного было слишком рано. Хотя бы полдня он должен порыться в сочинениях, иначе умный человек догадается, что это инсценировка. И так все шито белыми нитками. Тот же Бекорюков запросто может спросить: а почему именно сочинения выпускников училища? Почему, если имеется образец почерка, вы, Алексей Николаевич, не отправились с ним, например, к уездному нотариусу? Вот кто главный знаток почерков. Что ответить на это? Штабс-ромистр не глуп и может догадаться, что кто-то заранее указал Лыкову на Ваню. И тогда Форосков попадет под подозрение. Нет, надо прямо сейчас на виду у всех сходить к стряпчему. А потом до вечера засесть дома, будто бы просматривая сочинения.

Коллежский ассессор так и сделал. Вернувшись от нотариуса — тот руки, конечно, не опознал, — обложился в кабинете бумагами, придав комнате деловой вид (вдруг кто заглянет?). А сам лег на диван с «Графом де Монте-Кристо» и погрузился в чтение.

Так прошел день. Маскировка пригодилась: в четыре часа появился Бекорюков. Он позвал Алексея на допрос Челдона: после общения с надзирателем Щукиным тот согласился дать показания...

Лыкову не терпелось послушать бандита, поэтому он прекратил «поиски» и отправился с исправником в тюрьму.

— Только, Галактион Романович, одно условие, — предупредил он штабс-ротмистра. — Я легендированный агент департамента и даже аресты произвожу в гриме. Челдон не должен видеть моего лица.

— Наденем ему мешок на чепельник, — тут же сообразил Бекорюков.

Так и провели допрос. «Иван» сидел с мешком на голове. Лыков писал на листке, что его интересовало, а Бекорюков с Поливановым спрашивали о том у арестованного.

Гаврила Торчков действительно оказался сломлен. Он послушно назвал всех своих подельников. Тут выяснился новый факт. Оказалось, что в починке накрыли не всех бандитов. Ванька Перекрестов, местный уроженец, отлучился на ночь в Варнавин и потому уцелел.

— Щукина ко мне! — распорядился исправник.

Сыскной надзиратель явился через три минуты. Заслышав тяжелые шаги, Челдон вобрал голову в плечи...

— Иван, Перекрестов-то убежал!

— Знаю, ваше благородие. Как среди мертвяков его не обнаружил, понял.

— Бросай все дела и ищи его! А то сбежит из уезда, стервец...

— Слушаюсь!

Допрос продолжился. Бандит рассказал, как они выбирали жертвы, где прятали трупы. В двух местах, за пределами уезда, шайкой были сделаны тайные могилы... Назвал Торчков и барыг, которым сбывал добычу. Среди прочих упомянул владельца постоянного двора в Урене-Трехсвятном и кабатчика в селе Богородском. Было очевидно, что «иван» дает полные признательные показания и ничего не утаивает. Ай да Щукин!

Однако на самый важный для Лыкова вопрос главарь ответил отрицательно. По его словам, людей своих он держал в кулаке. И такой глупости, как немотивированные убийства детей, никогда бы не допустил.

— Ей-бо, ваше благородие! Наскрозь их зрил, людишек этих. Дудора; один только и был из них настоящий налетчик, а прочие так... Но все фартовые. Мы со скуки людей не режем, а за соргу либо накидалище^[70] справное. Ежели бы кто из них принялся мальцов кончать и тем фигарисов... то есть господ сыщиков, тревожить, я б того своими руками приткнул. Сразу бы голову на рукомойник!^[71] Нет, это не мои.

Лыков и сам так считал, поэтому вскоре откланялся и ушел. Ясно, что маньяк — одиночка. В сплоченной банде, все время на виду у опытного «ивана», совершить в тайне четыре убийства невозможно. Слишком очевидно отлучки будут совпадать с датами нападения на детей. Стоило проверить только Перекрестова — он, как местный, навещал город чаще других. Но и здесь особых шансов на успех не было. Поэтому Алексей вернулся домой и снова сел за роман. Выждав часа три, сыщик отправился в полицейское управление. Помощник исправника сообщил, что начальство обедает у Островского. Коллежский асессор пошел в трактир. Бекорюков с Поливановым уже доканчивали эменс^[72]. Алексей выложил на стол перед исправником две бумаги и пояснил:

— Вот этой запиской моего управляющего заманили в засаду. А вот выпускное сочинение Вани Модного. Ничего не замечаете?

— Одна рука! — уверенно сказал штабс-ротмистр, сличив обе бумаги. — Ну, Ванька, берегись! Надо немедленно арестовать его и допросить. Но вы, Алексей Николаевич, в очередной раз меня осрамили. Теперь вот сообщника маньяка без нас нашли... Похоже, всем нам, включая и Щукина, нужно поучиться у вас сыскному делу.

— Где сейчас должен быть Ванька? — спросил Лыков у скучающего Поливанова. — Дома? Или у Коммерческого в кабаке?

Поручик пожал плечами:

— Я за этой дрянью не слежу.

— Начнем с дома, — предложил Галактион Романович. — Это ближе, чем кабак.

Так и порешили. Трое полицейских вломились в дом купца Селиванова, но сына его там не нашли. Отец, высокий суровый старик, сперва подумал, что отпрыск снова натворил мелких безобразий. Вынув из шаровар бумажник, он раскрыл его и спросил деловито:

— Сколько?

— Нисколько теперь, Гермоген Спиридонович, — вздохнул Бекорюков, отводя руку с купюрами. — Сынок ваш замешан в тяжкое преступление — покушение на убийство управляющего Нефедьевки господина Титуса. А может, и кое во что похуже... Где он сейчас?

— Ах ты, Господи! — ахнул старик. — Убийство! Вот, баранья голова, куды его занесло...

— Гермоген Спиридонович, где Иван?

— Да у Коммерческого, знать, сидит, где ж ему еще быть?

Пристава Поливанов оставили в доме в засаде, а Бекорюков, Лыков и расстроенный купец в экипаже последнего отправились в кабак. Однако Вани Модного там не оказалось. Полчаса назад он получил от неизвестного лица записку. Прочитал, переменялся в лице и сразу же покинул заведение.

Экипаж помчался обратно. Старик вздыхал и молился; Лыкова обуял азарт преследования. Уже начало темнеть, в окнах домов зажигались огни. Николай Орестович сидел в гостиной и пил хозяйское пиво. На вопрос, не забегал ли Ваня Модный, бодро отрапортовал:

— Когда поручик Поливанов в засаде, мимо и мышь не проскочит!

— Проверьте-ка вашу кассу, Гермоген Спиридонович, — перебил его Бекорюков. — Что-то у меня дурные предчувствия.

Купец охнул, побежал в спальню и закричал оттуда:

— Ограбил! Ограбил, подлец! Родного отца подломал!

Бюро оказалось вскрыто, а вся наличность из него похищена. Призванная прислуга сообщила, что хозяйский сын недавно приходил. Он прокрался в дом через скобяную лавку, что на первом этаже. Из лавки особая лестница вела прямо в спальню хозяина, минуя гостиную. Ванька был чем-то расстроен и не велел говорить о себе приставу. Провел в спальне отца несколько минут и удалился тем же путем.

— Кто-то его известил, — констатировал исправник. — Но кто? И как он сумел узнать о вашей находке, Алексей Николаевич?

— Поймаем Ваню Модного — выясним у него. Далеко уйти парень не мог. Подымайте полицию и воинскую команду.

Но обнаружить Селиванова-младшего удалось только утром, когда рассвело. Он лежал в кустах возле пристани, с ножевой раной в сердце.

20. Наконец — то отпуск

Уже к одиннадцати часам утра сыщики имели ответы на все вопросы. Почти все... В соответствии с законом розыск возглавил судебный следователь Серженко. Утром Лыков с Бекорюковым сидели у него в кабинете. Коллежский ассессор писал, как он выразился, прејскурант подозреваемых.

— Давайте, господа, пройдемся по всему перечню, — начал следователь. — Кто знал о выемке Алексеем Николаевичем сочинений из училища?

— Лев Мартынович, давайте расширим список, — возразил Лыков. — Я ведь еще к нотариусу ходил.

— К Нищенкову? — хором спросили Серженко и исправник.

— Да. А что?

Следователь со штабс-ротмистром переглянулись, потом Бекорюков сказал укоризненно:

— Надо было сначала с нами посоветоваться.

— Темный?

— Еще какой. Давненько я за ним слежу, да ухватить не удастся. А вы... без расспросов...

— Виноват, господа, не знал. Но поясните подробнее!

— Нищенков шельма, — сообщил Лев Мартынович. — Два года назад он подделал завешание богатого крестьянина из села Дмитриевское. Умершего при достаточно загадочных обстоятельствах. Подделал в пользу брата покойного и в ущерб вдове. Подлог несомненный, но мастерский — доказать ничего не удалось. Был суд, и он его оправдал. Потом Нищенков оказался замешан в учете фальшивого векселя купца Олеринского. Вам, Алексей Николаевич, действительно не стоило проявлять излишней самостоятельности. Людей здешних вы не знаете: надлежало посоветоваться.

— Каюсь и больше так не поступлю, — пробормотал Лыков. — Но он был настолько убедителен...

— Разумеется. Присяжные на суде тоже так заявили.

— Пошли к нему! — вскочил со стула исправник. — Вдруг да найдем что?

Лыков с Бекорюковым отправились на дом к нотариусу. Там выяснилось, что тот еще ночью уехал из города вместе со всей

наличностью. По требованию исправника вызванный слесарь взломал несгораемый шкаф стряпчего. В нем были отысканы два векселя на предъявителя на сто пятьдесят рублей каждый, выписанные Ваней Модным в прошлом месяце. Все сошлось.

Раздосадованный Лыков еще раз извинился и прямо от нотариуса уехал в Нефедьевку. Идей, как вести дальнейшие розыски, у него не было. Сыщик решил провести полтора дня с семьей — он все-таки в отпуске! А вечером в среду оговорить со Щукиным детали их экспедиции на поиск беглых.

Так коллежский ассессор ненадолго, но стал отпусником. С самого приезда у него еще не было такой возможности. Варенька и дети очень этому обрадовались.

Эх, хорошо в деревне!

Поместье Нефедьевых стоит на берегу речки Лапшанги в двух верстах выше ее впадения в Ветлугу. Между маленькой речкой и большой рекой раскинулись заливные луга, дающие великолепные покосы. В пойме множество мелких озер и стариц. В половодье они затопляются талой водой, и в них в изобилии заходят с Ветлуги щуки, окуни и белая рыба. Вокруг озерков — густые заросли ежевики и шиповника, в которых рыбаками проделаны проходы.

Главный дом с постройками расположен в середине длинной моренной гряды. Окончание ее, на котором основан город Варнавин, возвышается над уровнем реки на 34 сажени; Нефедьевка же выше уреза всего на 10 саженей. В этом месте Ветлуга впервые соединяется с грядой — оба ее берега выше по течению низкие и не живописные. Зато от Нефедьевки пейзаж необычайно красив. Налево видна бойкая веселая Лапшанга, направо — медленный подъем горы с венчающими ее городскими постройками. А прямо, насколько видит глаз, струится по лесному ковру сильная величественная Ветлуга. На косогоре по приказу Лыкова еще в прошлом году вкопали стол со скамейками. Алексей мог сидеть здесь часами, болтать с Варенькой о пустяках, качать по очереди на ноге Брюшкина с Чунеевым и любоваться удивительными видами. И так не хотелось отсюда уходить...

Воспользовавшись свободным днем, лыковское семейство, прихватив трех Титусов, отправилось на пикник. Окуньков и две горничных тащили все необходимые принадлежности; Алексей им помогал. Спустились к Лапшанге. Степан в два захода перевез компанию на тот берег, и отряд двинулся по заливным лугам к Ветлуге. До нее было около двух верст.

Трава уже набрала силу, поэтому продвигались медленно. Детей в конце концов взяли на руки. Наконец, дошли до уютного залива, обещавшего со временем тоже сделаться старицей. Окуньков сразу занялся костром, женщины — малышней, а коллежский асессор — своей давней мечтой, а именно рыбалкой.

Еще в прошлом году он привез сюда из столицы модные английские снасти, но так и не успел их испытать. Теперь час пробы настал. Ну-ка, коварный Альбион, что ты сумеешь противопоставить обитателям Ветлуги?

Первая снасть — легкая, с длинным матчевым удилищем из колотого, а затем склеенного бамбука, была оснащена катушкой с шелковой плетеной леской и патентованным крючком «кирби». Алексей намеревался изловить ею полдюжины живцов, после чего покуситься уже на более серьезную добычу. Вторая же снасть, только-только входящая в столице в моду, русского названия еще не имела и пока именовалась «спиннинг». Удилище у нее тоже было из клееного бамбука, но короткое, всего в сажень длиной. Катушка особой конструкции позволяла делать с берега весьма далекие забросы. Вместо крючка на конце лески была укреплена английская же блесна марки «девон», сильно восхваляемая рекламой. Ничего подобного ветлужская рыба никогда доселе не видела. Поэтому Алексей не без оснований надеялся поймать что-нибудь по-настоящему крупное.

Когда он еще готовил «спиннинг», к нему стали приглядываться три местных рыбака из крестьян, возившиеся по соседству с бреднем.

— Коротка, — сказал один авторитетным тоном.

— Барская забава, — поддержал второй.

Алексей хмыкнул, размахнулся и пустил блесну на тридцать саженей в реку, туда где только что ударила хвостом крупная рыба.

— Ни хрена себе! — прокомментировал третий. — Это как получилось?

Лыков принялся быстро крутить катушку. Почти сразу же он почувствовал сильный удар. Удилище согнулось дугой, леска натянулась, как струна.

— А ведь взяла! — столь же авторитетно заявил первый крестьянин. — Тащи, барин, не ленись!

Зрители бросили свой бредень и сбегались к городскому рыболову.

— Щука! Здоровая... — пробормотал тот, что постарше.

Сыщик наматывал леску на катушку с большим усилием. Крокодил там, что ли? И акулы в Ветлуге не отмечены... Наконец, возле самого берега из воды показалась голова рыбины.

— Водный конь! — ахнул верзила в синей рубахе. — Так вот как их господа-те ловят!

Огромный, не менее аршина длиной, жерех, извиваясь, вылетел на берег и забился на песке. Лыков со снастью в руках попятился назад, затащил добычу в траву и лишь после этого положил удилище и подбежал к рыбе. Ах, красавец! Зеваки тоже столпились вокруг.

— Вот так шерешпер!^[73]

— Прогонистый!

— Ай да рыбак! С первого заброса и такого добыл!

Мужик постарше снял с головы картуз и сделал шаг вперед:

— Ваше благородие, дозволейте на вашенску снасть полюбопытствовать? Никогда мы здесь такой не видали...

Коллежский ассессор тоже снял шляпу:

— Подходите, господа соседи, не тушуйтесь. Эта вещь английская, из новых. Называется по-ихнему «спиннинг». А работает она вот так...

Он передал рыбу Степану и сделал новый заброс. Когда начал сматывать леску, почувствовал толчок, но на блесне никого не оказалось.

— Окушок... Схватил, да не удержал, — пояснил Лыков и закинул в третий раз. Особенно сильно пущенная блесна подняла столб воды в сорока саженьях от берега, и уже через несколько оборотов катушки леска натянулась!

— Ага, есть!

На этот раз попалась такая крупная рыба, что Алексею пришлось минут двадцать водить ее по заливу. Устала добыча, устал и он. Леска пела, как струна, но держала. Мужики азартно сопереживали, то и дело норовя дать совет. Прибежали также дети, женщины и верный Степан. Все в напряжении ожидали исхода схватки. Наконец, добыча хватанула воздуха, ослабла и вылетела на берег. Публика ахнула — это оказалась щука двухаршинной длины!

— Твое благородие, дай и нам попробовать! — взмолились мужики.

— Еще раз швырну, и ваша очередь, — пообещал Лыков. Ветлуга, словно на показ, решила выложить ему сегодня все свои сокровища: уже через пять минут на песке оказался солидный язь фунтов на восемь.

— Ну, для ухи уже достаточно. Сейчас вот на удочку попробую стерлядку изловить, а «спиннинг» забирайте.

— Стерлядку мы вам сей секунд сварганим и денег не возьмем!

— Нет, хочется самому попробовать.

Сыщик объяснил своим новым знакомцам, как правильно пользоваться заморской новинкой. Особенно предостерег от образования «борода» —

это когда не приторможенная вовремя леска соскакивает после падения блесны с катушки и запутывается в клубок. Мужики попались сообразительные и деликатные. Окуньков успел шепнуть им, что барин — муж наследницы Нефедьевской дачи и опекун имения. Не впадая ни в подобострастие, ни в фамильярность, крестьяне нашли с Лыковым общий язык, да и снасть освоили быстро. Очень скоро они вытащили первую щуку. Затем леска все-таки соскочила и запуталась, и ее долго перематывали наново. После этого дело пошло на лад. Рыбаки бросали по очереди и за короткое время добыли еще одну крупную щуку и изрядного голавля. А затем последовал такой рывок, что крепкий мужик чуть не улетел в реку вместе со снастью. Блесну схватила какая-то огромная рыба. Ветлугаи тут же вернули «спиннинг» хозяину, и Лыков чуть не час водил пленницу по плесу. Вдруг, когда добыче оставалось до берега всего несколько саженей, из воды показалась голова.

— Черт! Что за чудище? — опешил коллежский асессор.

Башка щуки была размером чуть не с телячьей мордой! Страшилище высунулось из воды до плавников, потом резко рвануло вбок. Хваленая английская леска, скрученная из двенадцати рядов прочнейших шелковых нитей, лопнула в секунду. Лыков опрокинулся на спину и распластался на песке.

— Вот, Алексей Николаич, каки в нашей Ветлуге звери водятся, — похвалился старший из рыбаков. — Нонешней весной у Карасового острова щука робенка с плота стащила! Он, стало быть, ноги-те свесил, и... Не нашли.

На этом спиннинговая рыбалка прекратилась, да и пора было варить уху. Лыков взялся кашеварить, а Степан Окуньков закинул наудачу длинную матчевую удочку. На крючок он насадил обыкновенного червя.

— Сейчас своих однофамильцев наловлю с пяток для навару.

Однако уже через минуту Степан вытянул из реки восьмивершковую стерлядь.

— Все, — заявил Алексей, — сматываем снасти. Больше нам не съесть, а тащить рыбу в эдакую кручу я не согласен.

— Алексей Николаич! — взмолился Окуньков. — Я с парней не удил. Дозвольте еще побаловаться!

Лыков махнул рукой, заправил варево и ушел играть с детьми. Потом они купались, загорали и ели необыкновенно вкусную уху. Степан наловил такую прорву рыбы, что часть вынужден был отдать мужикам. Девчонки Титусики строили с горничными деревню из песка. Степан же научил Николку и Павлуку маршировать. Втроем они ходили по берегу туда-сюда

и пели странную песню:

— Что такое? Старое жаркое,
После масленицы гусь!

Наконец, стало вечереть, появились злые комары, и отдыхающие вернулись домой.

Вечером Алексей обошел поместье и проверил караулы. Два объездчика с Шабалихинского кордона, вызванные на охрану Нефедьевки, оказались толковыми ребятами. Непьющие, внимательные, спокойные, оба — запасные ефрейторы. На следующее утро коллежский асессор увел их в рощу и проверил навыки стрельбы. Объездчики выбили отличные баллы. Лыков успокоился. Варенька уговорила его съездить в гости к Полине Мефодиевне. Имение Смецких — Аппалиха — находилось всего в трех верстах от них. Удаленное от реки, оно не имело таких красивых видов, как Нефедьевка, но постройки выглядели значительно богаче. Двухэтажный главный дом смотрелся настоящим дворцом. От него расходились во все стороны аккуратные дорожки из гладко обструганных досок — это были маршруты прогулок барышни-калеки. Когда Лыковы подъехали (детей с собой, понятно, не взяли), Полина Мефодиевна как раз возвращалась к дому из липовой аллеи. Ее сопровождала верная Аннушка. Камеристка была одета по-господски, а на лице ее бросались в глаза белила, подведенные брови и яркая краска на губах. Увидав гостей, Аннушка скривилась и быстро ушла во флигель. Смецкая, наоборот, обрадовалась и радостно приветствовала Лыковых.

Алексей с Варенькой провели в Аппалихе два часа. Хозяйка показала им дом, провела по окрестностям. К обеду вышел ее сентильный^[74] отец. Лыков завел с ним разговор. Дело в том, что через Аппалиху проходила дорога, связывавшая их поместье с лесной столицей Нефедьевской дачи — деревенькой Русенихой. Сама дача занимала добрую половину большого Шабалихинского урочища. Русениха находилась в середине урочища, на берегу речки Лозовой. Именно там лыковские работники занимались и вырубками, и посадками, здесь же располагалась одна из двух лесопилен. Но когда дорогостоящий тес доставляли потом к пристани, аппалихские мужики озорovali и снимали доски с проезжавших возов. Так было много лет. Титус положил конец этому незаконному оброку, приставив к обозам охрану. Кончилось тем, что одному из конвойцев проломили голову колом, и свидетелей не нашлось. Алексей хотел узнать у Смецкого фамилии

главных бузотеров, чтобы потом с помощью исправника пугануть их.

— О, это старинная распря! — оживился Мефодий Александрович. — Аппалихские и нефедьевские всегда дрались, таков вековой обычай. С этим ничего нельзя поделать. Мой дед еще пытался, да бросил. Нельзя же лишать простой народ любимого развлечения! Для них драка, как для нас с вами итальянская опера. Аким и Еллий из свиты моей Полиньки — первые на деревне кулачные бойцы; ваши их особенно боятся. А с тех пор, как умер великий Коряжка, нефедьевские стали постоянно проигрывать.

— Кто такой Коряжка? — заинтересовался Алексей.

— Я знаю! — обрадовалась Варенька и захлопала в ладоши. — Я в детстве много слышала о нем от папа, а однажды даже видела этого богатыря. Это был высокий и крепкий старик с очень прямой спиной и гордой осанкой. Любимый крепостной папа. Уже шесть или семь лет, как Коряжка умер.

— Все так, — подтвердил Мефодий Александрович. — Я не раз просил вашего отца уступить мне Коряжку, предлагал за него четырех справных мужиков. Но он отказался. Слишком любил своего геркулеса. Аппалиха и Заболотье, владения рода Смецких, всегда дрались с Нефедьевкой. Сходились стенка на стенку, обязательно зимой, на Масленицу. И обычно победа оставалась за нашими. Но когда Коряжка вошел в полную силу, все переменялось. Настоящие его имя и фамилия — Александр Васильевич Смыслов. Знаменитый был человек... Сам он никогда в поле на эти бои не выходил, а лежал на печи. Жена же его очень любила, когда муж дрался, и всегда его подзуживала, а Коряжка отмахивался. Бои проходили на берегу ручья Слотинки, разделяющего наши земли. Когда стенки сходились, жена Александра Васильевича выбегала посмотреть ход сражения. И передавала мужу. А Коряжка отдыхал и ждал перелома. Перелом этот он мог наблюдать из своего окна. Когда аппалихские обращали нефедьевских в бегство, те чесали с поля в деревню и по главной улице добежали до Коряжкиного дома. Тут все переменялось. Богатырь выскакивал из избы, в чем был, в рубахе и вязаных чулках — он никогда не обувался. И всегда кричал одну и ту же фразу: «Каянные! Вот я вас!» Одного его вида и этого крика оказывалось достаточно: наши бойцы немедленно обращались в бегство. Тот, кто решал драться, получал полный разгром. Смыслов в одиночку гнал целую деревню! Как сейчас помню это его «каянные!»

— Один целую деревню? — усомнился Лыков. — Такое невозможно. Я тоже не хилый человек, а на днях всего трое кузнецов меня здорово пбили. И потом драка разгорячает бойцов. Одночным противником их не

напугать.

— Коряжка вносил страх в ряды противника только своим видом, — снисходительно пояснил Смецкий. — Вы уж себя с ним не равняйте... Чаще всего и до дела не доходило — наши просто удирали. А первые разы да, там случалась сеча! Но Коряжка был необыкновенный человек. Я с ним много разговаривал. Александр Васильевич всегда видел, кто перед ним, и действовал избирательно. Схватывался только с крепкими, вошедшими в силу мужиками и бил их аккуратно, чтобы не покалечить. Парней же жалел и обходил. Рано, мол, им еще... Кто упадет, он того поднимал и говорил: «Отдохни, хватит с тебя на сегодня». Все его необыкновенно уважали, и никогда не было у Коряжки врагов. Если нужно было применить силу, он брал в одну руку двух, а в другую трех противников и просто отбрасывал их в сторону. Словно котят. Или разворачивал и давал сзади хорошего пинка. Такого, что мужик летел до самой Аппалихи и всю жизнь потом вспоминал это приключение...

— И Коряжку никто никогда не побил?

— Да. Уже сделавшись пожилым человеком, Александр Васильевич сохранял огромную силу. Вытягивал телеги с лошадьми из грязи, носил на спине тридцатипудовую «бабу», которой забивают сваи. Так и умер, не согнувшись! Как сейчас его помню: гвардеец по осанке! Теперь таких уже не бывает...

Завершив визит, Лыковы вернулись в Нефедьевку. Алексей отдал должное любимому развлечению Титуса — покатался по дорожкам на безопасном велосипеде^[75], сыграл с Варей и Грушей в городки, а вечером отправился в город. У ворот полицейского управления ему попался Бекорюков. Он усаживал в шикарную, обитую кожей и жестью, пролетку какого-то плюгавого господина с важным и капризным лицом. С другой стороны поручик Поливанов укладывал на пол экипажа корзины с провизией и вином.

— Ну... смею ли я надеяться, уважаемый Евгений Карлович?

— Безусловно, Галактион Романович. Я доложу его превосходительству в наилучшем виде. Только уж вы того... Подтяните уезд! Ночные обходы, облавы. Я составлю для вас план и пришлю, чтобы вам было легче.

— Эх! Ваши слова хоть в Библию, а наши и в татарские святцы не годятся. Благодарю за бесценные советы, они много облегчат мне управление!

— Обращайтесь, штабс-ротмистр. Я крупный специалист во многих вопросах. Ну... Трогай, Федот!

— Приезжайте почаще! Всегда рады! — успел еще крикнуть исправник, махнув фуражкой, и конь рванул. Как только экипаж скрылся за углом, штабс-ротмистр смачно сплюнул:

— Вот тварь! Такое чувство, будто помоев наелся!

— Это был ваш ревизор? — догадался Лыков.

— Да, губернский советник Ниродлюрцов собственной персоной. И как в таком недоростке столько го...на помещается?

— Но, судя по сцене расставания, объяснились вы с ним вполне успешно.

Бекорюков невесело рассмеялся:

— А то как же! Чай, не впервой. Вручил ему за обедом четыреста пятьдесят целковых да на дорожку насовал всякой снеди; за два дня не сожрет. Вот секрет успешного объяснения.

— Понятно. А чего это он в ночь поехал? До Костромы не близко.

— Боюсь совсем упасть в ваших глазах, Алексей Николаевич, но уж признаюсь: я ему солдатку подвел. Таковую, знаете, в соку... В Шуде проживает, в имении камергера Базилевского. К ней колбасник и полетел.

— Экий шалун ваш ревизор. И такие вот часто решают нашу с вами служебную судьбу!

— Да, самое обидное — зависеть от подобных плюгавеньких... Вы к Щукину?

— Хочу обговорить детали.

— В кабинете сидит, рапорт ваяет. Я весь день с гостем возился, с Поливанова спросу никакого — от слов до дела сто переходов. Все хлопоты по базарному дню были на Иване. А завтра чуть свет уедет ловить беглых. Двужильный, ей богу!

Действительно, Щукин обнаружился в канцелярии за написанием рапорта. Алексей быстро обсудил с ним все детали предстоящего розыска и ушел домой. В четыре часа утра сыскной надзиратель обещал за ним заехать, поэтому спать Лыков лег раньше обычного.

21. Дезертир

В утреннем тумане паром из Кирюшино перевез через Ветлугу пролетку с двумя седоками. Щукин сидел на козлах, Лыков устроился пассажиром. Им предстояло проехать по лесным дорогам почти пятьдесят верст до села Урень-Трехсвятное.

Вчера вечером сыскной надзиратель подвел коллежского асессора к карте уезда и объяснил свой замысел.

— Вот, смотрите, Алексей Николаевич. Видите полосу, что тянется по левому берегу с севера на юг? Она почти безлюдна. Правый-то весь, почитай, в деревнях, а напротив, на низком лесном берегу, только лоси да медведи. От Ветлуги и до самого Уреня ни одного населенного пункта! Лишь тайные скиты староверов и кордоны лесных сторожей. Тут и должен скрываться наш маниак. На то указывает сама его повадка. Заберись он далеко от города, примерно за Урень — не смог бы так часто в Варнавине объявляться. А поселись на правом берегу — давно бы мы его сыскали. Нет, он где-то тут...

— Но беглые и дезертиры в этих местах лишь зимуют, а весной уходят на заработки. Хлопнем по пустому месту.

— Нет, наш не ушел. И тем облегчил нам задачу. Он нынче, может быть, один и остался в этих краях. Зимой тут действительно счет идет на десятки, и власти ничего с ними поделать не могут. Сообщение плохое, и староверы их прячут, передают из села в село по цепочке. Не то сейчас. Кто застрял в лесу, и есть тот самый.

Лыков согласился с рассуждениями Ивана Ивановича. Действительно, с севера на юг по левобережью сплошным массивом тянутся леса. Ни одной точки на карте!

— Да, глухая местность. Отойди от реки на пятнадцать верст — и тебя никто не сыщет. Как же мы поступим? Наугад рыскать бесполезно.

— Наугад рыскать понадобится пехотная дивизия. Да и то наш маниак узнает про облаву загодя и убежит. А вот два ловких человека без шума сделают дело лучше.

— Если имеют подсказки.

— Подсказки будут.

— Вы хотите тряхнуть того блатер-каина^[76] из Трехсвятного, на которого указал Челдон?

— Так точно. Это Колька Трясисоломин, хозяин постоянного двора.

Давно он у меня на примете. Поганый человек. Селит без паспортов, укрывает беглых, скупает краденое, занимается тайным винокурением. Еще, говорят, у него чекан.

— Фальшивые деньги делает?

— Есть такие слухи.

— И вы его так долго терпели? С эдаким букетом...

— Руки все не доходили, Алексей Николаевич. Я ведь один на весь уезд. Начальство делом не занимается — все на мне. Урень-то далеко; тут бы с Варнавиным совладать. Но теперь я до Кольки доберусь!

— И много у вас таких?

— Семь или восемь. Тех, кто поближе, я давно уже завербовал; все они у меня на связи. Один Колька пока отсиживался. Брат у него еще волостной старшина. А становой пристав в кумовьях, даром, что чин девятого класса... Между тем через Урень проходит тракт на Котельнич, и местному жулью много чего перепадает. Осведомитель нужен. Сейчас, когда у меня на руках показания Челдона, Колька пропал. Тут уже не отбиранием патента пахнет, а каторгой. Все расскажет, что в тех местах творится. И первый мой вопрос к нему будет про маниака.

И вот теперь полицейская пролетка везла двух сыщиков в глухое лесное село. Щукин, сидя вполоборота, рассказывал спутнику об этих местах:

— Урень — столица здешних сектаторов, главным образом беспоповцев. Православный храм тут, конечно, стоит, и даже по случаю появления начальства заполняется людьми. Но это для вида. Тридцать пять лет назад у них сломали часовню, и теперь службы проходят в тайных моленных домах. Село особенное. Царевой власти в нем, можно сказать, что нет.

— И как же начальство это терпит?

— Начальство — это штабс-ротмистр Бекорюков и благочинный. Галактиону Романовичу главное, чтобы все было спокойно, чтобы до Костромы ничего лишнего не доходило. Оно и не доходит. В прошлом году купец Ингликов привез с Нижегородской ярмарки холеру. Сам Богу душу отдал, и еще двенадцать человек родственников перемерло. Так в Костроме по сию пору о том не знают...

— А благочинный?

— Ему просто деньги носят, чтобы не мешался. Ну, когда кто важный в село приедет, ему спектакль ставят; а так...

— Повезло благочинному. Он и не мешается?

— Как татарин, ясак собирает и помалкивает. Целая волость от

православия отбилась, и никому дела нет.

Между тем уже совсем рассвело. Лесная дорога была обустроена, и пегая лошаденка шла ходко. Только там, где тракт задевал край болота, колеса вязли в бурой жиже. Густо зудели комары, высокие кроны закрывали небо, создавая вечный сумрак. То и дело по обочинам попадались длинные словно бы брустверы, поросшие мхом. Щукин пояснил, что это остовы огромных сосен, упавших при большом пожаре 1839 года. Тогда выгорело множество деревень и несчетное количество леса. Прошло сорок семь лет, но лес все еще хранил следы того страшного бедствия... Было прохладно и сыро. Ночью лил дождь, но песчаная почва впитала воду почти без остатка. Из чащи доносились звуки животной жизни. Раз дорогу перебежал северный олень; в другом месте высунулись из-за кустов лосиные морды. Прошел по обочине надменный глухарь, брюзгливо косясь на людей. Наконец, попался встречный обоз. Восемь подвод, ведомых угрюмыми мужиками, шли на Ветлугу. Лыков поздоровался с головным, но в ответ не услышал ни слова... Еще через полчаса на дороге показались четыре фигуры. Самый рослый взял лошадь под уздцы, остальные обступили экипаж с боков. В руках у них были дубины.

— Кто такие, куда едете? — грубо пробасил верзила. Лыков уже прицеливался ближнему сапогом в челюсть, но его спутник спокойно ответил:

— Меня Щукин зовут, Иван Иванович. Может, слышал?

— Товарищи, спасайся! — рывкнул верзила, и все четверо мгновенно исчезли в кустах.

— Еще раз встречу — головы свинчу! — крикнул им вслед надзиратель и тронул вожжи: — Н-н-о буланая!

— Пошел черт по тучу, ан из нее-то и стрельнуло, — весело прокомментировал Лыков.

— Портяночники^[77], низший сорт, — отозвался Щукин. — Пусть драпают, не до них теперь.

Оставшаяся часть поездки прошла без приключений. Через два часа начали попадаться небольшие речки с коричневой от торфяной взвеси водой. Все они текли с севера на юг.

— К Усте подъезжаем, — пояснил Иван Иванович. — Значительная по тутошним меркам река, по ней идет главный сплав к Ветлуге. Мы пересекли Черную и Пустую. Сейчас вот покажется Мороква, после нее вскоре и Урень ожидай.

В девять дополудни они увидели первое человеческое жилье.

Довольно большая деревня лежала по обеим сторонам дороги.

— Селение Уста. Две сотни дворов, а церкви нету. Вон те избы, что в бок пошли, — хлыстовские. И богородица своя имеется! Ну, считай, приехали. До Трехсвятного десять верст осталось.

Действительно, менее чем через час сыщики оказались в раскольничьей столице Заветлужья. Село Урень-Трехсвятное оказалось большим и красивым. Широкая главная улица выводила на торговую площадь. Белый пятикупольный храм приятной архитектуры, давший селу одно из названий, стоял на берегу пруда. На пруду катались на лодках мальчишки. Здания волостного правления, почтовой станции и врачебного пункта, а также обывательские дома образовывали прямоугольную по форме площадь. В трех избах помещались постоянные дворы, один из них — с трактиром. Дополняли картину торговые ряды и несколько богатых на вид лавок. К удивлению Лыкова, среди последних обнаружился даже магазин по продаже виноградных вин. Ай да староверы! Умеют жить... Два кабака и неизменная ермолаевская пивная довершали облик площади. Все строения села имели добротный и ухоженный вид. Бросалась в глаза большая чистота вокруг.

Площадь и ближайшие улицы были оживленны. Ехали обозы, стучали на задворках топоры, с деловитым видом сновали тут и там серьезные степенные мужики. Уренская волость никогда не имела помещиков, а целиком относилась к казне. Трудолюбивые раскольники умели жить достойно. Власть тщетно пыталась подчинить их себе — спайка в сельском обществе была необыкновенная. В 1831 году в Урене-Трехсвятном случилось самое настоящее восстание. Первую воинскую команду, посланную на усмирение, уренцы побили. На смену ей явился целый полк. Шестьсот бунтовщиков были схвачены и посажены в варнавинский острог. Однако всех главных зачинщиков тайно вывели из осажденного села и укрыли в секретных раскольничьих скитах, и власти никогда их не нашли...

Постоялый двор Трясисоломина оказался тем самым, при котором имелся трактир. Сыщики подъехали и встали у коновязи.

— Надо бы, по закону, сначала к волостному старшине зайти, понятых взять. И станового впридачу. Но это одна шайка — могут предупредить. Исправник дал разрешение действовать напрямки, без привлечения местных властей; так и поступим. Я сейчас, Алексей Николаич, стану этот гадюшник трясти, а вы мне подыгрывайте. Будто бы вы офицер из управления полиции. Напускайте на себя свирепость, топайте ногами, а остальное я доскажу.

Они зашли в сени, оттуда в просторную горницу, необычайно чистую для постоялого двора. Навстречу им поднялся парнишка лет пятнадцати, веснушчатый, с хитровато-приторным лицом:

— На постой изволите, гости дорогие? Все есть. И напоим, и накормим, и за лошадкой приберем!

— Тятьку позови, — строго приказал Щукин. — Скажи, купцы приехали, с товаром, от Антипа Выродова.

— Слушаюсь, ваше степенство! — сразу посерьезнел парнишка и стремглав бросился во внутренние комнаты. Два мужика у окна, мало походившие на торговых людей, переглянулись и стали прислушиваться к разговору.

Вскоре послышались шаги, и в горницу вошел высокий бородач с таким же хитрым лицом, как у сына. Одет он был в золотистую жилетку и полосатые визиточные брюки, странно смотревшиеся в деревне. Бородач улыбался до ушей. Увидав приехавших, он сразу сник.

— Что, Колька, Челдона ожидал увидеть? — ехидно спросил Щукин. — Недосуг ему нынче. Меня вот заместо прислал.

И шевельнул правым плечом. От сильного удара в лицо Трясисоломин улетел в угол под иконы. Мужики было вскинулись, но Иван Иванович сказал, не оборачиваясь:

— Полиция. Приготовить виды для проверки.

— Мой в комнате остался, — ответил один, с изрытым оспинами лицом. — Я мигом сбегаю, принесу.

— Я тебе сбегаю! Сели оба на лавку и замерли. Я Щукин.

Постояльцы сразу прилипли к скамье. Сыскной надзиратель за волосы поднял ошарашенного блатер-каина, подвел к стойке и дважды сильно ударил об нее лицом. Из разбитого носа и губы Трясисоломина полилась кровь.

На шум прибежали сын хозяина и дюжий парень, по виду работник.

— Тятенька, за что он вас? — закричал подросток. Парень же без разговоров кинулся на выручку хозяину. Лыков одним ударом под дых сбил его на пол и приказал:

— Уймись! В тюрьму захотел?

В горнице стало тихо, только шумно дышал Трясисоломин да скулил его перепуганный сын.

Щукин отпустил барыгу и повернулся к мужикам:

— Так есть виды или нету?

— Нету, — коротко ответил второй постоялец с большими слезящимися глазами.

— Так я и думал. Ты, с оспинами, судя по приметам, Крымов. А ты тогда Вырыпаев. Это, ваше благородие, воры, обозы на тракте чистят. Давно я их ищу — попались оба два!

Надзиратель связал вора руки за спиной, усадил обратно на лавку и обратился к Лыкову:

— Ваше высокоблагородие, позвольте начать обыск?

— Начинайте.

— Эй, парень, еще постояльцы в доме есть? — спросил работника Щукин.

— Нету...

— Смотри, ежели сыщу! В арестный дом пойдешь за недоносительство.

— Ей-бо, вашество, никого боле нету! Утром трое съехали, остались токмо энти.

— Ну ладно. Беги в волостное правление, вели явиться сюда старшине, сотскому и двум понятым. Одна нога здесь, другая уже там!

И сильным толчком направил парня к двери.

— Теперь давай с тобой потолкуем, — сыщик обернулся к хозяину постоялого двора.

— А потолкуем, — угрюмо ответил тот. — Не пойму я вашего самоуправства. Налетели, избили... Вот сейчас брательник мой придет, посмотрит, что тут за беззаконие творится! Он отпишет куда следоват! И на вас управа найдется.

— Насмешил! Дела твои плохи, и спасения тебе нет. Сейчас докажу. Вот взять, к примеру, портки, что на тебе надеты. Приметные портки, по деревне в таких не ходят. А нет ли у них сзади на поясе метки из двух букв: «Б» и «У»? Ну-ка? Имеются, как и ожидалось. Ну, тут тебе и конец, дураку!

— Чево за портки? Энти? Купил я их у прохожего человека, какой в том грех?

— Вот, гляди, обезьяна. — Щукин вытащил из сюртука сложенные листы бумаги. — Челдон дал на тебя собственноручные показания. Полосатые визиточные брюки... под номером шесть идут. Сняты с Бориса Унковского, мирового судьи города Царевококшайска. Гайменники приткнули его, вещи привезли сюда, и ты их взял. Вроде бы скупка заведомо краденого, притоносодержание и укрывательство беглых в розыске. Наказание не уголовное, а исправительное, без кандалов и Сибири. Но это как поглядеть. Ты, негодь, видно, надеешься арестным домом отделаться? И вернуться годика через два домой... Не выгорит. Тут другая арифметика. Челдон, как уже осужденный ранее за умышленное

убийство, получит каторжное наказание первой степени. Что значит — бессрочную каторгу. Понимаешь, куда оно выворачивает? Не за скупку краденого, а за пособничество убийцам пойдешь. Согласно статье 124 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. По ней наказание укрывателям на три ступени ниже, чем главным виновным. Получается от десяти до двенадцати лет каторжных работ. С последующим водворением на вечное поселение в отдаленные местности Восточной Сибири.

Блатер-каин сразу сник.

Тут явилось волостное начальство с понятыми. Старший Трясисоломин начал было задираться, но история с визитными брюками заставила его смутиться и замолчать. Главная улика красовалась на обвиняемом, и от этого уже не отвертишься... Последующий обыск дал еще несколько находок. В чулане и голбеце^[78] обнаружались предметы из гардероба убитого нижегородского купца Чернонебова и его же часы с плохо соскобленной монограммой. Прodelки вскрылись со всей очевидностью. Щукин, обнаружив подозрительную вещь, сверял ее с протоколом допроса Челдона и почти всегда там ее находил.

Вдруг раздался шум, и в комнату влетел рослый мужчина с бородой, как у императора, и в полицейском мундире с прибором станового пристава.

— Это что за самоуправство в моем стане? — рявкнул он, глядя злыми глазами на приезжих сыщиков. — Почему без меня производите обыск и арест?

Щукин покосился на Алексея. Тот шагнул к приставу и сказал начальственным голосом:

— Я камер-юнкер Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. По личному поручению министра внутренних дел прибыл в Варнавин для ликвидации шайки Челдона. Совместно с варнавинским исправником штабс-ротмистром Бекорюковым шайка разгромлена, Челдон захвачен и дал признательные показания. В числе пособников указал и на Трясисоломина-младшего. Ведется полный розыск с арестом всех причастных. А вы кто такой?

Бородач изменился в лице:

— Из самого Департамента полиции? По личному распоряжению министра? Виноват, господин камер-юнкер, я не знал... Дозвольте представиться: пристав второго стана поручик Старцев Евдоким Петрович. Разрешите присоединиться к розыску? Так сказать, знаток местных обстоятельств... окажу посильную помощь...

— Не разрешаю! — отрезал Лыков. — Знаток обстоятельств... Это вы

губернатору станете объяснять ваши обстоятельства, и очень скоро! У вас под носом процветают скупка краденого, укрывательство и пособничество убийцам. Вон два вора сидят, жили здесь на постоялом дворе, а вы их не замечали? Или не хотели замечать?

— Я... я следил за ними... Хотел с поличным!

Крымов с Вырыпаевым при этих словах дружно хмыкнули.

— А укрывателю Трясисоломину вы кем приходитесь? Кумом? И вам это не мешает исполнять свои служебные обязанности? Вступить в подобные отношения с заведомым преступником — да за это надобно из службы гнать! Довольно. Идите к себе на квартиру и ждите там письменного указания господина исправника. От участия в розыске вы отстранены. По итогам операции губернатор примет решение по составу местной полиции, тогда и узнаете свою окончательную судьбу. Свободны, поручик!

Становой помялся секунду, хотел что-то возразить, но увидел на стойке ворох краденых вещей и передумал. Молча козырнул и вышел вон. А обыск продолжился.

Через два часа все было закончено. Волостной старшина с сотским увели пойманных воров — Лыков велел сегодня же доставить их в Варнавин. Сыщики закрыли дом на засов и усадили попавшегося барыгу в горнице. Было тихо, лишь за перегородкой приглушенно рыдала жена. Трясисоломин сидел молча, потерянный и бледный. Потом обратился к Лыкову:

— Ваше высокоблагородие, а дозволено будет, чтобы семейство со мною поехало?

— Решать им, но я не советую. На них казенного содержания не полагается, работы там никакой нет. С голоду помрут.

Блатер-каин закрыл лицо руками и сидел так некоторое время, затем спросил глухо:

— Сбираться, што ли?

— погоди, — ответил Щукин. — Есть один манер, которым ты можешь из-под каторги выскочить. И дома остаться.

Трясисоломин отдернул руки, пристально посмотрел на сыщика. Облизнул сухие губы и спросил шепотом:

— Сколько?

— Да нисколько. Еще и тебе маленько перепадет. Когда работать на меня станешь.

— В каком смысле?

— Осведомителем. Будешь жить, как жил, только сообщать мне обо

всем, что касается до полиции.

— Про расколы я ничего баять не стану, уж лучше в Сибирь! В Урене за такое зарежут.

— На расколы мне наплевать.

— А чево тогда вам надобно?

— Про уголовные дела.

— Э-э-э... Сельцо-те у нас тихое, доносить, почитай, што и не об чем.

— Это у вас тихое? Не дури, соглашайся. А не то я осерчаю, и полетишь в Нерчинск на казенные харчи!

— Спрашивайте, господин Щукин... Че-ино знаю, все скажу.

— У кого в селе чекан? Я точно знаю, что он тут, но у кого?

— В самом-те Урене нет — боятся. В Понуровском держат, пятнадцать верст отсель.

— Кто?

— Отец с сыном Ватрасовы.

— Что именно изготавливают и кому сдают?

— Пятишницы и десятки бумажные. Раньше и трешки делали, но доска печатная сносилась, а новой-те и нету. Еще из дерева рубли режут, оборачивают белой жостью, но это лишь для Туркестана годится.

— Кому товар передают?

— А из Гуслиц приезжают раз в два месяца и все забирают.

— Кто приезжает?

— Того мы не знаем. И не скажут, потому — не положено. На чужой каравай рот не разевай — у нас так.

— Ладно, дальше поехали. С провиантских складов запасных войск вещи пропадают. Башлыки, варежки, бязь, теперь еще и сапоги. Везут на Вятку. По цепочке передают; наверное, и здесь перекупщик имеется. Кто?

Блатер-каин молча глядел в пол.

— Ты или брат?

— Брательник...

— А спирт кто выделявает?

— Я выделяваю. Еще дядька мой, с племянниками.

— Тьфу! Весь род вор на воре... Последний к тебе, Колька, вопрос, и самый главный. Ответишь — будет тебе от меня послабление, не ответишь правды — пеняй на себя. Нет ли в вашей волости скрывающегося дезертира или там беглого?

— Дык, в зиму-те их поболее десятка набивается. В Черном бору в скиту двое иль трое; в Рамешках на кордоне завсегда кто-то живет. В Елгаевке. В Атазике, слышно, стоят всю зиму. Но по весне все уходят.

— Тот, кто нам нужен, не ушел. Есть такой?

— Один есть.

Лыков с трудом сохранил равнодушное выражение лица. Неужели след?

— Один всего?

— Да. Прочие еще Великим постом подались на заработки; до ноября не покажутся. А энтот сидит. Мишкой кличут. Из Кинешмы он. Призвали на службу, а он утек с этапа. Теперь вот мартышничает.

— Чего он тут застрял?

— Да двинулся было на Саратов, к сестре. А на пароходе опознал его один пассажир. Член присутствия по воинским делам оказался. Мишка с парохода сиганул, сюда возвратался и сидит, пережидает.

— А ты откуда все это знаешь?

— Да он сам баял.

— Заходит к тебе?

— Редко когда. Разве-либо за водкой. Третьего дня холщовую портфель приносил да кастановую шляпу ношеную.

— Краденое?

— А то...

— Что за человек Мишка?

— Кто ж его знает? Духовой. По мне, дезертир как дезертир.

— Сильно злой?

Трясисоломин потер разбитую скулу и сказал негромко:

— Да уж не злее вас...

Щукин, не вставая, ударил барыгу кулаком в бок, а когда тот с грохотом повалился на пол, принялся пинать его ногами. Целил в ребра, в почки. За перегородкой с новой силой завывала баба. Устав, сыскной надзиратель снова вернулся за стол. Колька, кряхтя и постанывая, поднялся, но сесть уже не решался, стоял поодаль.

— Ты, дурак, еще дерзить вздумал? Вот, протоколы по тебе. В них каторга прописана. Понимаешь, деревня, голова тетерья? И только от меня сейчас зависит, жить тебе в Урене или на рудниках подыхать.

Трясисоломин виновато молчал.

— Повторяю вопрос: что за человек Мишка?

— Не могу знать. Но скипидаристый, беспокойный. Един как перст, ни к кому не прибивается, даже в зиму живет на брошенном кордоне бобылем. Думать надоть, что неспроста...

— Где он сейчас?

— То место глухое. Озеро есть такое, называется Черемисское...

— Это что напротив села Сквозники?

— Точно так, аккурат насупротив будет. От того озера двенадцать примерно верст другое есть озеро, помене.

— Там, где речка Шижда?

— Никак нет, чуть в стороне. Аккурат посередине пути промеж Ветлугой и Шаманиным кордоном. Неподалеку от деревеньки Быструхи. Болота кругом, дорог никаких, одне тропки. Озеро немалое, сажений с триста, и шибко, говорят, пригожее. Сам я тама не бывал. Вот где Мишка живет...

— Шалаш, что ли, поставил?

— Надо полагать. Жилья тама нет.

— И что, он никуда с тех мест не отлучается?

— Почему? Отлучается. В озере тем токмо щука да окунь водятся, другую рыбу они всю повывели. А версты в две еще озерцо имеется. Прямо посреди леса. Махонькое, а дна у яво нету. Мужики трое вожжей вязали, меряли-меряли, а дна-те так и не достали. Вот. И тама карася кишмя кишит. Вот Мишка иногда туды отлучается. За карасями, значит.

— Как думаешь, долго он еще там просидит?

— Да, баял, через неделю на Кавказ рядил податься. Тама у него другая сестра замужем за фельдфебелем.

Щукин задал блатер-каину еще несколько наводящих вопросов, после чего сказал Лыкову:

— Ну, теперь не заплутаем, доедем.

— Сейчас выступаем?

— Нет, нынче уже не успеем. Ночевать придется на кордоне, и тамошние мужики захотят Мишку предупредить. У староверов так заведено: кто власти враг, тот их друг. Ночуем здесь, а выедем чуть свет. Вы, ваше высокоблагородие, покуда отдохните, по селу, что ли, прогуляйтесь. А я сейчас до старшего Трясисоломина дойду, ему еще мозгу вправлю. А потом сюда. До завтра отдыхаем.

— А... эта... — неуверенно начал блатер-каин.

— Чего «эта»?

— Как я объясню, что вы меня в тюрьму не увезли? Понятые ж все видали. По селу уж раззвонили...

— Не страшно. Скажешь, что откупился. С братом вскладчину. Сумму сам сочини.

— Эвона! А ведь поверят!

— Ты постарайся, чтобы поверили. Тебе тут жить, а не мне. Секретный агент, етит твою мать!

Щукин и Трясисоломин отправились в волостное правление, а Алексей пошел гулять по селу. Остаток дня прошел в праздности. Хозяин постоянного двора не знал, как еще умаслить своих гостей. Его баба, узнав, что каторга откладывается, тоже лезла из кожи вон. Сыщикам предложили даже девок за счет заведения, но они отказались.

В десятом часу, сытые и разморенные, полицианты отправились спать. Лыков вынул из вьюка суконное лазаретное одеяло, черное с зеленым полумесяцем в углу. Это был трофей с турецкой войны. Щукин ухмыльнулся и извлек из своего мешка такое же. Мужчины переглянулись, и Алексей полез за баклажкой...

Из Трехсвятного выехали при первом свете. Тридцать верст по песчаному волоку покрыли за два с половиной часа. На Шаманином кордоне оказались в половине седьмого. Несколько изб, более-менее исправных, и ни души вокруг. Проехав кордон насквозь, Щукин углубился в лес еще на четыре версты. Когда дорога круто повернула на юг, он укрыл пролетку под разлапистой елкой, выпряг и стреножил кобылу. Спрятав вещи в папоротниках, сыщики налегке двинулись по едва заметной тропинке. Бывалые люди, они делали все молча и споро, двигались без единого звука.

Иван Иванович шел первым. Хотя, по его словам, он был здесь впервые, но направление держал уверенно. Лишь однажды им пришлось вернуться немного назад, когда выбранная наугад тропа стала слишком забирать вправо.

После долгого пути без перекуров и остановок Алексей вдруг увидел впереди странное свечение. Озеро! Оно блестело и переливалось между стволами деревьев, словно огромное зеркало. Сыщики тут же сошли с тропы и скрытно подобрались к самому берегу. Лыков вынул еще один трофей — цейссовский бинокль (отобрал у плененного им бим-баши^[79]). Не успел он приложиться к окулярам, как надзиратель тронул его за плечо и сказал одними губами:

— Дым...

Действительно, на том берегу подымался к небу заметный белый дымок.

— И не боится, стервец.

Коллежский ассессор внимательно осмотрел местность. Безымянное озеро поразило его своей красотой. Окаймленное лесом, оно отражало в себе этот лес и синее небо с единственным белым облачком посередине. Более полуверсты в диаметре, озеро имело почти правильную круглую форму.

Справа в воду вторгался длинный узкий мыс, поросший у основания березками. Слева на дальнем берегу к воде выходила большая поляна. Напротив наблюдателей деревья подымались чуть выше остальной каймы — видимо, здесь проходила грива. Вокруг было тихо и безмятежно. Неподалеку кормились две утки с крохотными утятами; по листьям кувшинок скользил бесшумный ужик. Стая окуней размером с ладонь мельтешила прямо у берега, хорошо различимая в прозрачной и чистой воде. Хорошее место выбрал себе Мишка-дезертир!

Между тем пора было приступать к делу. Дым от костра видимо слабел — хозяин перестал следить за огнем. Вскоре Лыков разглядел его в окуляры бинокля: Мишка уселся на берегу с удочкой. Шепотом сыщики посоветовались и решили разделить. Иван Иванович двинулся в обход озера слева, а Лыков — справа. Очень скоро он оказался на тропе, огибавшей озеро; при этом тропа с воды не просматривалась. Быстрым шагом, а иногда и бегом Лыков всего за двадцать минут обошел берег и оказался в ста шагах позади дезертира. Тот безмятежно удил рыбу. Щукин явно отстал от коллежского асессора — из-за той открытой поляны, которую требовалось обходить лесом. Рассчитывать Алексей мог только на собственные силы, но в них он был уверен. Пора!

Алексей прокрался мимо тлеющего костра. Заглянул на всякий случай в шалаш — нет ли там кого. Пересек подлесок и оказался прямо за спиной преступника. Тот все еще не замечал опасности и увлеченно таскал окуней. Клевало у него отменно, так что Лыкову самому захотелось тут поудить.

Зайдя прямо за спину дезертиру, Алексей как следует его разглядел. Крепкий парень! Плечи налитые, шея тоже что надо. Ну да и не таких брали... Оружия при нем не видать, только если нож в сапоге.

— Эй, Мишка! — окликнул сыщик дезертира. Тот выронил от неожиданности удочку и резко развернулся. Глаза черные, злые. Неужели это тот самый маньяк?

— Ты еще кто такой? — спросил парень, озираясь по сторонам.

— Я? Рыболов. Тухлую рыбу ловлю. Вот навроде тебя...

— Да ты сыщик? По мою душу явился? — ощерился Мишка, глаза его сделались совсем бешеными. — Ну, получи что искал!

И, выхватив из сапога нож, кинулся на Лыкова. Тот мгновенно навел на него револьвер:

— Замри!

Но дезертир и не думал останавливаться, а пер на коллежского асессора, как секач во время гона. Алексей замешкался. Выстрелить в ляжку? Тащи потом этого дурня на себе до пролетки двенадцать верст!

Между тем времени на раздумья не было, а биться голыми руками против ножа Лыков не собирался. Поэтому с трех оставшихся шагов он пустил заряд преступнику под правую ключицу. Тот вскрикнул, выронил нож и зашатался. Сыщик шагнул вперед и задвинул Мишке кулаком в ухо. Все.

Послышался треск валежника, и на берег выскочил запыхавшийся Щукин.

— Готово, Иван Иванович, — успокоил его Лыков. — Просверлил в нем дырку для пользы дела. С ножом на меня попер...

— Живой?

— Еще как живой!

Алексей за бороду приподнял дезертира с земли. Тот скулил и держался за плечо, между пальцами у него лилась кровь.

— Ключица? — сразу успокоился надзиратель. — Хороший выстрел. Самое неопасное место. Сам пусть идет, сволота!

Мишку быстро перевязали, дали хлебнуть водки из баклагы. Тот лязгнул зубами, сделал несколько крупных глотков и постепенно успокоился. Лицо сделалось бледным и отрешенным — парень понял, что попался.

Обыск в шалаше и вокруг него дал важные находки. В дупле сосны лежал револьвер с тремя патронами в барабане. А под корнями вываленной сосны, завернутые в клеенку, обнаружили дамский зонтик с перламутровой ручкой и бурнус со стеклярусом. Щукин, как увидел их, сразу заиграл желваками:

— Ах ты, падаль! То ж дьяконицы вещи!

— Знать не знаю, купил на пароме у незнакомого мужика...

— В селе Баки с месяц назад пропала дьяконица, — пояснил Щукин Алексею. — Пошла за строчками и не вернулась. Это ее зонтик и бурнус.

И повернулся опять к дезертиру:

— Ты, сволочь, у меня сознаешься. Обязательно. И место укажешь, где тело скрыл. И про то, как отроков в Варнавине душил, тоже изложишь.

— Каких таких отроков? Вы че на меня наговариваете? — взвизгнул дезертир.

— Иван Иванович, гляньте-ка сюда, — позвал Лыков сыскного надзирателя. — Вот, в шалаше нашлось. Дьяконица, может, и его рук дело, но детей душил кто-то другой.

— Это почему же?

— Имеется проходной билет на имя мещанина Михаила Иванова Салова. К нему командировочное свидетельство и постатейный список^[80], выданные кинешемским воинским начальником. Место службы — 43-й

Охотский пехотный полк. Бумаги помечены маем прошлого года.

— Май прошлого года? — не поверил Щукин.

— Да. А наш маньяк убивает детей уже три лета подряд.

22. Похождения Фороскова

Петр пришел в кабак Коммерческого за полчаса до полуночи. Посетителей уже выставляли взащей. Среди последних сыщик заметил нескольких горчишников из шайки Вани Модного. Потеря главаря далась им тяжело: парни остались и без любимого занятия, и без водки. Похоже, хулиганству в Варнавине пришел конец. А как возьмут пяток человек на военную службу, то и совсем тихо станет...

— Глянь-кося, тот заявился, — толкнул один горчишник другого. — Что Петьку с лавки спихнул.

— Ага! Мазура какая: он тады Ване чевой-то сказал, а Ваня опосля тово и сгинул... Давай ево спросим: не ен ли жожака нашего подвел?

— Давай. Товарищи, все сюды! Мы злыдня споймали!

Из кабака выскочили еще трое хулиганов:

— У, лешов змий! Не иначе, как ен сбедокурил, Ванятку погубил. Тащи ево на свет, щас он нам все обскажет!

Парни попытались схватить Фороскова за плечи, но тот вывернулся, извлек револьвер и щелкнул курком:

— Цыц, детишки! Дядя шутить не любит.

Горчишники с горестными криками бросились вдоль по улице в темноту, и сыщик беспрепятственно вошел в кабак.

— Вечер добрый, Нил Калинович. Как вы сказали, пришел ближе к ночи. Уже закрываетесь?

— Да, пора. Опять же, вашей беседе чтоб никто не помешался. Проходите вон в тою комнату.

Форосков шагнул за перегородку. Навстречу ему поднялись двое. Один, лет сорока, с бородавкой на носу, с умными хитрыми глазами, протянул крепкую руку:

— Иосадоат Сергеевич меня крестили. Но можно и Проживной.

— Проживной? Не вы ли в Москве, на Каменщиках^[81] удавили черкеса за то, что он на образ харкнул?

— Хм... А от кого, позвольте полюбопытствовать, вы об том слыхали?

— От Болдохи с Замоскворечья.

— Хороший человек, да больно простосерд...

— Верно говорите. Но каким манером, господин Проживной, вы оказались в этом богом забытом городишке?

— Приставлен к нему наблюдать за порядком.

— От Костромы?

— От Москвы. По указу господина Мячева.

— Самого Михаила Ильича? Серьезный мужчина. А это кто с вами?

Второй человек по виду был обыкновенный «утюг»: высокий, широкоплечий, с низким лбом и сосредоточенно тупым лицом.

— Да просто хороший малый. Чечуй его кличут, со мной ходит.

— Ага...

Форосков, не удостоив Чечуя даже кивком, сел за стол. В дверях появился кабатчик:

— Всех выставил и запер. Можно баять.

При этих словах «хороший малый» зашел Петру за спину и навис над ним. Проживной стер с лица улыбку и сказал:

— Отдай ему шпайку^[82].

Форосков посмотрел на хозяина заведения, тот молча кивнул. Тогда сыщик медленным движением вытянул из-за пояса «смит-вессон» и передал его назад. Чечуй пошарил у Петра в карманах, изъяс кастет:

— Таперя чистый.

— Ну что, господин не знаю как звать, — начал «иван» угрожающим тоном. — Колись, как вы с Лыковым Ваню Модного рассказировали.

— Лыков — это кто? — небрежно спросил Петр, развалившись на табурете.

— Сыщик это. Приехал из Питера.

— А с какого ляда ты решил, что я его знаю? За такие слова знаешь, что бывает?

— Еще пугаешь? — усмехнулся уголовный. — Сейчас поглядим, что запоешь... Плохо твое дело. Не нравится нам очень вчерашняя победа^[83]. Только ты с Ванькой о чем-то засекретился, как сыщик Лыков тут же взялся его искать.

— А за что? За сожженную баню, что ли? Другим этот щенок ничем прославиться не успел. И, стало быть, за эту баню аж из Питера приехал сюда сыскарь. По его телячьей душе, казнить здешних горчишников... За дурака меня держишь? Ты, Иосадоат Хренович, ври-ври, да не завирайся!

— Сам не завирайся! — начал сердиться «иван». — Что у тебя за дело было к Ваньке?

— То самое, что я Нилу Калинычу рассказывал. Зорик^[84] я тут высматриваю.

— И чего?

— И того. Предложил Ваньке глаз-на-глаз. Я его папашу давлю, он

входит в наследство через два месяца и маслякает мне за это десять косуль^[85].

Проживной с кабатчиком переглянулись. Коммерческий потербил бороду и пробасил:

— Ловко! Дело-то хорошее, токмо у Ваньки таперя не спросишь.

— Эй, лупоглазый, — бросил Форосков через плечо. — Я сейчас бумажку одну из кишени^[86] достану, смотри там, со страху не обделайся.

Чечуй злобно заворчал. Форосков, не обращая на это внимания, достал лист бумаги:

— Вот. Мы с парнем уже сговорились. Он мне и план дома нарисовал, а крестом означил кассу. Нил Калиныч, вы его руку знаете?

— Знаю, — пробурчал кабатчик. Они с «иваном» долго рассматривали план, потом Коммерческий хмуро подтвердил:

— Его, стервеца, рука. Собственного, значит, тятеньку приговорил? На него, аспида, похоже!

Обстановка в комнате сразу разрядилась.

— Поняли теперь, какого тырбана лишил меня этот щенок? Имея собственноручную его записку... Как бы он от меня отвертелся?

— Да... — пробормотал Проживной. — Светлая у вас голова, Петр Зосимович. Нам бы такое и в ум не пришло! Примите извинения.

— А он точно не сам на себя руки наложил? Может, совесть заела? Родного папашу уделать...

— Нет, не сам...

— А кто же тогда его?

— Разбираемся, — отрезал «иван».

— Ну, вы разбирайтесь, а я убытки нести не должен. И зорик менять не стану. Возьму, что аллах пошлет, и покину ваш гостеприимный город.

— Это вы что имеете в виду, Петр Зосимович? — встревожился кабатчик. — Решили все-таки старика удавить?

— Для какой надобности? От него мертвого мне теперь никакой пользы. Сынок с наследства мог отстегнуть, а теперь-то чего? В дом залезу. Как все на похороны уйдут.

Коммерческий с Проживным опять переглянулись, и на лице «ивана» появилась одобрительная улыбка:

— У вас во лбу прямо Правительствующий Сенат! Что умыслили! Все, значит, из дому, а вы в дом. Ловко!

— Ну, все-то не уйдут. Повар останется готовить поминальный обед, да с ним один-два помощника. Однако же в сравнении с обычным днем

можно сказать, что особняк будет пустой. Не до сторожей станет Селиванову — единственного сына в землю кладет!

— Чечуй, верни господину Фороскову его вещи, — распорядился «иван».

— Нил Калиныч, вы обещали мне пару фреев подыскать, — напомнил Петр, рассовывая оружие по карманам. — Похороны завтра. Где ваши людишки? Дом большой, одному не справиться...

— Первый вот Чечуй. Годится он вам?

Форосков оценивающе поглядел на «утюга»:

— Парень что надо, спору нет. Главное, чтобы он сам ничего не делал, а только то, что я велю.

— У Чечуя своих мыслей не бывает, — успокоил его Проживной. — А так он очень исполнительный. Сдаю его в кортому^[87] за десять процентов.

— Годится. А кто второй?

— Второй будет Ванька Перекрестов. Это который от Челдона отлучился и тем спасся, — пояснил кабатчик.

— Вы, Нил Калиныч, видать, с дуба съехали! Если он один из всех спасся, стало быть, он-то полицию и навел. И вы мне теперь этого капорника^[88] во фреи сватаете? Спасибо. Оставьте такое добро себе.

— Ванька не капорник, мы проверяли, — вступился за кабатчика «иван». — Ему щаска^[89], что живой остался. Сидит нынче на хазе и лопает без просыпу. Никак в себя не придет.

— И на кой черт он такой нужен? Чтобы дело мое провалить? Опять же, во второй након^[90] удачи не бывает. Кто еще есть? У которого руки не трясутся...

— Подумать надо, — запустил пятерню в бороду Коммерческий.

— Думать некогда, вынос через десять часов. Ну?

Кабатчик молчал. Зато вмешался Проживной:

— Петр Зосимыч, не пори горячку. Отложи понт^[91], двоим вам не управиться.

— Сухари!^[92] И не такие дела выгорали. Возьму слам — только меня и видели. Адью, господа!

На пороге Петр повернулся к Чечую, ткнул в него указательным пальцем:

— Утром у меня. Иметь при себе шлейку и платок, чтобы рожу замотать.

Палец переместился на Проживного:

— Десять процентов.

Тот молча кивнул.

— Где будем слам тырбанить?

— На кузне Снеткова. Это...

— Знаю. К полудню пусть там будет мой багаж. И извозчик наготове.

— Сделаем.

Форосков ушел. Кабатчик запер за ним дверь, и тотчас же из каморки появился Щукин.

— Ну? — обратился он к «ивану».

— Наш брат, фартовый, — убежденно ответил тот.

— Уверен?

— Только фартовому, да еще не всякому, а лишь первосортному, придет на ум использовать для покражи уборку^[93].

— Это же мародерство, — скривился Щукин. — На войне за такое расстреливают.

— Эх, Иван Иванович, — уголовный похлопал Щукина по плечу. — Для настоящего фартового ваши законы — тьфу и растереть! Форосков как раз из них. Договориться с сынком, что он его папашу за десять косуль в лапшу разотрет... Надо запомнить мыслишку! И вообще, я, кажется, про него слышал. Было что-то такое. То ли в Нижнем Новгороде, то ли в Сормове...

— Ладно, убедил. Скажи еще, что с Ванькой Перекрестовым делать? Бекорюков велел его поймать.

— Да забирай, не жалко. Он у Снеткова в овине сидит. Водку жрет не просыхая. Ванька теперь не работник...

— Вели ему пока там оставаться.

— Ванька каждый день в Кострому просится. Страшно ему тут.

— Пусть сидит! У меня на него виды есть.

— Ладно. А чего мне с Форосковым делать? Отдавать ему своего парня али как?

— Нет. Ограбления Селиванова я сейчас допустить не могу. Ревизор к нам едет от губернатора. Скандалы не нужны.

— Петр Зосимыч ждать не желает.

— Мало ли, чего он не желает. Не ему решать, кого и когда в Варнавине грабить.

— Стало быть, Чечую утром отдыхать? И мне вещи Фороскова не забирать и извозчика не готовить?

— Да. Понт я отменяю. Недели на две. Ну, бывай, Иосадоат Сергеич. Делов полно. Сегодня базарный день, а завтра в Урень тащиться...

Сыщик и «иван» дружески пожали друг другу руки и разошлись. Щукин направился в почтово-телеграфную контору. Побарабанил в

запертую дверь, ему открыл заспанный дежурный.

— Для меня есть что?

— Шифрованный экспресс из Нижнего.

— Неси.

Расписавшись в секретном журнале, сыскной надзиратель пошел на службу. Там при свете лампы он уселся за кодовой книгой и долго переводил телеграмму. Было видно, что бумажная работа дается ему с трудом. Наконец Щукин закончил расшифровку и прочитал следующий текст:

«Форосков Петр Зосимович хорошо знаком Нижегородскому сыскному отделению. Настоящее имя — Иван Михайлов Овцын, из балаковских мящан. Искусный механик и оружейник, выдающийся стрелок. В 1879 году изготовил самодельное оружие для шайки известного налетчика Тиунова. В 1880-м участвовал в попытке ограбления кассы Сормовского завода. В обоих случаях сумел избежать ареста и скрыться. С тех пор, видимо, старается работать один или с малым числом разовых сообщников. Склад ума незаурядный, способен придумывать оригинальные ходы. Весьма опасен при задержании. Приговорен заочно к восьми годам каторжных работ. Поимочное свидетельство^[94] вышлем по первому требованию.

Помощник Нижегородского полицмейстера —

начальник сыскного отделения к.а. Богородский».

— Та-а-к... Ишь ты! — пробормотал Щукин, убирая телеграмму в стол. — Не простая птица. Ну, тем лучше.

По пустым улицам сыскной надзиратель отправился на постоянный двор Подшибихина. Было тихо и по-ночному прохладно. Ни один огонь не горел в окнах домов. Из-под ворот высывались кое-где собачьи морды и злобно рычали, и лишь это нарушало тишину спящего уездного городка.

Придя на место, Иван Иванович ловко перелез через забор, зашел в дом со двора и привычно двинулся черным ходом на второй этаж. Отыскал номер Фороскова, прислушался. Ни звука. Щукин сунул было в замочную скважину отмычку, но она натолкнулась на вставленный с той стороны ключ. Тогда надзиратель вынул миниатюрные воровские щипчики. Опустился на колени, повозился чуток и беззвучно повернул ключ в замке.

Поднялся, отряхнул шаровары и шагнул в номер. На столе чадила свеча, и в ее отблесках угадывалась лежащая на кровати фигура. Вдруг из-за косяка высунулся ствол револьвера и уткнулся сыщику в скулу.

— Петр Зосимович, это я, Щукин, — поспешно сказал надзиратель. — Поговорить надо.

Ствол чуть подтолкнул незваного гостя вперед. Дверь закрылась, ключ в замке повернулся, и Форосков вышел на середину комнаты. Оружие он держал наготове.

— Иван Иванович? Странная у вас манера ходить в гости. Почему не постучали?

— Хотел проверить, насколько крепкий у вас сон.

— Проверить сон? Да я вашими мозгами чуть потолок не забрызгал! Не люблю я подобных шуток!

— Будет вам, — равнодушно буркнул сыщик, усаживаясь на табурет. — Ничего мне не угрожало. Такие, как вы, сначала думают, потом делают. Повторяю, нужно поговорить.

Петр присел на кровать, где лежала прикрытая одеялом его шинель. «Смит-вессон» он держал на коленях.

— Я не могу разрешить вам ограбление дома Селиванова. Откажитесь от него.

— Что так? Аль я хуже людей, что везде стоя пью? — ухмыльнулся «налетчик».

— Мародерство это, а не ограбление. Народ взбеленится: человек сына хоронит, а к нему воры лезут.

— Да плевать мне на всех! Момент уж больно удобный, потом такого не будет.

— Вам плевать, а мне нет. Мы с исправником и так на волоске висим. Из-за этого треклятого маниака губерния очень нами недовольна. Ревизор сегодня в обед заявится... Надо обождать.

Форосков нахмурился:

— Я понимаю, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят...

— Правильно понимаете, — перебил его надзиратель. — Тут до вас люди жили и после вас жить хотят. Я запрещаю.

— Но мы же договорились!

— Я помню, о чем мы условились. Будет вам зорик. Хороший, жирный-наваристый. За городом, отсюда в восьми всего верстах. Через две недели.

«Налетчик» задумался:

— Еще две недели в этой дыре... А какие гарантии?

— Гарантии в моем интересе. Но сейчас не ко времени. Уедет ревизор, Селиванов схоронит сына, и все успокоится. Я с одним пришлым господином завтра отлучусь в уезд, ловить того самого маниака. Если получится, тогда нам всем амнистия. Исправнику сойдет с рук любое происшествие в уезде. Тут-то вы и подломаете свой зорик. После того мы с вами честно делим дуван, и езжайте, куда хотите.

— Хорошо, Иван Иванович. Имение — штука знатная. Там много добра можно наместить. Договорились!

23. Золото камергера

Четыре человека сидели в кабинете Бекорюкова и уныло молчали. Одним был сам хозяин. Веером вокруг него расположились пристав Поливанов, сыскной надзиратель Щукин и находящийся в отпуску коллежский ассессор Лыков.

— Ладно, к черту сопли! — объявил, наконец, штабс-ротмистр. — Ну, не нашли вы маньяка. Зато раскрыли убийство дьяконицы из Баков. Месяц уже, как следствие открыто, и никаких улик. А тут злодей доставлен на блюдечке и с уликами. Иван, я прикажу выдать тебе пятнадцать рублей наградных. Ты молодец.

Щукин иронически хмыкнул, но промолчал. Зато заговорил Лыков:

— Хорошо, конечно, что одним гаденышем меньше стало в лесах, но ловили-то мы не его! Давайте решать, что дальше делать. Есть же у вас какая-никакая агентура.

Пока исправник с городским приставом сокрушенно переглядывались, Щукин вдруг произнес:

— Агентура уже кое-что доложила.

— Иван Иванович, ближе к делу! — оживился штабс-ротмистр. — Неужто ниточку дашь?

— Сейчас сами рассудите, ваше благородие. Целовальник из Шудского кабака рассказал: у Базилевского в поместье проживает посторонний.

— У Базилевского? — скривился поручик. — Ну и что с того? Мало ли к господину камергеру гостей приезжает?

— Гость уж больно особенный. По виду настоящий варнак. Жил все это время при хозяине, тайно. А второго дня явился к кабаку и стал там к бабе приставать. Что мимо шла. Крестьянин сделал ему замечание. А «гость» его за то ножом угостил!

— Ножом? — заинтересовался Бекорюков. — Кто же этот пылкий юноша?

— А неизвестно. Но Базилевский сразу прибежал на выручку. Сунул мужику сотенную бумажку да бабе пятнадцать рублей. Чтобы, значит, молчали. И увел варнака обратно в поместье.

— Любопытно... — глубокомысленно пробормотал Поливанов. — Сей камергер темная фигура. Давно следовало бы его проверить.

— А что в вашей лесотундре делает целый камергер? — поинтересовался Лыков.

— Иван Викторович Базилевский проживает в своем имении под негласным надзором полиции, — пояснил исправник. — Почему он удалился сюда из столицы — никто в точности не знает.

— Я слышал, что здесь замешана женщина, — вставил Поливанов. — А именно его, Базилевского, жена, Наталия Петровна. Я видел ее прошлым летом. Пикантная штучка! Говорят, она приглянулась одному из великих князей, и мужа решили... хе-хе... удалить. Чтобы не мешался. В результате он здесь, а она в столице. Очень удобно.

— А я слышал другое, — возразил штабс-ротмистр. — Что у Базилевского вышло столкновение с бароном Гинсбургом. На почве состязания амбициями. Иван Викторович потребовал у этого иерусалимского дворянина^[95] удовлетворения, а тот с перепугу сразу побежал жаловаться государю. А поскольку Гинсбург личный банкир семейства Романовых, то выехать из столицы предложили не ему, а Базилевскому. Еще добавлю, что человек он вполне светский и с кем попало якшаться не станет.

— Значит, нужно срочно ехать туда, — заявил Лыков. — Знаю я этих светских людей! Не дай Бог повернуться к ним спиной... Что еще сообщает о нем ваш источник, Иван Иванович?

— Варнак проживает в Шудской даче уже второй или третий год. Человек беспокойный, дурного нрава. Пьет беспробудно. Но хозяин его тем не менее для чего-то держит. Причем возле себя, в главном доме. В деревню или еще куда до сих пор не выпускал. Они вдвоем шляются по лесам, что-то ищут.

— Господа! — воскликнул поручик Поливанов. — Вот что мне сейчас пришло на ум! Мы ищем маньяка среди беглых, дезертиров, на худой конец, сумасшедших. А почему маньяком не может быть сам камергер Базилевский? Его алиби никому и в голову не приходило проверять.

— Погоди, Николай Орестович, — остановил его исправник. — Господин камергер находится у нас под надзором с позапрошлого года. А убийства начались на год раньше.

— Ну и что? Базилевский до приезда сюда каждый год навещался в поместье. И именно летом! От Варнавино до Шуды примерно тридцать пять верст. Удавил ребенка — и шмыг к себе! Ищи-свищи. Надобно Базилевского с его варнаком арестовать, прислугу допросить. Кто из них двоих маньяк, сразу станет ясно.

— Хм... Арестовать камергера высочайшего Двора... — засомневался Бекорюков. — За такое и со службы могут попросить. У Ивана Викторовича пол-Петербурга друзей. Они же меня размажут! Тут нужны

более веские основания, чем донос целовальника из сельского кабака.

— Надо ехать и брать варнака с ножом, — предложил Лыков. — А там как повернется. Если тот и вправду подозрителен — возьмем и камергера, как укрывателя.

На том и порешили. Через четверть часа знакомая полицейская пролетка уже везла двух сыщиков на север. Сначала они подымались вверх по Лапшанге. Мелькнул поворот на Нефедьевку и скрылся из глаз. Как там семейство? Варенька, Брюшкин с Чунеевым? Хорошо отпуск проходит — в розысках да арестах... Верст через пятнадцать перебрались на другой берег реки и углубились в лес. Ветлуга осталась где-то далеко справа. Вятский тракт был хорошо обустроен, лошадь несла быстро. В отличие от поездки в Урень, движение на шоссе было здесь очень оживленным. То и дело попадались обозы, телеги и отдельные экипажи. Пролетела курьерская почта, встретила даже колонна арестантов под конвоем — шла на Нижний Новгород. У Карелихи пролетка сошла с тракта на сельский большак и через час оказалась в Шуде.

Сама деревня, не очень значительная, вытянулась по обеим сторонам большака. Направо лес был сведен, и открывался красивый вид на пойму Ветлуги — до нее было около пяти верст. В полугоре стоял старинный барский дом, обшитый кое-где новыми досками. Неподалеку артель мужиков рыла длинную яму под фундамент.

— Господин камергер решил заделаться промышленником, — ткнул в их сторону надзиратель. — Возводит сразу и коровник, и свинарник, и маслоделательный завод. Хочет даже сыр в нем изготавливать.

— Сыр? — покачал головой Лыков. — В этих местах? Это ему тогда придется сначала породистое стадо заводить.

— Уже завел. Еще, говорят, стекловаренный завод собирается где-то в лесу ставить.

— А для стекла потребуются залежи высококачественного кварцевого песка, причем поблизости.

— Базилевский и песок нашел. Предприимчивый! Заметьте, Алексей Николаич, строить собираются из кирпича. Такого и в Варнавине не заведено, а тут будет. Шудская дача — третья в уезде после Поливановской и вашей. Ежели с умом взялся — капитал хороший!

За беседой они подъехали к главному дому. Лыков на ходу ловко соскочил с пролетки:

— Вы входите через парадное. И громко требуйте выдать вам зачинщика вчерашней драки. А я с угла покараулю — может, кто и прибежит...

Так оно и вышло. Щукин с шумом подлетел к главному входу, обращенному на реку. Топая сапогами, он вбежал в дом. Алексей едва успел стать под окном, как оттуда, чуть не ему на голову, свалился какой-то узел. Следом полез мужик. Сыщик дал ему спуститься, набросился сзади, схватил за шиворот и сильно хватил оземь. Пока озадаченный беглец приходил в чувство, Лыков вынул у него из сапога нож. Тот оказался странным: рукоятка из корня сосны, а лезвие запущенное, тупое. Таким ножом можно только напугать, а зарезать не получится...

Развернув неизвестного к себе лицом, Алексей увидел типического бродягу. Неопрятная борода, гнилые цинготные зубы, взгляд испуганный и ошарашенный. Одет в пестрорядиновые порты и суровую рубаху под драным чапаном, на ногах — старые отопки.

— Имя?

— А вы кто такой будете, чтобы...

Докончить беглец не успел — Лыков отвесил ему сильную затрещину:

— Имя?

— Лонись-лонской^[96] был Иван Не Помнящий Родства, — с достоинством бывалого арестанта ответил варнак.

— Что в узле? Развязывай!

Бродяга поспешно раскрыл узел — там оказались портянки, рваные подштанники и несколько фунтов табака.

— Иди в дом!

Там в обширной передней разгорался скандал. Барин лет тридцати, с породистым округлым лицом, напирал на невозмутимого Щукина и кричал:

— Еще раз говорю вам, господин ищейка, что никаких посторонних в моем доме нет и никогда не было! И обыск устроить я вам не позволю! Вон отсюда!

Появление Ивана Не Помнящего Родства под конвоем Лыкова заставило помещика тут же замолчать. Зато оживился надзиратель:

— Вот! А крику-то, крику... Врете представителям власти — а ведь вы камергер двора! И не стыдно вам?

Лыков выступил вперед:

— Иван Викторович Базилевский?

— Да. С кем имею честь?

— Коллежский ассессор Лыков Алексей Николаевич, чиновник особых поручений Департамента полиции.

— Департамент полиции? В нашей Тмутаракани? Потрудитесь объяснить. Вы присланы сюда шпионить за мною?

— Скромнее надо быть. Не весь мир вращается вокруг вашей персоны... А объяснять будете вы, а не я. Что это за человек вылез сейчас из окна вашего дома? И не он ли вчера у кабака ранил местного крестьянина?

— А у вас что, имеется заявление означенного крестьянина? — быстро переспросил помещик.

— Для ареста бесписьменного бродяги никаких заявлений не требуется. Так же как и для задержания укрывателя беглых. Достаточно самого факта укрывательства. Собирайтесь — поедете с нами в уездное управление полиции.

— Но почему вы решили, что я прячу именно беглого каторжника? Это крестьянин из Горок, я нанимал его на работы.

— У нас с сыскным надзирателем Щукиным глаз наметанный. Сибирского варнака от камергера отличаем. И потом: впервые вижу крестьянина по имени Иван Не Помнящий Родства.

— Я все-таки протестую!

— Мы зря тратим время. Вы подозреваетесь в том, что занимаетесь притонодержательством. В Селенгинск захотели, Иван Викторович? Был я там — ничего интересного, уверяю вас!

Не давая хозяину опомниться, Лыков опечатал его кабинет и задержал лакея и экономку. В Варнавин возвращались уже в трех экипажах. В первом Щукин вез связанного бродягу, во втором одиноко путешествовал камергер, в третьем Алексей следил, чтобы задержанная прислуга не сговорилась между собой. Базилевский пытался объяснить с коллежским асессором, но тот отказался слушать его в отсутствии начальника полиции.

Так всей толпой и ввалились в управление. Был тихий субботний вечер. Бекорюков с Поливановым встретили приехавших сурово. Щукин доложил начальству обстоятельства задержания подозреваемых. После этого бродяга сразу же был препровожден в холодную. Лакея и экономку развели по разным комнатам, и Иван Иванович приступил к их раздельному допросу.

— Ну, а вы, господин Базилевский, сообщите нам, что за лицо скрывалось у вас все это время, — заявил арестованному исправник.

— А какое «это»?

— Запираться решили? — рывкнул Галактион Романович, искусно разыгрывая гнев. — Тоже угодно в холодную? Дворянской камеры у нас нет, поэтому ознакомьтесь с клопами!

— Я все-все расскажу, — с готовностью ответил камергер.

— Так-то лучше... Мы слушаем.

— Схваченного вами человека зовут Шура Запойный. Настоящее его имя мне не известно. Он действительно бродяга, бежавший с Зерентуйских кабинетских приисков. Я выписал его к себе, как специалиста.

— Специалиста в какой области?

— То, что я вам сейчас скажу, господа, покажется сначала очень странным. Даже неправдоподобным.

— Говорите, говорите, мы слушаем...

— Это большой секрет!

— Господин Базилевский! — снова рыкнул исправник.

— Шура Запойный понадобился мне как специалист в области золотодобычи.

— Что?!

— Именно. Я нашел в реке Шуде, протекающей по моей земле, золотой песок.

— Золотой песок? В Варнавинском уезде? — вскричал Бекорюков. — Вы когда перестанете смеяться над нами? К клопам, немедленно к клопам!

— Я абсолютно серьезен, — сказал Базилевский, извлекая из кармана сюртука мешочек синего бархата. — Вот, не угодно ли взглянуть. Я намыл это под руководством Шуры Запойного.

И он высыпал на стол большую горсть темно-серых, с тусклым блеском, крупинок.

— Что это? — склонились над ней полицейские. — Какие тяжелые!

Лыков взял несколько крупинок, покатал на ладони, одну попробовал на зуб:

— Это шлихтовое золото, господа. Кажется, очень хорошее. Я встречал такое в Забайкалье.

— Золото? — недоверчиво спросил штабс-ротмистр. — Но почему же оно не блестит? Серое какое-то...

— Нужен аффинаж. Очистка и обогащение. Господин Базилевский, вы действительно нашли это в вашей лесной речке?

— Да. Два года назад, случайно. Когда искал в Шуде кварцевый песок для задуманного мною стеклоделательного завода. Сначала, естественно, сам не поверил. Отвез провизору. Этому... как его? Которого недавно громили.

— Бухвинзеру.

— Да, Бухвинзеру. Попросил проверить. Золото, говорит! С незначительной примесью свинца и платины. С тех пор я будто заболел...

Лицо камергера покраснелось, глаза лихорадочно блестели:

— Вы должны понять меня! Золотой песок — в Шуде! Уму

непостижимо... И об этом знаю только я. Но что делать? Как использовать неожиданное сокровище? Я живу один, с женой отношения сложные, вокруг тайга. Если вдруг о моей находке станет известно, то всему конец! Шуда протекает не только по моим землям. У Базилевских лишь последние десять верст перед впадением в Ветлугу, а длина всей реки — более сорока. Имеются большие притоки: Боровая, Молосная, Тупиха. Где именно вода вскрыла жилу? Достаточно поставить перед моими землями запруду — и все, золотоносный поток прекратится! Я очень боялся огласки и сейчас боюсь. Господа, вы же тоже дворяне! Не выдавайте пока моего секрета, дайте мне предварительно подготовиться! И потом: я не совершил ничего противозаконного.

— А укрывательство беглого? — хищно ухмыльнулся штабс-ротмистр.

— Виноват! — прижал к груди белые холеные руки Базилевский. — Казните! Ешьте с кашей! Но... так ли велико мое преступление? Шура Запойный оба эти года жил под моим неусыпным надзором. Уверяю вас, он никому не причинил никакого зла. Мы даже сдружились... насколько это возможно между людьми разного воспитания. Трезвый он просто душе-человек, самобытный философ и отменный рассказчик. А пьяный мрачнеет и уходит в себя. Но не буянит! У Шуры была тяжелая жизнь. Но это добрая натура!

— А у кабака что случилось? — не выдержал Лыков и выложил на стол отобранный у бродяги нож. — Ваш самобытный философ напал на крестьянина и нанес ему ранение. Зачем доброму человеку такой тесак?

— Увы, — сокрушенно вздохнул Базилевский, — что-то подобное было неизбежным. Сколько волка ни корми, а он в лес смотрит. Приходилось ли кому-нибудь из вас общаться с бродягами?

— Приходилось, — коротко ответил Алексей.

— Вот! Тогда вы должны меня понять. Бродяга ведь от слова «бродить». Дайте ему угол, хлеб и вино, и он первое время будет вам благодарен. А потом начнет тосковать. Это сорт беспокойных людей, им тошно на одном месте. Потребность шататься, видеть новые лица, выживать, бороться, попадать в переделки... У них это называется: служить на посылах у генерала Кукушкина. И при этом никакой ответственности за кого-то еще, кроме себя. Нет ни семьи, ни родных — ты никому ничего не должен. Все равно, что будет завтра, есть только сегодня! Вот такой и Шура Запойный.

— Вы полагаете, он нарочно?

— Убежден в этом. Он сбежал из-под моего надзора и тут же спровоцировал поножовщину, именно чтобы вернуться назад, к своим. И

ткнул-то для вида, только кожу раскровенил... Сам, поди, боялся излишнее зло причинить... Последние несколько месяцев Шура только о Сибири и говорил. Рассказывал, как хорошо жилось ему на Усть-Каре. В этой... как ее?

— Юрдовке, — подсказал коллежский ассессор.

— Да, именно в ней! Представляете, господа? Оказывается, многие арестанты бегут с каторги лишь до ближайшей пригородной слободы! Там вокруг каждой тюрьмы имеются такие слободы, по характеру — сплошные притоны. Беглые живут в них годами. И это их вполне устраивает. По ночам воруют или грабят, а днем пьют вино и играют в карты. Удивительные порядки... Шура Запойный, бежав из-под стражи, поселился в халупе в пятистах саженях от тюрьмы. И когда его горемычных товарищей выводили на работы, он спокойно подходил к колонне, передавал друзьям табак или вино, беседовал... На глазах у конвоя!

— Это так, — подтвердил Лыков. — Сюда, в европейскую часть страны, возвращаются или истосковавшиеся по родным случайные арестанты, или уголовные высокого ранга. Поскольку в столицах легче укрыться и промышлять. А многие рядовые злодеи, мелкого, так сказать, полета, так и остаются в юрдовках. Пока не помрут от белой горячки или в пьяной драке свои же не зарежут. Так ваш варнак именно бродяга? Не уголовный?

— Бродяга. Совершенно незлобивое существо! Никого в своей жизни не обидел. Ну, воровал, конечно, чтобы с голоду не помереть. Но и только! И этого Степку Глотова он вчера пырнул исключительно ради скандала, протокола и ареста. Видели бы вы этот порез! Суцая царапина.

— Шура Запойный — горбач?

— О, господин Лыков! Я вижу, вы разбираетесь в этих материях. Да, Шура горбач. Дикий старатель. И очень опытный, бывалый старатель. Несколько лет он мыл золото в безымянных речках Забайкалья, и всегда успешно. Успешно в двух смыслах. Во-первых, он приходил осенью в свою Юрдовку живой. А это трудно и не всем удается. На горбачей, идущих зимовать в свои слободы, ведется в тайге настоящая охота. Они же золото несут! И все беспаспортные, никто их не хватится. А второй смысл Шурино успеха тот, что добытого золота ему обязательно хватало до весны. Всю зиму он жил, пил, ел на эти доходы. Так что практик он замечательно опытный.

— Откуда же вы его выписали?

Базилевский смутился:

— Я не хотел бы открывать имени человека, рекомендовавшего мне

Шуру.

— Это невозможно, — отрезал исправник. — Тут полиция, а не кафешантан! Кто этот человек? Уголовный?

— Шуру Запойного прислал мне инженер-генерал-лейтенант барон Антон Иванович Дельвиг.

— Барон Дельвиг? — ахнули полицейские.

— Да. Он давнишний друг моего покойного отца. И сам уже почтенный старец — Андрею Ивановичу семьдесят три года. Шура его бывший крепостной из деревни Галибихи. Это в низовьях Ветлуги, в Нижегородской губернии. Старый бродяга заглянул туда скуки ради. Говорит, что хотел поклониться могилам родителей, хотя на вид совершенно не сентиментален... Кто их поймет, этих бродяг? Одним словом, они там встретились: беглый с каторги и его бывший помещик. Разговорились. А я, по совпадению, только что прислал барону письмо. Не письмо даже, а крик души! Рассказал о своей находке и просил отыскать специалиста, умеющего держать язык за зубами. В итоге мой камердинер Илья поехал в Галибиху и привез мне... специалиста.

— Когда именно Шура появился у вас в поместье, помните? — впился глазами в камергера Лыков.

— В первых числах сентября восемьдесят четвертого года. Точный день не назову...

— К этому времени первые два убийства уже были совершены, — напомнил Алексей поручику и штабс-ротмистру.

— Какие два убийства? — опешил Базилевский.

— Мы ведем розыски маньяка, удушившего в Варнавине четверых детей.

— О Господи! Конечно, я слышал об этих страшных преступлениях. Неужели вы думаете, что их совершил Шура Запойный? Уверяю вас, он не способен!

— Кто может подтвердить, что бродяга оказался в Шуде не раньше указанного вами срока?

— Да кто угодно! Илья, остальная прислуга... И барон Дельвиг, разумеется.

— Скажите, господин Базилевский, — начал строгим голосом Поливанов, — а сами вы имеете алиби на даты совершения убийств?

Когда до камергера Двора дошел смысл вопроса, он впал сначала в истерику, а потом в протрацию. Пришлось даже для успокоения налить ему коньяку. Но Лыков уже сделал свой вывод:

— Господа, мы снова хлопнули по пустому месту. Я снимаю

подозрение с Шуры Запойного. Даже по его ножику видно, что он за птица. Бродяги — особый сорт людей. Уголовные их своими не считают, сторонятся, а часто и враждуют. Там имеются свои принципы, которые строго блюдутся. Например, бродяга может убить только в порядке самообороны, защищая свою жизнь. Правительство совершенно напрасно ссылает за бродяжничество на каторгу, приравнивая тем самым вольных людей к уголовным. Не скажу, что они ангелы, но бродяги — не убийцы.

Окончательную ясность внес Щукин. Он закончил допросы лакея и экономки и пришел доложить о результатах:

— Так что, ваши благородия, итог такой. У бродяги инобытие в трех случаях из четырех, а у господина Базилевского — полное инобытие. К разыскиваемому манаку оба они отношения не имеют.

24. Подсказка короля Пето

Воскресным утром повторилась вчерашняя картина: Бекорюков, Щукин и Лыков сидели в кабинете исправника и молча чаевничали. Говорить никому не хотелось. Один только пристав Поливанов шлялся туда-сюда с озабоченным лицом профессионального бездельника. Вдруг он остановился и торжественно объявил:

— А у меня идея!

— Николаша, — раздраженно ответил штабс-ротмистр, — какие у тебя могут быть идеи?

Поручик даже не обиделся:

— А вот есть! Надо расспросить короля Пето.

— Король Пето? — напряг память Лыков. — Нам в гимназии на уроке истории рассказывали. Так во Франции в Средние века называли человека, которого нищие выбирали своим королем. И у вас в Варнавине есть такой?

— Такой имеется в каждом городе.

— А ведь это действительно мысль, — повеселел Бекорюков. — Странно, что мы раньше до этого не додумались. Ай да голова! Прости меня, Николай Орестович, за резкость. Щукин, тащи Пето сюда! И как мы о нем позабыли?

Надзиратель молча отправился выполнять приказание, а исправник пояснил Лыкову:

— Нищие, как и бродяги, тоже ведь своего рода каста. Или организация. Как и у всякой организации, у них есть руководитель. Обычно это человек в летах, опытный, хитрый и обязательно благообразной наружности. Таков и наш король Пето. По письменному виду он прозывается Варлам Нифонтович; фамилии никто не знает. Она есть, конечно, но ею не пользуются. Я маленький был, а он уже существовал милостиноподаванием. Помню, дед ходил тогда в чужой кавалерии, как увечный воин^[97]. Потом работал под погорельца, под юродивого... Сейчас по возрасту тянет уже на старца-схимника, хе-хе. Мы промеж себя давно уже именуем дедушку король Пето. Как и положено главному над рукопротяжным цехом, он обо всех все знает. Кто на ком женится, в какой семье скоро поминки ожидать и тому подобное.

— Ага! — сообразил Лыков. — Это же клад! Нищие ходят по всему уезду, подмечают что-то и сообщают своему королю. А он вам? Я знаю, что у Виноградова в Петербургской сыскной полиции это заведено. Все

старосты нищенских артелей испокон веку состоят в осведомителях.

— Ну, у нас все руки до этого не доходят, — смутился Галактион Романович. — Но вот сейчас дойдут! Подождем, господа. Я почему-то верю, что нищие всезнайки нам помогут.

Через четверть часа вошел без стука Щукин и привел с собой высокого старика. Несмотря на летнюю жару, тот был в ватном зипуне и теплой поддевке. Наружность у гостя действительно оказалась благообразная. Седые, будто серебряные, волосы были расчесаны на пробор, борода пахла ладаном, а желтые пальцы напоминали иконописные лики святых. Глаза, правда, диссонировали с этим приторным образом: умные и плутоватые, они беспокойно бегали по сторонам.

— Милости вам, добрые люди, от Господа нашего Вседержителя, сирот утешителя... вам и чадам вашим... от щедрот Его неисчислимых... и здоровья во все времена! — как-то уютно прогундосил дедушка и истово перекрестился на икону.

— Садись, Варлам Нифонтович, — приветливо сказал Бекорюков. — Чаю хочешь?

— Благодарствуйте, — поклонился «король Пето».

— Лузгин! Еще стакан! Ну, дедушка, как твое здоровье?

— Спасибо, ваше благородие. Господь уж скоро призовет...

— Ты мне это уже пятый год обещаешь, а он все не зовет! Ну, шучу, шучу... Я тебя, старик, позвал по делу. Сослужи-ка нам одну службу, и будет тебе от меня за то особая благодарность.

— Со всею душою, что смогу, ваше благородие Галактион Романович.

— Мы хотим поймать маньяка, что убивает в городе детей.

Старик перекрестился и пробормотал себе под нос молитву.

— Здесь есть лицо, тебе не знакомое, но оно тоже участвует в розыске.

— Господин Лыков нам очень даже знаком, — возразил старик, бросая на сыщика быстрый зоркий взгляд. — Богобоязненный. Хочет в Нефедьевке каменный храм строить. Хорошее дело!

— Это правда, Алексей Николаевич? — обратился к сыщику штабс-ротмистр.

— Да, собираюсь. Только я об этом никому, кроме семьи, не рассказывал!

Бекорюков довольно хохотнул:

— А что я вам говорил про короля Пето?

И повернул к старику сразу посерьезневшее лицо:

— Помогите нам, Варлам Нифонтович! Не желаем мы больше этого зверя терпеть.

— А... чем помочь-то? Мы люди маненькие...

— Иван Иванович Щукин полагает, что убийца — беглый арестант, уголовный в розыске или дезертир. Возможно, он прячется в здешних лесах. Например, у старообрядцев. Таких в округе немало по зимам случается, но они все на лето уходят на заработки. А этот не уходит. А теперь скажи мне: есть в моем уезде такой человек? Ты же все про всех знаешь. Только честно скажи.

Король нищих задумался. Взгляд у старика стал ясный и мудрый — он действительно желал помочь властям...

— За последние дни мы захватили двоих таких подозрительных людей. Один...

— Мишка, что на безымянном озере скрывался, поблиз Быструхи. Второй в Шуде, у Базилевского.

— Точно. Но это не они.

— Мишка очень даже подходит. Черной души человек.

— Это так. Но, когда совершились первые два убийства, он еще жил в Кинешме. Тут кто-то другой. Подумай, дедушка. Перебери всех.

Старик закрыл выцветшие глаза. В кабинете стало тихо. Поливанов начал было звякать ложечкой в стакане, но исправник сделал ему предостерегающий жест.

Молчание продолжалось минуту, после чего «король Пето» словно проснулся:

— Есть другой человек. Похожий, как описывал твое благородие.

— Где?

— Сидит он на Медвежьей Ноздре.

— Рукой подать отсюда! — оживился Щукин. — По прямой не более десяти верст, по дороге пятнадцать.

— Покажи на карте.

Щукин подошел к стене, где висела карта уезда, и ткнул в поворот реки повыше Варнавина:

— Вот здесь. Ветлуга тут изгибается, образует широкий плес. Посреди плеса остров.

— Так, так, — согласно закивал старик.

— Ловко! Мы его в Урене ищем, а он в десяти верстах от Варнавина, — расстроился штабс-ротмистр. — Варлам Нифонтович, ваяй дальше рассказывай. Кто он такой? Почему ты на него подумал?

— О первых, он тама уже три года. Неспроста! На лето далеко не уходит, все по уезду вертится. Это о вторых. А о третьих, поганных привычек. Срамно даже говорить.

— Что за привычки? Не тяни, божий одуванчик!

— Он первое время у беспоповцев жил, в Кирилловском ските. Выгнали. По деревням пытался — выгнали.

— За что?

— К отрокам приставал.

— Он, стервец! — вскочил со стула исправник. — Голову на отсечение, что он!

— Похоже, нашли, — согласился с ним Лыков.

— Ну-ка, дед, расскажи подробнее, где этот ферт обретается, — подсел к старику Щукин.

— Почитай, прямо под Ноздрей. Болотце там есть малое и три озерка. Он при озерках теих и поселился. Дороги туда ниоткель нету. Одна есть убогая тропа от Глухой деревни к выселку Камешник. Малоезженная. Вот с нее справнее всего подобраться. Однако ты, Ванятка, сторожись: у антихриста леворверт имеется.

— А имя у него есть? — любопытствовал исправник.

— На Вовку отзывается. Беглый, откуда-то с Москвы. Душегуб, стало быть.

— А что, в Москве все душегубы? — съязвил поручик.

— Через одного. В наших тихих местах их не надо бы...

— А в Варнавине он часто бывает, Вовка этот?

— По надобностям. На базар когда али в лавку. Помнетья-сь, ваше благородие, о прошлом годе на Савватия-Пчельника^[98] у купца Селиванова приказчика зарезали? И кассу забрали.

— Ну?

— Вовкина работа.

— Та-а-к... — прорычал штабс-ротмистр. — Вот и объяснение! Поди, сынок в том деле наводчиком был, на отцовскую кассу громилу навел, а барыш на пару делили. Понятно теперь, почему именно он господину Титусу записки писал. Эх, Ваня, Ваня, гнилой ты человек... Но Вовка каков! Столько крови на себя взял! Довольно ему гулять. Щукин, едем на Медвежью Ноздрю немедля. Аж руки чешутся!

— Я с вами, — вставил Лыков.

— Буду только рад. А тебе, Варлам Нифонтович, упрек от меня. Почему раньше молчал про такие дела?

— Дык... вы и не спрашивали... — сделал глупое лицо старик.

— Ладно, дед, иди. И смотри у меня там! — неопределенно погрозил Бекорюков. Как только дверь за «королем Пето» закрылась, исправник вскочил:

— Сам этого мерзавца возьму! Как медведя в берлоге! Обязательно чтоб живым — а то вдруг снова не он? Нет, тут нужна полная уверенность!

Лыков, с одной стороны, был согласен, с другой — у него перед глазами стояло застывшее лицо матери убитого ребенка. Надо ли такую мразь живьем брать?

Вскоре знакомая пролетка летела в Кирюшино. Паром перевез полицейских на левый берег Ветлуги. Сначала ехали знакомым трактом на Урень, но через версту Шукин повернул налево. Дорога оказалась действительно малоезжая. Не зря на Руси пути сообщения именуют путями разобщения... Экипаж то вяз в песке, то проваливался в яму, то подпрыгивал на корнях огромных сосен. Лица у ездовых были сосредоточены. Неужели скоро конец многодневному розыску? Быстрее бы уж...

Проехав деревеньку Глухую и полдюжины мостов, Шукин сошел, наконец, с дороги и привязал лошадь к сосне. Поглядел на небо, подумал и сказал:

— Точно определить не можно, но где-то близко. Еще верст пять пешком придется.

И первым шагнул в лес. Алексей шел за ним, исправник замыкал колонну. Идти было трудно: валежник и густой подлесок сковывали движение. Вскоре выяснилось, что Бекорюков производит слишком много шума. Кое-как трое полицейских пробрались сквозь чащу. Лес стал редеть, впереди появились просветы.

— Стойте покуда здесь, а я схожу разведую, — шепотом скомандовал Шукин. Сделал несколько шагов и пропал из виду. Штабс-ротмистр тяжело дышал и отирал пот с лица. Зачем-то он не отстегнул шашку, и теперь она очень мешала ему при ходьбе.

— Я... — начал что-то говорить исправник, но Лыков приложил палец к губам. Зря они вообще взяли с собой этого кабинетного деятеля — справились бы вдвоем, подумал он. Тут словно из-под земли появился сыскной надзиратель и призывно махнул рукой.

Колонна продвинулась еще саженой на сто и неожиданно оказалась на опушке. Ай да Шукин! Каким-то звериным нюхом он вывел отряд точно к озерам. За ними невдалеке виднелась Ветлуга.

— Ваше благородие, — едва слышно прошептал надзиратель. — Вы оставайтесь покуда здесь. С вами мы бесшумно не подойдем. Как зачнется стрельба, тогда бегите к нам на подмогу, а пока не нужно.

— А если вы его упустите? — зло прошептал исправник.

— Это как же? — возразил Шукин. — Река здесь петлю делает. Мы

горловину этой петли аккуратно и перегородили. Уйти ему теперь некуда.

— Вплавь на тот берег переберется.

— Утопнет, ежели ползет. Такое течение никому не осилить — паводок еще не сошел. Опять же омуты да карчи. Сдастся, ирод!

Недовольный Бекорюков занял позицию на опушке. Двое сыщиков разошлись на сто сажень и бесшумно двинулись к озеркам, держа револьверы наготове.

Исправник, видимо, успел нашуметь. Когда до ближайшей лужи оставалось всего ничего, из кустов вдруг грянул выстрел, и пуля прожужжала над самой головой Лыкова. Он немедленно пустил в ответ два заряда, беря прицел по дыму. Из кустов послышался вскрик и затем топот ног. Вовка убегал. Алексей ринулся на шум, слева от него большими скачками продирался сквозь кусты Щукин. Вскоре они одновременно вылетели на берег Ветлуги. Низкорослый бородач с искаженным страхом лицом застыл у самой воды, пятясь спиной в реку. В правой руке он держал револьвер, левой держался за шею, рубаха на груди была вся в крови.

— Сдавайся, Вовка! — крикнул Лыков. — Раненый реку не переплывешь!

— Бросай оружие, не то убью! — поддержал его Щукин.

Беглый перевел затравленный взгляд с одного сыщика на другого, опустил голову и бросил револьвер на песок. Но вместо того, чтобы сдаться, он вдруг развернулся, пробежал по мелководью, прыгнул на глубину и поплыл саженьками. Полицейские замерли от неожиданности — это было явное самоубийство...

— Ну, конец Вовке, — громко сказал сыскной надзиратель, следя за мелькающей в воде головой беглеца. И убрал «смит-вессон» за пояс. Алексей тоже понимал, что стремительную широкую Ветлугу переплыть здесь невозможно. Тем более что прямо на пути преступника закручивались на поверхности реки водовороты. Тот и сам это заметил, но было уже поздно. Раздался сильный плеск, потом отчаянный крик. Мелькнули уходящие под воду руки, и пловец исчез... Только могучая река ревела на все голоса, да жалобно кричали чайки.

На берег выскочил, путаясь в сабле, запыхавшийся Бекорюков:

— Где он?

— Пошел с чертями знакомиться, — в сердцах ответил коллежский асессор. — Это теперь его компания... на веки вечные.

— Да где же он? — повторил вопрос исправник, тщетно вглядываясь в Ветлугу.

— Утоп, — пояснил начальству Щукин. — Мы его к берегу прижали,

да он сдаваться не захотел. Предпочел смерть принять.

— А что за кровь на песке? Из вас никто не ранен?

— Это Алексей Николаич ему шею прострелил.

— Вовка наверное утонул? — все еще сомневался Бекорюков. — Вы это сами видели? Оба?

— Вернее не бывает, — успокоил его Лыков. — Мог сдаться, но не захотел. Понимал, паскуда, что его ждет. И хрен с ним!

— Пойдемте в шалаше пошарим, — предложил надзиратель. — Хорошо бы убедиться, что маниак именно он. Мало ли...

Так и оказалось. Когда полицейские подошли к шалашу, на ветке перед ним обнаружили бусы. Вырезанные из можжевельника, они были нанизаны на короткую нитку, рассчитанную на детскую шею.

— Не из дорогих поделка, — констатировал штабс-ротмистр, вертя находку в руках.

— Это отроковицы с улицы Мещанской, — догадался Иван Иванович. — Мать ее рассказывала — пропали дочкины бусы. Зачем же они Вовке спонадобились?

— Фетишизм, — блеснул ученым словечком коллежский асессор.

— В каком смысле? — удивился надзиратель.

— Ну, маньяки часто оставляют себе что-то от жертв, словно на память. Это их возбуждает.

— А...

— Ну, вот и финита, — выдохнул исправник, садясь у кострища на пенек. — Как говорят в народе: всему развяза. Отбегался, тварь. Жалко, живой не дался. Я бы его запер в одной комнате с родителями убитых им детей. Пусть бы потешились...

Алексей вдруг почувствовал, что ноги его сделались будто ватными, и опустился прямо на траву. Кончился маньяк! Теперь можно и с семейством наконец побыть. Еще более месяца осталось от отпуска.

Но никакого удовлетворения сыщик не чувствовал — только пустоту и усталость.

25. Оборотни

Весть о том, что злодей, убивавший детей, сгинул в Ветлуге, облетела город и окрестности мгновенно. Лыков, измученный и опустошенный, ночевал с семейством в Нефедьевской даче. Уже в десять часов утра, едва он успел умыться, прибыла в коляске Полина Мефодиевна. Оставив свою неизменную свиту в людской, она шумно вкатилась в гостиную и эмоционально поздравила сыщика с завершением розыска.

— Я знала, что наши доморощенные полицианты одни не справятся, — заявила барышня. — Если бы не ваш приезд сюда, не ваши усилия, этот кошмар продолжался бы еще долго. Спасибо вам от имени всех варнавинских жителей!

— В последнем эпизоде, избавившем нас от негодяя, как раз все исполнила местная полиция, — возразил Лыков. — Пристав Поливанов вспомнил про здешнего «короля Пето». Тот высказал догадку, оказавшуюся верной. Сыскной надзиратель Щукин безошибочно отыскал убежище маньяка. Исправник Бекорюков руководил всей операцией. Собственно моя роль свелась лишь к участию в загонной облаве.

— Вот напрасно вы себя принижаете, — обиделась Полина Мефодиевна. — Я же знаю все подробности. Именно вы оказались под выстрелами...

— Ой! — Варенька выронила чашку. — А мне он ничего такого не рассказывал. В Лешу стреляли?

— Сыщики молчаливый народ, — важно, со знанием дела ответила барышня. — Маньяк успел обнаружить облаву и напал первый. Но его пули прошли мимо. А ваш муж ответил, и так удачно, что угодил ему в шею. Тут маньяк понял, что дела его плохи, и стал удирать. Но Алексей Николаевич и надзиратель Щукин заранее перекрыли ему пути к бегству. Вот что значит опыт! Видя, что спастись невозможно, негодяй с отчаяния бросился в реку, где и нашел свой конец. И лишь после этого на берегу появился наш героический штабс-ротмистр. Руководивший операцией из кустов...

— Господи, какие страхи! — Варенька перекрестилась и смотрела на мужа в крайнем испуге. — В тебя, оказывается, стреляли! Тебя могли вчера убить. А я ничего не заподозрила, дура бесчувственная...

— Успокойся. Это разве стреляли! Пальнул он всего раз, и не в меня, а, скорее, в мою сторону. Пуля за версту пролетела. Полина Мефодиевна сгустила краски, это было совершенно не опасно.

Усилием воли Варенька взяла себя в руки и даже разлила чай, не пролив ни капли. Дальнейшая беседа прошла в спокойном русле. Смецкая пригласила соседей завтра на пирог из первой земляники и уехала. Но едва Алексей собрался с детьми на прогулку, как появился Поливанов. Поручик весь искрился весельем и привез еще одно приглашение.

— Алексей Николаевич! — торжественно объявил он. — Сегодня в четыре часа пополудни городской голова устраивает в трактире Островского торжественный обед. По случаю избавления Варнавина от маньяка. Будут лучшие люди города, в том числе наша «дворянская артель» в полном составе. Вы у нас один из главных героев, поэтому ваше присутствие обязательно! Варнавинцы хотят выразить вам свою благодарность.

Растроганный Лыков обещал непременно быть. Пришлось отложить прогулку и ехать в город за мундиром. Там паломничество продолжилось. Сначала появился Рукавицын и долго с чувством жал сыщику руку. Следом прибежал доктор Захарьин.

— Я верил в вас и не ошибся! — заявил он не без пафоса. — Собаке собачья смерть, а вам, Алексей Николаевич, слава и почет.

Затем явились почти одновременно попутчики Лыкова по пароходу — Панибратов и Самопальщикова. Последовала новая порция поздравлений и выражения признательности.

Алексей заметил: всякий раз, когда он в разговоре подчеркивал роль местной полиции в обнаружении маньяка, варнавинцы ему не верили. Качали головами, говорили об излишней скромности коллежского асессора и ругали Бекорюкова. Они явно приписывали удачу исключительно деятельности приезжего сыщика. Бедный Галактион Романович, похоже, столько потерял в глазах общества, что даже последние события не реабилитировали его...

В четыре часа Лыков вошел в главный зал трактира Островского. Мундир он в последний момент решил не надевать и явился в элегантной визитке. Радостные возгласы встретили гостя, едва он переступил порог. По случаю обеда Островский закрыл заведение для прочих посетителей, присутствовали лишь первые люди города. Во главе стола восседал сияющий исправник. Слева от него с обычным скучающим выражением на лице примостился Щукин. Стул по правую руку был приготовлен для петербуржца.

— Сюда, пожалуйста сюда! — радостно замахал руками штабс-ротмистр. — Вот ваше почетное место. Господа, главный герой прибыл! Можно начинать. Один Рязановский, гордец, не пришел — ну и черт с ним!

Пляши, душа, без кунтуша, ищи пана без жупана!

Крики еще более усилились. Кое-как председательствующий на банкете Верховский восстановил тишину. Он же сказал и первый тост. В отличие от общества, предводитель дворянства ловко и дипломатично похвалил всех. «Местные силы охранения порядка» удостоились столь же добротных эпитетов, что и «выдающийся столичный законослужитель».

— Полноте, господа, — ответил красный от удовольствия Бекорюков. — Я же понимаю, что отчасти забил фукса^[99]. И что чересчур долго не мог раскрыть это дело. Но с помощью Алексея Николаевича и при выдающемся усердии надзирателя Щукина мне удалось. Горжусь. Возмездие настигло-таки злодея, и теперь обыватели могут спать спокойно.

Следующий тост произнес городской голова Тронов. Он тоже щедро рассыпал благодарности на всех, но особо выделил Галактиона Романовича. Было очевидно, что верхушка уездного общества своих в обиду давать не намерена. Лыкова это скорее развлекало. Он знал свою роль в уничтожении маньяка лучше других и не склонен был ее преувеличивать. В конце концов, старались действительно все. И уезд почистили основательно — простому обывателю сделалось много безопаснее.

После второго тоста банкет перешел в стадию обычного дружеского застолья. Разговор сделался всеобщим и ни о чем. К Алексею привязался председатель земской управы Челищев. Слегка захмелев, он принялся уговаривать сыщика «принять посильное участие в трудной жизни провинциального земства».

— Вы же образованный человек и с недавних пор здешний помещик! Нам такие нужны. У нас в земском собрании семнадцать членов, и не все на высоте, не все! Есть вредоносные элементы. Дворянский корпус необходимо укрепить! Приходите завтра ко мне домой, мы обо всем договоримся, — бубнил Илларион Иринархович, мешая Лыкову пить и закусывать. — Сейчас. Я дам вам свою визитную карту. Да-с, батенька, и карты есть! Располагаем! Все как у людей.

Половые уже разнесли тарелки с дымящейся ухой. Вид у варева был аппетитный, и Лыков стал обдумывать, как бы ему поскорее отвязаться от болтливого земца. Сидящий рядом Бекорюков налил себе в рюмку ледяной водки и с чувством выпил. Вот молодец, а тут сиди и слушай...

— Взгляните, Алексей Николаевич! Хороша штучка? В Киеве на заказ сделали. На четыре отделения.

Челищев вынул из кармана изящный серебряный порткорт с припаянными золотыми буквами «ИЧ».

— Инициалы, извольте видеть, из золота восемьдесят четвертой пробы. Илларион Челищев обозначают.

Лыков взял протянутый ему порткорт и повертел в руках. Действительно, изящная работа. Какое-то смутное воспоминание промелькнуло у него в голове. Буквы «ИЧ». Где-то коллежский ассессор уже слышал об этой вещице. Где? Ах, да! Она фигурировала в перечне вещей, похищенных у задушенного бандой Недокрещенного ювелира Иосифа Чеснавера. Точь-в-точь такой же порткорт, и инициалы совпадают... Как такое возможно? Или...

— Ларик, отстань от нашего гостя! — заступился за Алексея Бекорюков. — Привязался со своим земством. Дай ему поесть. Смотрите, Алексей Николаевич, какая славная уха. Из наших ветлужских стерлядей.

Исправник подцепил пятно янтарного жира, приподнял ложку над тарелкой и потянулся к ней губами...

Словно молния ударила Лыкова. В одну секунду он вспомнил рапорт пропавшего «демона» Ивана Красноумова и понял все. Так вот что это за «дворянская артель»! Бабушка в детстве рассказывала маленькому Алеше, как можно распознать оборотня, прикидывающегося человеком. Нужно смотреть на него боковым зрением. Глядишь вроде прямо, а краем глаза, ежели постараться, увидишь... Только надо сильно стараться, поскольку оборотень очень хитер. И тогда под маской проступит его подлинное, нечеловеческое обличье. И вот теперь маски вдруг разом упали. Словно у соседей по столу показались вдруг из-под одежды копыта и хвосты... Все мелочи из последнего рапорта Ивана получили свои разгадки. Недокрещенный — это сам Бекорюков. Высокий сильный человек — капитан Готовцев. Крашеный брюнет с рыжими корнями волос — судебный следователь Серженко; вон он сидит напротив. Пожилой господин с аристократическими манерами — предводитель дворянства Верховский. А порткорт с буквами «ИЧ» действительно принадлежал убитому ювелиру. Очевидно, земец-головорез пожалел продавать глянувшуюся ему вещь и оставил себе, воспользовавшись совпадением инициалов.

— Что случилось, Алексей Николаевич? — встревожился Бекорюков, заметив волнение сыщика.

— Живот схватило... сейчас вернусь... — пробормотал тот, вставая. И тут же поймал на себе трезвый, внимательный взгляд Недокрещенного. Кажется, тот понял, что каким-то образом опознан!

Выйдя из-за стола, стараясь не привлекать к себе внимания, Алексей быстрым шагом направился прямо к выходу. Голова его ничего не

соображала. Он был потрясен и понимал только одно: нужно срочно уходить отсюда. Публика веселилась, не обращая на него внимания. Лишь Готовцев с недоумением воззрился на сыщика, но не трогался с места.

— Не выпускайте его из зала! — раздался сзади крик штабс-ротмистра.

«Оборотни», как по команде, замолчали. Теперь уже все они смотрели на Лыкова, но тому оставалось сделать до двери всего несколько шагов. Откуда-то сбоку наперерез сыщику бросился князь Солнцев-Засекин. Не сбавляя шага, Алексей сунул ему в лицо кулак. Князь пролетел по полу, как на салазках, и въехал головой в буфет. Вырвался!

Выскочив на площадь и оказавшись среди прохожих, Алексей сначала обрадовался. Теперь его трудно будет убить — слишком много глаз вокруг. И тут же ударила мысль: а семья? До Нефедьевки восемь верст. Из города его выпустят, только чтобы пристрелить в пути. Если же коллежский асессор побежит сейчас к себе на Дворянскую и забаррикадируется в доме, то «оборотни» на штурм не пойдут. Они явятся в имение, захватят там Вареньку с детьми, привезут сюда и предложат Лыкову сдаться без боя.

Голова сыщика отказывалась работать. Что теперь делать? Куда бежать? На телеграф, послать экспрессы в Петербург и Кострому? Смешно. Когда подмога доберется сюда, он будет уже мертв. «Дворянская артель» заправляет всем в городе, она власть и закон. Если Бекорюков прикажет городовым стрелять в Лыкова, поскольку тот-де преступник, они обязаны подчиниться. Да «артельщики» при желании управятся и сами. «Веблей» Лыков оставил дома, а голыми руками от десяти противников не отобьешься. Тем более среди них Щукин.

Алексей пролетел корпус уездных присутственных мест, свернул на Костромскую и бездумно зашагал по ней. Подсознательно он стремился удалиться от страшного трактира. Наконец решился оглянуться. Вон они! В десяти шагах сзади шел сыскной надзиратель. Он ухмылялся так зловеще, что Лыкова передернуло. Следом высилась громадная туша капитана Готовцева. По другой стороне улицы следовало сразу трое: Поливанов, Челищев и помощник исправника Тамазин. Вторым эшелоном тянулись следователь Серженко, предводитель Верховский и кто-то из переодетых в партикулярное городских. Команда убийц преследовала его, выжидая только удобного момента.

Но куда бежать? Сейчас Костромская пересечется с Полукруглой. Это уже далеко от людной площади. Возможно, там вообще никого нет, и «оборотни» могут взяться за дело в ближайшей подворотне. Шагать по Костромской прямо, не сворачивая? Тогда он упрется в пустырь — еще

более удобное место для убийства. Ловушка! Сколько он сможет бегать по главным улицам Варнавина? В лучшем случае до темноты.

Поравнявшись с Полукруглой, сыщик посмотрел по сторонам. Слева двое прохожих, а справа четверо. Выбор ясен! Он повернул направо и ускорил шаг. Преследователи тоже поднажали, сбившись в одну кучу. Сейчас он дойдет до Мещанской, повернет к площади и через пять минут снова окажется возле трактира Островского. Оттуда опять на Костромскую или попробовать прорваться на бульвар? Там сейчас наиболеелюдно.

Свернув на Мещанскую, Алексей увидел на двери второго от угла дома латунную табличку: «А. П. Панибратов». Жилище Амилия Петровича! На пароходе сыщик обещал статистику зайти к нему в гости, но, занятый розыском маньяка, так и не появился. Не далее как сегодня утром тот пенял на это Алексею. А что, если зайти сейчас и, не объясняя причин, попросить вывести его через заднюю калитку? Испугается и откажется? Выбора не было: следовало рисковать.

Резко остановившись, Алексей вдавил клавишу воздушного звонка. Только бы хозяин оказался дома! Послышался топот босых ног, и простоволосая девушка, по виду прислуга, открыла дверь.

— Дома ли Амилий Петрович?

— Заходите. Как прикажете доложить?

Коллежский асессор быстро заскочил внутрь и тут же запер дверь на засов. Преследователи дернулись было следом, но не успели. Шестеро убийц сбились возле крыльца, как стая шакалов. Служанка удивленно вытаращилась на гостя, но тут в прихожую вышел Панибратов:

— Кого нам Бог послал? Батюшки, сам Алексей Николаевич! Вот не чаял! Проходите, гость желанный!

Но увидев лицо Лыкова, сразу осекся:

— Что с вами? У вас растерянный вид.

— Амилий Петрович, спасите. За мной гонятся, чтобы убить. Под крыльцом целая свора.

— Вас? Убить? Но кто? И за что?

— Взгляните в окно и поймете.

Панибратов приник к щелке между занавесками и тут же отпрянул от окна:

— И вы привели их сюда? «Артель» почти в полном составе.

— Испугались?

— Конечно! Весь город их боится. Значит, вы обо все догадались?

— Да. Но вы-то, Амилий Петрович, вы-то почему мне сразу не сказали?

— Из страха. Эти люди заправляют уездом, вся власть у них. Да и не знаю я ничего конкретного, а лишь догадываюсь, как и другие, что дело нечисто...

Лыков без сил опустился на скамью:

— Если я сейчас к ним выйду, мне конец. А вы и весь город так и останетесь жить в страхе. Помогите мне выбраться, и я выжгу весь гадюшник каленым железом!

Статистик несколько секунд молча смотрел на сыщика, потом решился:

— Быстро за мной в сад!

— Минуту, Амилий Петрович. Нет ли в доме револьвера?

Панибратов за рукав втащил Алексея в соседнюю комнату, порылся в бюро и протянул ему оружие. Это был обшарпанный «смит-вессон» так называемого «первого образца». Лыков оттянул защелку ствола, переломил револьвер: барабан был полон:

— Спасибо!

Через сени Панибратов быстро вывел гостя во двор к задней калитке. Открыл ее и пропустил к соседям:

— Далее вон туда, за баню.

— Попробуйте продержат их под дверью хоть четверть часа. И — я ваш вечный должник!

Амилий Петрович молча перекрестил сыщика и побежал обратно в дом. Лыков же, не теряя ни секунды, кинулся прочь. Проскочил в соседний сад и, не глядя по сторонам, быстрым шагом направился к воротам. Какой-то господин в халате и феске сидел на веранде и пил чай. Он недоуменно уставился на незнакомца.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Алексей.

— Добрый... — растерянно пробормотал господин.

Собравшись с духом, сыщик вышел на улицу. Снова он на Костромской! Если «оборотни» уже успели выставить здесь наблюдение, он пропал. Второй раз его не упустят. Оглядевшись по сторонам, коллежский асессор чуть не вскрикнул от радости. На всей улице обнаружилось лишь несколько прохожих, никто из них не походил на людей Бекорюкова.

Куда теперь? Если даже Амилий Петрович и продержится четверть часа, это лишь полдела. За это время Лыков должен незаметно добраться до выезда из города, найти там телегу и уговорить возницу скрытно доставить его в Нефедьевку. О том, что делать дальше, пока думать было преждевременно...

Дойдя до пересечения с Полукруглой улицей — он шел здесь под конвоем десять минут назад, — Алексей незаметно высунулся. Вдалеке, на углу Мещанской, торчала одинокая фигура. Тамазин! Помощник исправника неотрывно смотрел в его сторону. Проклятье! Нужно было перебежать перекресток, дойти до конца Костромской и вдоль Новой и Полевой улиц чесать к выезду из города. Но губернский секретарь исполнял обязанности наблюдателя добросовестно: у Алексея не было никаких шансов пересечь Полукруглую незамеченным. Прошло три минуты. Топтавшийся на одном месте незнакомец уже стал привлекать внимание обывателей. Из соседних ворот вышел дворник и направился к Лыкову. Тут вдруг Тамазин сорвался с места и скрылся за углом. Неужели «оборотни» взломали дверь и ворвались к статистику? Но думать было некогда. Коллежский асессор пулей перелетел улицу и, уже не скрываясь, побежал вперед.

Никогда еще он так не бегал. Жизни многих людей висели сейчас на волоске и зависели только от его скорости и удачи. Немногочисленные прохожие с удивлением наблюдали, как хорошо одетый господин несется по улице словно базарный вор, стянувший связку баранок. Добравшись до угла Новой, Алексей повернул направо. Он старался дышать ровно и не сбиваться с темпа: четыре шага — вдох — четыре шага — выдох.

Судьба благоволила Лыкову. До пересечения с Мещанской, где кончается город, оставалось сто сажень. Если там стоят и ждут, скрыться уже не получится. Даже если оторваться от погони — например, через Потанину деревню пробиться в лес, — «оборотни» за ним не побегут. Им проще сразу проехать в Нефедьевку. Тогда семье конец... Вдруг из Варнавинской улицы прямо на сыщика вывернула телега. Тот замедлил бег и ахнул — в телеге сидел Оденцов!

— Трефил Осипович! Вас сюда Бог послал!

— Лексей Николаич? Что случилось? Вы — и в эдаком виде!

Лыков бросился на дно телеги:

— Некогда объяснять. Завалите меня соломой и что есть мочи везите в Нефедьевку. Вопрос жизни и смерти!

Оденцов выполнил просьбу мгновенно: укрыл сыщика и стеганул кобылу. Та бодро помчалась вперед. Уже через пять минут они выехали из Варнавина на тракт и покатили на север. Движение вокруг было оживленным, и Алексей не рисковал высовываться. Только просил полголоса из-под соломы:

— Трефил Осипович! Еще скорее, Христа ради!

Лишь когда у Заболотья телега свернула на Нефедьевский выселок,

сыщик сбросил солому и сел. До дома оставалось полторы версты. Он выбрался из города, он жив и не ранен, но с минуты на минуту следом примчатся «оборотни». Их будет не меньше десятка, все с оружием, и они не успокоятся, пока не убьют Лыкова. А заодно и всех, кто окажется поблизости — как свидетелей. Что же делать, что же делать? В центре России, средь бела дня оказаться не в силах защитить семью от бандитов! Потому что эти бандиты представляют здесь власть. Бежать всем вниз, чтобы прокрасться на пристань? Но парохода сегодня уже не будет. Сесть в экипаж и попробовать доехать до соседнего уезда? Догонят и перестреляют прямо на тракте. Спрятаться в лесу? От Щукина не спрячешься. Держать оборону в доме? Он, дурак, сегодня утром отпустил двух объездчиков обратно на кордон. Решил, что опасность уже миновала... А лакей, дворник и оба конюха отпросились в деревню на свадьбу. Теперь в доме лишь Окуньков и повар. Их тоже прикончат, если они посмеют вступить за хозяина...

Пока ехали до поместья, Лыков решил. Он соберет оба семейства — свое и Титуса — в мезонине. Забаррикадируется, и они со Степаном станут отстреливаться. Через десять минут на выстрелы прибегут из деревни мужики. Тогда Недокрещенный уже не посмеет устроить бойню на глазах у десятков людей. Его, Лыкова, арестуют и увезут — до ближайшего оврага, но зато женщины и дети останутся живы. Варенька никогда больше не выйдет замуж, будет коротать свой век вдовой и воспитывать детей. Николка и Павлука смутно-смутно запомнят отца... Будьте вы прокляты, «оборотни»! Все равно вам конец! Приедут разгневанные Благово с Таубе, и тогда никто не уйдет от возмездия... Вот только он, Лыков, этого уже не увидит.

26. Бой

Оденцов высадил Алексея перед главным домом.

— Спасибо вам, Трефил Осипович! А теперь побыстрее уезжайте отсюда. Храни вас Господь!

Не задавая лишних вопросов, крестьянин развернул телегу и был таков. Сыщик же вбежал в дом.

Там все было тихо, безмятежно и уютно. Никто даже не подозревал, какая угроза нависла над ними. Оказавшись в этой доброй атмосфере дома, Алексей решил переменить план и попытаться удалить близких в деревню до приезда «оборотней». Лучше не пугать Вареньку и детей стрельбой, не подвергать их опасности. В стороне от их глаз и помирать легче...

Лыков прислушался. Сверху доносились детские голоса, в соседней комнате няня Наташа о чем-то пререкалась с поваром. Через какие-то полчаса сюда явятся те, кто хочет их убить... Надо торопиться!

Раздались легкие шаги, и в прихожую вбежала Варенька. В сером домашнем платье, с ниткой жемчуга на изящной шее, она была необыкновенно красива.

— Лешенька! Ты уже вернулся! Как славно. Боже, что за вид у тебя? Ты же весь в соломе! Валялся в стогу с бержеркой?^[100] Смотри, я вас когда-нибудь застукаю!

— Дети наверху?

— Да, с Грушей.

— Все четверо?

— Да. А что случилось?

— Немедленно собери всех. На сборы десять минут.

— Алексей, объяснись! Зачем такая спешка? Куда мы едем? И почему у тебя такой затравленный взгляд, в конце концов?

— Делай, что велю, и не задавай вопросов. У нас очень мало времени. Всем обитателям Нефедьевской дачи надо немедленно перебраться в деревню. Вы с детьми остановитесь в доме отца Дионисия, остальные пусть устраиваются сами. Передайте батюшке мою нижайшую просьбу приютить вас на одну ночь. Утром я за вами приеду.

— Хорошо, я сейчас все сделаю, только скажи мне: что произошло? Я твоя жена, я имею право знать.

— Когда ты становилась женою, то обещала перед образом во всем почитать меня и слушаться. Помнишь? Вот и слушайся. Скоро здесь

состоится разговор. Возможно, он сделается резким, будет сцена. Если вас не станется дома, мне окажется легче. Понимаешь? Легче не ошибиться, а повести себя правильно. Ваше присутствие будет только сковывать. Теперь все. Иди и делай все, как я сказал.

Алексей говорил мягко, но тоном, не допускающим возражений.

— Все-таки... тебе угрожает опасность?

— Сейчас нет. Но ты жена сыщика и должна быть готова ко всему. Счастью не верь, а беды не пугайся. Сохраняй хладнокровие и уводи детей.

По лицу Варвары Александровны пробежала судорога, но она тут же взяла себя в руки и сказала громко:

— Наташа, Агриппина, идите немедленно сюда!

Няня и жена Титуса сразу явились на зов.

— Быстро одеваем детей и уезжаем. Берем с собой все необходимое для ночевки. Сбор здесь через пять минут.

Женщины прыснули в разные стороны. Матери побежали наверх к детям, а Наташа принялась увязывать сменную одежду и даже притащила откуда-то ночные горшки.

— Степан! — крикнул коллежский асессор.

— Туточки я, Лексей Николаич, — отозвался Окуньков, входя с улицы.

— Быстро заложи хоть пролетку, хоть телегу и увози женщин и детей в деревню.

— Пролетка на ходу.

— Подгони сюда и помоги снести в нее вещи. Поторопись!

— Слушаюсь!

— Еще вот что. Передай всей без исключения прислуге, что есть в доме, мой приказ: немедленно покинуть поместье. Дом можно не запирать.

— Слушаюсь!

Вокруг началась суматоха. Наверху бегали и радостно кричали дети — еще бы, приключение! Внизу суетились Наташа со Степаном, укладывая багаж. Вдруг сыщик спохватился — а не перекрыт ли уже путь в Нефедьевку? Чертыхнувшись, он поднялся в мезонин. Навстречу ему уже выводили одетых по-дорожному детей. На ходу чмокнув Николку и Павлуку в пухлые щечки — возможно, последний раз в жизни, — сыщик открыл окно и всмотрелся. Так и есть! Три десятка солдат в белых рубахах, с винтовками за спиной, выстраивались в цепь, перекрывая путь между поместьем и деревней. В цепи выделялась рослая фигура Готовцева. Воспользовавшись правами воинского начальника, капитан вызвал команду резервных войск. А со стороны Аппалихи подъезжала пролетка с двумя седоками. Почему их так мало? Хотят вызвать его и убедить сдаться, чтобы

не подвергать опасности домашних. У одного из парламентариев блеснули на солнце золотые погоны. Неужели сам Бекорюков пожаловал?

Все, теперь конец. Если не выйти, «оборотни», скорее всего, дождутся темноты и пойдут на штурм. Дом подожгут, и в огне погибнут все его обитатели. Надо сдаваться сейчас. И так, чтобы не пугать семью.

Спокойно, чуть медленнее обычного, сыщик спустился вниз. Женщины и дети, возглавляемые Окуньковым, стояли и молча ждали его приказаний.

— Дамы, я прошу прощения за суматоху. Померещилось черт-те что. Поездка отменяется. Прошу всех вернуться обратно в мезонин. Я сейчас ненадолго отлучусь. Без меня не ужинайте!

Дети огорченно загудели — им очень хотелось покататься. Агриппина, наоборот, обрадовалась и тут же стала раздевать своих девчонок. Лишь Варенька стояла и неотрывно смотрела на мужа — она чувствовала, что обстоятельства только ухудшились.

— Я могу поехать с тобой? — чуть слышно спросила она.

— Нет. Ты остаешься с детьми. И помни — я всегда возвращаюсь.

Из глаз жены полились слезы, но она пересилила себя и сказала:

— Хорошо, без тебя мы за ужин не сядем.

С улицы слышалось шуршание колес по кирпичной крошке: это подъехали убийцы.

— Степан, запри за мной дверь на засов. Помни: что бы ни случилось на дворе, из дома ни ногой. И никого не выпускай.

С равнодушно-высокомерным лицом Лыков вышел наружу, сбежал молодежато по ступенькам крыльца. Пусть видят, что он их не боится. Заходящее солнце било прямо в глаза. Скорее согласиться на все и уехать с ними, увести от семьи...

— Леха, ты откуда тут взялся? — раздался вдруг от пролетки знакомый голос. — Я еду семейство твоё проведать, поклоны передать. А ты раньше нас прикатил, бездельник. Отпуск дали?

Лыков сощурился, потом отшатнулся, потом ему захотелось дернуть себя за ухо. На сиденье развалились и улыбались до ушей подполковник Таубе и Федор Ратманов-Буффаленок.

Уф... На ватных ногах коллежский ассессор сделал еще два шага и без сил опустился на подножку пролетки. Ему хотелось разрыдаться. Какая неожиданная перемена! Господь в очередной раз явил ему Своё присутствие и заботу. Вдвоем с бароном они перебьют всех «оборотней», сколько бы их ни было. И Буффаленок сгодится — пусть сидит перед мезонином в роли последнего заслона. Хорошо бы дело до мальчишки не

дошло — толку от него пока не много.

— Алексей, что случилось? — Таубе соскочил на землю и встревоженно заглянул сыщику в глаза. — Ты как будто не рад нам. Несчастье? Сообщи коротко, но понятно.

Лыков почувствовал необыкновенный прилив сил. Ну, держись теперь, собаки! Он быстро выгрузил багаж, отослал возницу, а потом не удержался и сгреб гостей в обнимку так, что у них затрещали кости:

— Как вы вовремя! Бог мой, как вы вовремя. Вы даже и не подозреваете, насколько вовремя!

— Рассказывай! — вторично потребовал барон. — Никогда не видел тебя таким...

— Я уж с жизнью простился. Думал, это за мной приехали. Вышел сдаваться.

— Ты — сдаваться?

— Иначе они убили бы семью.

— Та-а-ак... Сколько их? И кто они такие?

— Человек десять, может, двенадцать. Банда Недокрещенного. Я ловил их по всей России, а они обнаружились здесь, в Варнавине! Тут их зимние квартиры. Ну как я мог такое предположить? А кадр банды! Главарь, сам Недокрещенный — это здешний исправник. Рядовые члены: предводитель дворянства, судебный следователь, председатель земской управы, городской пристав, уездный казначей... Вся головка! Представляешь? Уезд в их полной власти. Даже команда резервных войск прибыла. Эти «оборотни» окружили поместье и ждут темноты, чтобы пойти на штурм. А в доме женщины и дети. Вот я и вышел.

— Ну, это очень-очень славно! — хищно раздул ноздри подполковник. — Ух, как хорошо!

— Чего же хорошего? — растерялся Лыков.

— Хорошо, что мы с Федором приехали. Да к самому началу! Ух, какой я злой. Ух, какой страшный. На куски разорву! Только уговор: пленных не берем! Лешку Лыкова пришли они убивать... Да я с них шкуру спущу и ремней наделаю!

Тут парадная дверь открылась, и наружу осторожно высунулась голова Окунькова.

— Степан, это друзья! — радостно крикнул коллежский асессор. — Тащи их вещи в дом!

Немедленно с крыльца посыпались женщины и дети. Варвара Александровна, как восторженная институтка, бросилась целоваться с Таубе. Брюшкин с Чунеевым не отстали от нее: с веселыми криками они

вцепились в хорошо знакомого им гостя и тащили его в разные стороны.

Между тем уже начало смеркаться. Без долгих разговоров Алексей снова загнал мирное население в мезонин. Окуньков запер все ставни и двери. Буффаленок с револьвером земского статистика присоединился к Степану, Таубе с Лыковым разделились.

— Ты, Вить, спрячься в кусту перед парадным входом. Думаю, тебе достанется демонстрация.

— Э, нет, ставь меня под главный удар!

— Это будет очень серьезная демонстрация. Основные силы постараются прорваться в дом именно здесь. Тебе не будет скучно!

— А ты?

— А я лягу в засаду с той стороны. Среди «оборотней» есть особенный человек. Бывший пластун, армейский разведчик. Очень опасный! Фамилия его Щукин. Уверен, что он заявится в одиночку, с тыла, пока другие будут атаковать спереди.

— Я разгоню ребят и приду к тебе на подмогу. Хороший разведчик — не то что предводитель дворянства.

— Жаль, Фороскова нет. Он где-то в городе, втроем было бы веселее.

— Давай пошлем за ним Буффаленка. Мальчишку оцепление пропустит.

— Туда — да, а обратно, да еще со взрослым мужчиною — уже нет. Да и не успеют они. Скоро начнется. Будем вдвоем воевать. Диспозиция понятна?

— Так точно, вашбродь!

— Ну, счастливо оставаться. Как стемнеет, выползай в куст, что возле крыльца, и не дыши. Зря на пули не лезь! Постреляй для остротки, и хватит. Они сдрейфят и станут ждать Щукина. А там посмотрим...

— Не учи ученого. С Богом!

Друзья пожали друг другу руки и разошлись по позициям. «Веблей» Лыкова остался в городской усадьбе, поэтому он вооружился «реммингтоном». Спустившись в голбец, сыщик в темноте на ощупь пробрался к вентиляционному окошку. С трудом протиснулся в него, вылез наружу, прополз сажени три по саду и залег под кустом смородины. Отсюда он мог наблюдать все пространство между лесом и домом. Вокруг стремительно темнело. Алексей снял револьвер с полувзвода, положил на сгиб локтя и замер, весь превратившись в слух.

Форосков решил пообедать в островском трактире, но туда почему-то никого не пускали. Чертыхнувшись, он пошел на Набережную улицу в

трактир «Ветлуга», тоже весьма приличный. Опытным взглядом бывший сыщик обнаружил вокруг едва заметное волнение. Посреди площади исправник со злыми глазами устраивал распеканцию приставу. Пробежал переодетый городской; торопливо прошел, не здороваясь, хмурый Щукин. Что у них приключилось? Маньяк утонул, живи и радуйся, а тут такая суматоха...

Петр вошел в трактир, сел у окна. Тут же подбежал бойкий парень в белом фартуке:

— Чего изволит ваше степенство?

— Дай-ка мне отца с сыном и грешной каши^[101]. Еще севрюжины, залому с лучком и моченой брусники. Ну и водки, само собой.

Парень исчез, но тут в дверь с улицы просунулся Проживной и молча поманил Фороскова пальцем. Тот вышел недовольный:

— Чего еще? Только хрястать собрался...

— Поехали на дело, Щукин добро дал.

— Прямо сейчас?

— А чего тянуть?

За спиной «ивана» стоял извозчик с одним седоком.

— Твои блатноги?^[102]

— Мои. А в нем уж твои кле^[103] положены.

— Ишь ты! За меня распорядился. А кто там сидит?

— Это Ванька Перекрестов, твой фрей.

— На хрена он сдался? Ты же Чечуя обещал!

— Чечуя нету, есть только вот он.

— Не нравятся мне такие фокусы... Нет хуже, как на ходу переделывать. А кто еще? Или набздюм^[104] ломаем?

— Я третий буду.

— Ты? Так не пойдет. Кто из нас двоих тогда воротило? Форосков на подхвате ни у кого не работает.

— Воротило ты, но моя доля — треть.

— Тебе треть, да Ваньке десять процентов? А я, значит, задарма буду трудиться? Шиша вам соленого! Посидишь в коляске, обойдемся без тебя.

— Без меня не обойдетесь. Хозяин там больно крутоват.

— Кто таков? Илья Муромец?

— Навроде того.

— А что за зорик?

— Как ты и хотел, загородное имение. Нефедьевка называется. Богатое!

— А, это место я щупал, — обрадовался Форосков. — Домина что надо. Первые богачи в уезде. Ну, еще куда ни шло... Поехали!

Они сели в пролетку. Ванька Перекрестов оказался молодым еще парнем с грубым лицом и бегающими глазами. Петр молча осмотрел его и отвернулся, не ответив на приветствие. Странно... Человек в розыске, всем в городе известен и даже не думает скрываться. Что-то здесь не так. И на грабеж без предварительной разведки не ездят, и «иваны» из тридцати процентов не работают. Смахивает на ловушку.

— Сколько хоть там народу в доме?

— Не считая баб с детьми, только двое дубаков^[105]. Один мухорт партикулярный, а вот второй огневый. На войне обтерся. С ним совладать будет трудно.

— Против трех чевых^[106] гайменников никому не устоять. А чем корбушка набита?

— Огороков^[107] много. Сверкальцы хозяйкины — шкатулку из Питера с собой привезла. Ну и денег целый бурун.

— Знаешь, где лежат?

— А ты что, не умеешь бабу разговорить? — ответил «иван», ухмыляясь.

Пролетка между тем вышла на Вятский тракт. Впереди на нескольких телегах ехали солдаты с винтовками в сопровождении верхового офицера. Ванька дернул Проживного за рукав:

— Куда это солтаны катят? Не нравится мне это!

— Нам-то какое дело! Не фараоны же...

— Ох, не к добру оно. Давай темноты обождем! Во, глянь, еще валят!

Их обогнали две коляски, набитые какими-то людьми, одной из них правил Щукин. Увидев надзирателя, «иван» толкнул возницу в спину:

— Эй, борода! Можно тут полем подобраться?

— Можно, — ответил он, оборачиваясь. — Токмо быстро, покуда не стемнело.

— Сворачивай!

Пролетка сошла с тракта и запрыгала прямо по ржи. Вдали показались постройки Нефедьевской дачи.

— А че там огонь не горит? — опять заскулил Перекрестов. — Не могли такой дом бросить. Может, там засада нас дожидается?

— Уймись, дурак, — рассердился «иван». — Какая еще засада! Ставни закрыли. Они так завсегда делают.

Почти в полной темноте возница довез их до оврага и остановился.

— Дальше пехом, — сказал он вполголоса. — Я тут буду стоять. Время не тяните.

Три человека сошли на землю. Перекрестов пошарил на дне повозки и вытянул «Каролину Ивановну» — двухфунтовую гирю на ремне. Форосков достал револьвер и взвел курок.

— Пошли, — буркнул Проживной и первым спустился в овраг.

В полной темноте налетчики крались к дому со стороны поля. Внезапно слева, там, где к имению подходила дорога, разгорелась яростная перестрелка. Словно чадящие свечи, в ночи замигали огоньки вспышек.

— Что такое? — опешил Ванька. — Я знал, что нечисто! Тикаем!

В ту же секунду Форосков приставил дуло револьвера к левому боку Проживного и нажал на спуск. Даже не охнув, тот распластался на земле.

— А-а! Я знал! — успел крикнуть Ванька еще раз, швырнул под ноги гирю и попытался убежать. Пущенная с трех шагов пуля раздробила ему череп.

— Держитесь, Алексей Николаич, я уже иду... — прошептал Петр и, не разбирая дороги, бросился к дому.

Лыков лежал без движения уже больше часа. Стало совсем темно. Хорошо барону — он видит в темноте, как кошка; а простой человек мучается... Первый шум донесся со стороны дороги: всхрапнула лошадь. Чуть позже что-то возникло во ржи. Неужели «оборотни» разделились? Плохо дело... Ему с позиции уходить нельзя, кто же тогда прикроет дом со стороны поля?

Вдруг на дороге разгорелась частая стрельба. Садил из револьверов, и довольно густо. Почему так далеко? Барон должен был сидеть в кусту подле крыльца и ждать атаки. Неужели пошел на вылазку, отчаянная голова? Тут же бухнуло в поле: первый раз глухо, а второй весьма даже отчетливо. Там-то кто воюет? Лыкову очень хотелось сбегать туда и разобраться, но он сдержался.

И в этот момент появился Щукин. Черная фигура бесшумно и быстро шла вдоль дома прямо на Алексея. Неожиданно она замерла: опытный человек почуял засаду. Медлить дальше было опасно, и сыщик открыл огонь. Взмахнув руками, фигура опрокинулась навзничь. Не желая рисковать, Алексей встал и с расстояния пустил еще один заряд в голову. И лишь после этого подошел, отбросил ногой выпавший револьвер и стянул с лица лежащего башлык. Щукин смотрел на него с ненавистью и хрипел...

— Что, Ванька, обмишурился? Подыхай теперь.

Надзиратель забулькал горлом и попытался шевельнуться, но у него не

получилось. От угла раздались торопливые шаги. Лыков вскинул «ремингтон», но из темноты слышалось:

— Алексей Николаевич, где вы? Это я, Форосков!

— Петр! Ты как тут оказался?

— Привезли Нефедьевку грабить.

— Кто?

— Кто привез, уж в картишки с чертями перебрасывается. А вы тут с кем бились? Это кто лежит?

Форосков наклонился над телом:

— Ба! Иван Иваныч! Какая встреча! Не надо и беса, коли ты здесь. Никак, отлетаешь? Пора, пора...

На дороге раздался одиночный выстрел, и Лыков с Форосковым, не сговариваясь, бросились туда. Возле ворот они увидели следующую картину. У коновязи стояли две коляски, запряженные парой в дышло. Вокруг них в различных позах валялись четыре тела. Барон Таубе стоял в сторонке и курил, пряча папироску в кулаке:

— Алексей, кто это с тобой?

— Петр Форосков. Прибежал-таки на подмогу!

— Здравствуйте, Петр Зосимович! Давненько не виделись. Это вы в поле схватились?

— Да, Виктор Рейнгольдович. Добрый вечер. А что, уже можно закуривать?

— Полагаю, что враги закончились. Как там ваши успехи?

— Двое уголовных за забором, — доложил Петр.

— И Щукин позади дома, — добавил Алексей.

— Ну а у меня — вот...

Барон картинно простер руку, словно садовник, хвастающий богатым урожаем.

— Посмотрим, кто тут, — прошелся вдоль тел коллежский ассессор. — Готовцев... Поливанов... и Верховский с Челищевым.

— Кого не хватает?

— Из основных — судебного следователя Серженко и самого Бекорюкова.

— Кто-то один ушел верхами, когда началась пальба. Еще один лежит у ворот.

Лыков подошел к пятому телу, наклонился:

— А это Лев Мартыныч. Серженко. Конец рыжему. А не будь «оборотнем»!

— Остался только главарь?

— Из коренных — да. Он, видимо, и ускакал. Как понял, что дело плохо... Ну, ты велик, баронище! Пятерых настрогал, пока я с одним возился!

— Они думали, что ты один и забаррикадировался в мезонине. Подъехали не таясь, внаглую. Даже не осмотрелись. Ты оказался прав — их задача была только демонстрация. Отсюда и небрежность: воевать они не собирались, поручив дело Щукину. А я уже в кустах этих сидел, в шаге всего от ребят. И атаковал их первым, с обеих рук. «Оборотни» и выгрузиться толком не успели.

— А Серженко? Он как за воротами оказался?

— Пуля контузила его в голову, он упал и прикинулся мертвым. Но я-то почувствовал, что заряд чуть уклонился. Пошел проверить, а он в темноту отползает. Ну, добавил гостинца.

— Пошли в дом, а то наши волнуются. Если кто из «оборотней» и уцелел, то после такой трепки задал уже деру.

Втроем они вернулись к главному дому. Лыков забарабанил в дверь:

— Степан, отворяй! Можно выходить!

Изнутри послышались радостные голоса, и на крыльцо высыпали Окуньков и Буффаленок, а за ними — Варенька.

— Мы их накрошили, — сообщил Лыков. — В основном барон расстарался, нам с Петром только чуть досталось. Но главного среди убитых нет — ускакал. Сейчас мы поедem в Варнавин его добивать. Вы оставайтесь здесь и будьте бдительны. Сидите в доме, ставни и двери не открывайте. Утром мы вернемся.

— Возьмите меня с собой! — взмолился Федор. — Я еще никого в жизни не убил!

— Вот и радуйся этому, дурачок, — осадил его Лыков.

— И потом, ты нужен в поместье, — добавил Таубе. — Мы укатим, а здесь женщины и дети. Мало ли что? Тут резня пошла серьезная.

— Смотри, кто-то едет! — тронула мужа за плечо Варвара Александровна. — Кто бы это мог быть?

Действительно, по проселку медленно приближались два желтых огня. Вскоре они поравнялись с воротами, и оттуда раздался женский вскрик.

— Это Смецкая, — догадался Алексей. — Должно, услышала выстрелы, испугалась за нас и помчалась проведать. Черт, а там покойники лежат, зрелище не для глаз барышни.

Он побежал к воротам и быстро привел коляску к дому. Аким и Еллий аккуратно выгрузили на землю кресло на колесах, Аннушка встала рядом. Бледная от ужаса калека вцепилась в рукав коллежскому асессору:

— Алексей Николаевич, что происходит? Там лежат... и всюду кровь... Помпей Ильич, Николай Орестович... другие... Кто их убил? За что?

— Успокойтесь, Полина Мефодиевна. Они действительно мертвы. Это бандиты, члены шайки Недокрещенного, и убиты они при попытке напасть на нас.

— Какие бандиты? — ошалело переспросила барышня. — Какая банда? Из кого? Из городского пристава и предводителя дворянства?

Вдруг лицо ее исказила страшная догадка:

— А-а... Понимаю... Это вы их убили! Вы и меня сейчас убьете! А потом скажете, что барышня-калека — тоже банда!

У Смецкой началась истерика, перешедшая в эпилептический припадок. Она вывалилась из кресла на песок и забилась в судорогах, изо рта у нее шла пена. Аннушка, с ненавистью косясь на Лыкова, принялась обтирать несчастную инвалидку. Мужики на полости внесли Полину Мефодиевну в дом. Варенька распорядилась уложить больную в комнатах и стала оказывать ей посильную помощь.

— Пусть отлежится, а нам пора ехать, — сказал Лыков. — Буффаленок! Отвечаешь тут за безопасность. Смотри в оба!

Взволнованный Федор хотел что-то сказать сыщику, но тот отмахнулся:

— После, после! Бекорюков уйдет!

И трое бывалых мужчин в трофейной коляске помчались в Варнавин.

В два часа ночи они ворвались в здание полицейского управления. Там было пусто, лишь в большой комнате при свете лампы сидел Тамазин. Увидев Лыкова с товарищами, он выбежал из-за стола и бухнулся перед ними на колени:

— Предаюсь в руки правосудия с полной повинной!

— Тьфу! Где он?

— Домой побежал, как понял, что наших побили.

— Садись и пиши все, что знаешь.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! Не забудьте потом, что я сдался и добровольно всех выдал!

— За мной! — развернулся коллежский ассессор.

Коляска помчалась по тихим темным улицам спящего города. Завтра здесь начнется другая жизнь, в которой не останется «оборотней». Что-то она сулит варнавинцам?

К особняку Бекорюкова подъехали не таясь. В одном из окон горел свет.

— Ну что, Недокрещенный! — крикнул Лыков, становясь на крыльце. — Выходи, я тебя докрещу!

Зазвенело разбитое стекло, грянул выстрел, но сыщик уже стоял под прикрытием стены.

— Медленно все делаешь, Галактиоша, слишком медленно, — с издевкой прокомментировал Алексей. — Это тебе не ювелиров душить. С Лыковым по-другому надо. Твои опричники тоже плохо старались, теперь в канаве лежат. Тебя одного лишь не хватает.

Таубе с Форосковым укрылись за коляской, но стрелять не спешили. Они понимали, что Лыков хочет сам расправиться с главарем.

— А где Щукин? — поддержал разговор исправник.

— Там же, где и прочие. Я ему чапельник продырявил. Не товарищески ты своих бросил, Галактиоша. Надо бы присоединиться.

— Вот черт! — расстроился Бекорюков. — А я думал, он лучше тебя!

— Лучше меня только подполковник барон фон Таубе.

— Это еще кто?

— К вашим услугам, — подал голос барон и тут же удостоился выстрела. Однако он успел присесть, и пуля прошла выше.

— Вы, любезный, стреляете, как институтка глазами! — крикнул подполковник. — Ставлю вам оценку «плохо».

Разозленный Бекорюков пустил в барона еще два заряда, но с тем же успехом.

— Эй, исправник, — забеспокоился Лыков, — ты про меня не забыл? На посторонних размениваешься, а у тебя тут поближе приятели имеются!

Он опять выскочил на крыльцо, пнул ногой дверь и тут же укрылся за стеной. Четвертая пуля также прошла мимо цели.

— Ну ты и простой... Как только бандой командовал? Эй! Смотри там, не застрелись! Не лишай меня удовольствия!

Бекорюков понял, наконец, что его нарочно дразнят, чтобы он расстрелял впустую все заряды. Оставшиеся два исправник, видимо, задумал израсходовать более осмотрительно.

— Эй, Недокрещенный! — крикнул Лыков, воспользовавшись паузой. — Давно хотел тебя спросить... Тебе все одно подышать, ты уж скажи... Как вы Ивана Красноумова расшифровали?

— «Демона»-то вашего? — ответил, помолчав, штабс-ротмистр. — Очень просто. Он слишком точно следовал инструкции для секретных агентов. В первую встречу еще меня заинтересовало, как он на нас смотрит. Сверху вниз, медленно, не натурально. Будто заученно. Обычные люди в жизни не так делают, а плятятся без затей. Но этот... Потом до меня дошло:

он же приметы наши запоминает! По инструкции положено описывать их сверху вниз, начиная с лица и заканчивая обувью. Красноумов твой так и поступал. Не мог же он предположить, что я тоже читал эту секретную инструкцию! И еще штришок: руки он мыл после уборной. Противоречило созданному им образу, выдавало воспитание. Не то чтобы совсем улики, но насторожило это меня. Я и приказал на всякий случай кончить. Ну, и... кинули вашего «демона» в Екатерингофку. Очень он против этого возражал, гы-гы!

Лыков скрипнул зубами и чуть было не полез на штурм. Таубе решил вмешаться: в запале его друг мог подставиться. Коротким броском барон выскочил прямо под окно и словно замешкался. Мелькнуло торжествующее лицо исправника — он выстрелил почти в упор. Но случилось невозможное. Непостижимым образом барон вильнул всем корпусом: сначала влево, потом вдруг вправо и на полпути неожиданно снова влево. Глаз не успевал следить за этим маневром. Заряд прошел мимо.

— Давай шестой! — потребовал Таубе. И последний выстрел раздался, но из глубины дома. Мгновенно Лыков налег на дверь, все трое ворвались внутрь.

Штабс-ротмистр лежал на спине в гостиной, сжимая в руке дымящийся револьвер. С левой стороны груди чернело пятно ожога, по полу быстро растекалась кровь.

— К чертям улетаем? — любопытствовал сыщик.

— А нету никаких чертей, — сообщил ему умирающий. — И бога нет. Это все для вас, дураков, придумано.

— Ну, точно этого никто не знает, — возразил Лыков. — Ты приди оттуда и мне расскажи, что увидел, ладно?

— Я приду, — злобно прошептал Бекорюков. — Я приду...

— Угу. Если я вдруг почувствую, что вокруг дерьмом запахло, то буду знать — это ты пришел.

Неожиданно на лице Недокрещенного появилась странная, счастливая улыбка:

— Эх, Полюшка... Из-за тебя все, шалунья... Непослушная. Непослушная девочка... За это и люблю...

— Какая еще шалунья? Ты о чем, Галактиоша?

— Как я ее просил: потерпи до августа... Возьмем казначейство, уедем во Францию. Не утерпела... Такое дело сорвала... А все равно люблю... Такую вот и люблю...

— Эй! Ты чего, бредишь?

— Болван ты, Лыков... Думаешь, победил меня? А твоих детей там

сейчас убивают...

— Кто?

— Полина. Это ведь она маньяк... Она всех душила...

— Полина Мефодиевна? Она же калека. Как калека может лазать по оврагам и душить детей? Бредишь, Галактиоша!

— Калека? Лучше нас с тобой бегают... Никто не знает, лишь свита... да я...

Лыков на глазах менялся в лице, и Бекорюков это заметил.

— А... Дошло до дурня... Смеялся надо мной... Теперь я посмеюсь... Когда от Нефедьевки на рысях уходил — ее встретил, к вам ехала... Поклялась всех... ни одной живой души... не оставить...

Коллежский ассессор развернулся и кинулся вон из дому. Все трое снова прыгнули в коляску и помчались обратно в Нефедьевку. Лыков беспрестанно нахлестывал лошадей, на него невыносимо было смотреть. За всю дорогу никто не проронил ни слова.

Через полчаса загнанные лошади встали у входа в главный дом. Лыков с револьвером в руке ворвался внутрь.

— Варенька! — как безумный, крикнул он и осекся. Поперек раздевальни лежал в луже крови мертвый Окуньков.

— А-а-а!!! — дернул себя за волосы сыщик и кинулся в вестибюль. Там валялось на боку пустое инвалидное кресло. А у нижних ступеней лестницы, ведущей в мезонин, распласталось еще одно тело. То ли Аким, то ли Еллий — коллежский ассессор так и не научился их различать. Между бровями у него чернело аккуратное входное отверстие от пули. Знакомый почерк — так когда-то, давным-давно, стрелял Буффало старший, отец Буффаленка.

— Варенька! Где ты?

Лыков побежал было вверх по лестнице, но на площадке путь ему преградила целая груда тел. С топором в руках лежал второй носильщик Смецкой. Рядом уставила невидящие глаза в потолок камеристка Аннушка, подле валялся огромный нож. И, наконец, выше по лестнице, уже перед дверью в мезонин, обнаружилась с удавкой в руке сама Полина Мефодиевна. Все трое были убиты наповал точными выстрелами в голову. Рана не исказила лица Смецкой: она лежала ослепительно красивая, только глаза, открытые настежь, поражали разлитой в них необыкновенной злобой...

Чуть приоткрылась дверь в мезонин и оттуда высунулся Буффаленок:

— Алексей Николаевич, это вы? Мы все живы! А у вас как?

27. Время строить храм

Спустя двое суток после той страшной ночи они сидели над поймой Ветлуги за вкопанным в землю столом. Супруги Лыковы, Форосков, Таубе и Буффаленок чаевничали и любовались рекой. Особняком, под ручку с Грушей, жмурился на солнце Титус; щеки его уже начали розоветь. Неподалеку резвились дети, уютно гудел самовар. Только вот разжигал его не верный Степан, а недавно нанятый и еще неумелый паренек.

Алексей рассказывал, а остальные его слушали:

— Душой всей организации был Бекорюков. Мне кажется, его не столько интересовали добытые преступным путем деньги, сколько сами приключения. Антураж, двойная жизнь, ощущения, что тебя ищут... Французы говорят: нет ничего хитрее безупречного поведения. Галактион Романович поступил еще более хитро — он создал образ, вызывающий упреки. Зато этот образ вышел очень убедительным и правдоподобным. Заурядный полицейский служака, фактический неудачник, тянущий скучную служебную лямку. Берет небольшие подношения, ходит от скуки на медведей... Все, как положено. Поразительная маскировка — половина местной полиции состоит из таких людей! Кто бы мог догадаться, что в другой своей жизни тот же Бекорюков — главарь дерзкой шайки, безжалостный, хладнокровный убийца. И человек, за которым безуспешно гоняются все сыщики империи.

Я должен был догадаться обо всем раньше. Подсказки имелись. Следователь Серженко случайно обмолвился, что Бекорюков отыграл один сезон в Костроме, в городском театре. Лишь сейчас, от приехавших оттуда следователей я узнал важные подробности. Знаете, под каким псевдонимом выступал на сцене наш герой? Галактион Крещеный. Потом по жалобе владыки его заставили снять этот псевдоним. Но он не захотел сменить сценическое имя и вообще ушел из театра. Еще Бекорюков успел написать пьесу. Название ее кажется мне пошлым: «Полковник ада». Но сюжет интересный. Главный герой родом из хорошей семьи, но в силу обстоятельств, а больше от скуки делается атаманом разбойничьей шайки. Если бы я знал это раньше!

Но меня должны были насторожить хотя бы другие детали. Почему члены «дворянской артели» брились или носили лишь небольшие усы? В крайнем случае, короткую щетину, как Челищев. И это при бородатом императоре и в провинции. Да потому, что им требовалось часто менять

наружность. У Бекорюкова в доме обнаружилось целое депо, с платьем разных сословий, с гримом, усами, париками и прочими атрибутами. Иногда по неопытности Недокрещенный допускал ошибки. Так, он перекрасил следователя Серженко в брюнеты, но корни волос у того остались рыжими, и Иван Красноумов это заметил. И указал в своем предсмертном рапорте. А я не придавал этому значения...

— Уж больно идея оказалась необыкновенной, — попытался утешить Лыкова барон Таубе. — Тихий уездный городок. Никогда ничего не случается важнее базарной кражи. И вдруг целая банда. Состоящая исключительно из уездного начальства и возглавляемая главным блюстителем порядка. Кто мог такое предположить? Тут и я бы не догадался. Разве только Павел Афанасьевич!

— А я не понимаю, как могло это выглядеть, так сказать, технически, — вступил в разговор Форосков. — Целый уезд вдруг разом оказывался без руководства. А дела кто вел? Жизнь ведь не стоит на месте.

— Чаще всего «оборотни» выезжали на дело весной и летом. Весной весь уезд занят исключительно сплавом, прочие дела откладываются на потом. Лето — пора отпусков, жизнь почти замирает. Да и не так много дел по уездному управлению. Бекорюков рассказал мне, как он однажды целый месяц сжигал все отношения, приходящие от губернского и иного начальства. И ничего от этого не изменилось — никто даже не заметил пропажи бумаг.

— А куда «оборотни» девали награбленные деньги? — поинтересовался Федор Ратманов.

— Многие просто клали их в банк. Верховский прикупал землю, Поливанов ездил кутить в Монте-Карло. Эти доходы легализовались, как прибыль «дворянской артели» от лесного дела на реке Вятке. Кстати о Поливанове. Он тоже играл свою роль хорошо. Эдакий неглижер, бездельник, с которого взятки гладки... А на самом деле — штатный палач банды, наравне со Щукиным самый жестокий в ней человек. Хотя все они были хороши...

— И долго так могло продолжаться? — задала вопрос Варенька.

— До августа этого года. У них бы получилось! Банда Недокрещенного нам не давалась. Трудно ловить преступников, фактически не связанных с уголовным миром. Там, где такая связь была необходима, ее обеспечивал Щукин. Ему, как сыщику, можно было поддерживать эти знакомства, не возбуждая подозрений. Ну, и никому действительно в голову не приходило искать банду гастролеров в тихом лесном городе посреди местного начальства.

— А что должно было случиться в августе?

— Ограбление уездного казначейства. Согласно бюджетной росписи, туда должны были прийти семьсот восемьдесят тысяч рублей. Финансирование работ по углублению фарватера Ветлуги и очистки ее от карчей. Князь Солнцев-Засекин, уездный казначей и член банды, заранее известил об этом главаря. Убегая давеча из трактира Островского, я так удачно своротил князю челюсть, что тот слег с сотрясением мозга. Потому не сумел застрелиться, как Бекорюков или городской голова Дронов, и дает теперь показания следователям. В дополнение к признаниям Тамазина это даст полную картину многолетних преступлений банды. После ограбления казначейства «варнавинские оборотни» собирались разойтись. Бекорюков, как не сумевший раскрыть ограбление, добровольно подал бы в отставку. Казначейство находится в одном здании с управлением полиции. Исправнику неизбежно поставили бы это в вину: у себя под боком и просмотрел! Он охотно посыпал бы голову пеплом — и удалился за границу с чемоданом золота и любимой женщиной. Банда Недокрещенного никогда не была бы раскрыта полицией, она бы просто исчезла.

— Но вмешалась та самая женщина, — подал реплику Таубе.

— Да, — вздохнул Алексей. — Не знаю, правда, можно ли назвать ее этим словом. По самой природе женщине предназначено давать жизнь, рожать и растить детей. А эта их душила.

— Полина была больна, — твердо сказала Варвара Александровна. — Такое не может сделать психически здоровый человек.

— Психика — дело темное, — возразил муж. — Я, в силу своей службы, много знавал нелюдей, совершавших поразительные по зверствам преступления. Иногда это были и женщины. Что-то сатанинское есть во всех этих субъектах. Их бесполезно лечить. И нет таких замков, которые сумеют удержать их взаперти. Самое верное — уничтожить выроdkов, не дожидаясь, пока они дадут дьяволову потомство. С этим сталкиваются все полицейские. Когда смертная казнь за уголовные преступления не предусмотрена, зло часто остается безнаказанным. Вот есть нелюдь. Убивает людей. Зачастую не столько для прокорма, сколько из удовольствия. Нравится ему это. Как жертвы дрожат перед ним, умоляют о пощаде, мучаются... Я арестовываю его с риском для жизни, а эта тварь мне на допросе в лицо смеется. И говорит, ухмыляясь: и чего ты, сыскарь, добился? Я ж все одно убегу. И нарочно на воле отыщу минутку, твоих близких навестить. И я ничего не забываю. Страшно тебе? Вот и хорошо, теперь всю жизнь за них бойся!

За столом сделалось совсем тихо. Варенька молча смотрела на мужа. В

эти три дня она многое стала понимать о его службе, чего не осознавала ранее. От чего ее прежде оберегали. И вот сама жизнь взялась все разъяснить. Смертельная опасность в образе лютого, невыразимого зла... Она подошла к ней и ее детям, обожгла ледяным дыханием и, по стечению счастливых обстоятельств, отступила. Надолго ли? Страх за детей, за мужа, за себя может остаться на всю жизнь. И тогда что это будет за жизнь? В вечном ожидании очередного ужаса? Алексей понимал это. Он и сам, сделавшись мужем и отцом, стал много больше бояться. Но он-то свой страх сумел пересилить, а сможет ли Варенька?

Но жена возразила:

— То, что ты сказал, относится к мужчинам. Смецкая — женщина, и то, что с ней случилось — итог болезни. Видимо, при падении с лошади она повредила себе не только позвоночник, но и голову.

— Разумеется, — охотно согласился с женой коллежский асессор. — То была трагедия. Сделаться в восемнадцать лет калек! И из лучших невест города превратиться в объект сострадания одних и насмешек — других. Смецкая уже простилась с жизнью. Вдруг Божий замысел вернул ее обратно на землю, к людям. Таковую же молодую и красивую, но без ног. Это был удар, а не подарок. На истеричную, склонную к мистицизму натуру барышни это произвело деформирующее впечатление. И, видимо, ты права, была и механическая травма головы. Все это перемешалось и дало то, что дало. Явился монстр. Зверь в обличье бедной инвалидки. К тому же она была молода и неопытна, без руководства матери и помощи опытных докторов. Так в тихом городке, незаметно для окружающих, завелось чудовище.

— Уже второе, — лаконично вставил Буффаленок.

— Да. Они быстро нашли друг друга. Бекорюков обнаружил родственную душу. Странно говорить об этом, но и между чудовищами случается любовь.

— Но как все-таки Смецкая излечилась втайне от всех? — спросил Форосков. — Варнавин что деревня: все всё про всех знают. А тут такое и не заметить...

— Это навсегда останется загадкой. Полагаю, что травма позвоночника оказалась не столь страшной, как вначале почудилось докторам. Да и молодость взяла свое. Но ходить как прежде она так и не научилась. От долгого бездействия мускулы ног обмякли и утратили прежнюю силу, что сказалось на походке барышни. Эту странность и заметил цеховой Кутьин. Он сказал мне, что маньяк ходит враскоряку... Когда барышня вдруг снова обрела возможность двигаться, она уже

сделалась другим человеком. Не тем, кем была до несчастья. Соборование, прощение с этим миром — и вдруг воскрешение! В народе действительно считают, что выживший после елеосвящения не относится уже к этому миру. Вот Смецкая и решила, что тот, первый человек, умер, а появился некто новый. И этот новый был обижен на весь свет. И она начала мстить.

— Невинным детям?

— Да. Известно, что подростки, особенно в определенном возрасте, часто бывают невыносимы. И жестоки ко всему непохожему, странному. Когда Смецкая ехала в своем инвалидном кресле по городу, за ней увязывалась целая толпа детей. Они тыкали в нее пальцем, смеялись, оскорбляли, даже кидали камни. Барышню это сильно нервировало, буквально до истерик. Подростки никогда прежде не видели таких колясок и удивлялись по-животному грубо. И калека их возненавидела.

— Получается, что она тайком надевала по вечерам мужской костюм, шла, душила, а потом как ни в чем не бывало возвращалась в инвалидное кресло? — уточнил Таубе.

— Втайне, но не от всех. Свита знала и помогала ей. Тут сошлись сразу четыре черные души.

— Свита хреном сбита... — пробормотал Форосков, но посмотрел на Варвару Александровну и прикусил язык.

— Аким и Еллий были те еще ребята. Первые в Аппалихе головорезы. В восемьдесят третьем они убили и ограбили купца на Вятском тракте. Исправник Бекорюков замял это дело, чем сразу расположил к себе барышню.

— А Анна, камеристка?

— Бог ее знает. Или, скорее, черт. Факт, что она была очень предана своей хозяйке. А та ее весьма баловала. Об остальном мы можем только догадываться. Видимо, там имела место, что называется, любовь на троих. Братья пользовались благосклонным вниманием красивой камеристки, и все вместе они верно служили Смецкой. Так младшие бесы ходят на посылках у нечисти более высокого ранга.

— Разъясни вот еще что, — потребовал Таубе. — Бекорюкову выгодно было до самого августа сохранять в городе видимость спокойствия. Здесь базис его шайки; образно выражаясь, обозы и магазины. Появление в тихом Варнавине маньяка путало его карты. Губернские власти раздражаются. Они могут наводнить город сыщиками, привлечь сюда дополнительные полицейские силы. Все, что угодно. И тем создать помехи готовящемуся ограблению казначейства. Так?

— Так.

— Почему же тогда Бекорюков-Недокрещенный не приструнил свою подругу?

— А он сам долгое время не знал, кто маньяк. И искал его, как умел, опасаясь перечисленных тобою последствий. Только мой приезд открыл ему глаза.

— Это каким же образом?

— Покушение на Титуса заказала именно Смецкая. Она пожаловалась своему любовнику. Не знаю, на что конкретно. Придумала какую-то сказку. Что Яан оскорбил ее, или что-то в этом роде... Бекорюков распалился и выделил в качестве экзекутора Щукина. Тот заманил Яшу письмом, написанным под его диктовку Ваней Модным, и чуть не убил.

— А для чего на самом деле барышня желала Яшиной смерти?

Все собеседники при этих словах дружно обернулись и посмотрели на сидящего в сторонке Титуса. Но тот смолчал и лишь осторожно пожал плечами: не знаю, мол... Лыков разъяснил:

— Он вел собственное расследование, ходил по городу, выпрашивал. Ничего толком не узнал, но насторожил убийцу. Камердинер Мефодия Александровича дал показания: именно он подслушал один такой разговор Яна в чайной и передал его хозяевам. Так, к слову... Смецкая отреагировала мгновенно и нанесла упреждающий удар. Но это стало началом конца «оборотней».

— Из Петербурга приехал волкодав, — продолжил было Форосков, но коллежский асессор с ним не согласился:

— Волкодав оказался суще-глупый и умом прискорбный. Он долго и успешно гонялся по всему уезду за различной шушерой, которую ему подсовывал исправник. Но именно от меня Бекорюков узнал важнейшую новость: Титус пострадал за то, что разыскивал маньяка. Он обо всем догадался. Полагаю, состоялось бурное объяснение. Смецкая обещала до августа никого больше не душить. И, как мы знаем, не сдержала слова. Видимо, барышня уже не могла отвечать за свои поступки. Бекорюков висел на ниточке: раздосадованный губернатор грозил уволить его без прощения. Это ставило под угрозу весь замысел. Новый исправник начнет рьяно, желая выслужиться. Именно ему поручили бы поиск грабителей казначейства. Кто знает, что он сумел бы там нарыть? Да и удалось бы само ограбление при другом исправнике? В этот момент я своим неумным рвением очень помог Галактиону Романовичу остаться при должности. «Обнаружил» шайку Челдона... Разумеется, место ее дислокации было давно известно «оборотням». Они же волки, а волки не терпят посторонних на своей территории. Но для каких-то своих нужд Бекорюков их до

времени терпел. После моего открытия пришлось гайменников раскассировать. Исправник надеялся, что меня убьют при задержании. Именно для этого они с Готовцевым изменили ранее принятый план и начали вдруг стрелять в бандитов на поражение. Рассчитывали, что те побегут не в лес, а в дом, и там попутно возьмут столичного гостя в ножи. И ведь чуть не удалось! Тогда, кстати, я получил еще одну подсказку и снова ее не понял. Патологическая жестокость офицеров должна была меня насторожить. Хладнокровно застрелить шесть человек... Это же в духе Недокрещенного! А я отнес такую привычку к военному опыту Бекорюкова и Готовцева. Видимо, они успели пролить немало туземной крови в Туркестане, и это вошло у них в обиход.

Моя смерть очень бы устроила всех, потому Недокрещенный так охотно отпускал меня под надзором Иван Иваныча на ловлю дезертиров. Вдруг кто-нибудь да успеет огрызнуться? Но ни Мишкин нож, ни Вовкина пуля цели не достигли, и Недокрещенный смирился с этим. Решил не убивать добровольного помощника, а обвести вокруг пальца. Тем более что я ни о чем не подозревал, и потому был ему не опасен.

Правда, вдвоем с Петром мы разоблачили Ваню Модного. Пришлось срочно убивать парня, а с ним заодно и нотариуса Нищенкова, чтобы свалить всю вину на последнего. Тело нотариуса вчера показал Тамазин...

Переменив тактику, «оборотни» выставили ложного маньяка. Вызов в полицию короля нищих, его догадка — все это был спектакль. Несчастный Вовка очень кстати для них бросился в Ветлугу. Его личность до сих пор не установлена. А бусы задушенной девочки Бекорюков взял у своей любовницы и сам повесил их перед шалашом, пока мы со Щукиным бегали по берегу. Операция удалась: я купился, как последний дурак. Видимо, подсознательно очень хотелось отдохнуть от непрерывного страха за детей...

На минуту за столом повисла пауза.

— И все-таки у них не получилось, — вступился за сыщика барон. — Не так уж ты и плох, каким пытаешься себя выставить. На дурака вся надежда, а дурак-то и поумнел!

— Это заслуга не моя, а Ивана Красноумова. Чиновника Департамента полиции, внедренного в уголовную среду. Таких людей называют «демонами». Иван вызвал подозрение, и «оборотни» убили его. Но последний предсмертный рапорт агента содержал несколько важных подробностей. Тогда они казались мелочами. Однако любой сыщик знает: на мелочах часто и построен розыск. Мне мешало заподозрить Бекорюкова в том числе и то, что у Недокрещенного на щеке значились следы

подживших угрей. Лицо же исправника было совершенно чистым. Он подклеивал эти «угри», когда гримировался, и уловка сработала. По счастью, помимо таких примет есть еще малозаметные привычки, особенности поведения человека, которых он сам в себе даже не подозревает. Вроде манеры схлебывать из ложки... И эта мелочь, запротоколированная «демоном», выдала Недокрещенного. Так, спустя месяцы после своей гибели, Иван помог мне разоблачить банду. Вообще, во всем, что произошло, можно при желании разглядеть судьбу. Я попал в неожиданный отпуск за то, что застрелил убийцу Красноумова. И именно здесь, в лесной глуши, мы с вами и добились «оборотней». Однако имело место фантастическое, сказочное везение. Причем многократное.

— Многократное? — удивилась Варенька. — Что ты хочешь сказать!

— Сначала в городе меня спас Панибратов. Этот болезненный человек проявил настоящее мужество — его вполне могли прикончить за содействие мне. По счастью, злодеи спешили. Щукин лишь ударил его и этим ограничился. Опухла вся левая сторона лица, вид ужасный, но кости черепа целы. Когда я вчера рассказал Амилию Петровичу, что самолично пристрелил надзирателя, тот счел себя отомщенным. И вообще он ходит сейчас героем: помог избавить Варнавин от зла...

Затем очень вовремя подвернулся Оденцов. Не знаю, как бы я без него смог выбраться из города. Скорее всего, никак...

На этом везение не закончилось: появились вы с Буффаленком! Еще бы минута-другая, и вы угодили бы на оцепление. Страшно подумать, что бы тогда произошло.

— Мы безусловно прорвались бы к тебе, — убежденно сказал барон. — У меня, знаешь, в кармане мундира лежит такая бумага... Губернаторы честь отдают, не то что исправники.

— Ну, ты меня несколько успокоил. С момента вашего появления в Нефедьевке соотношение сил разом изменилось в нашу пользу. А «оборотни» даже не подозревали об этом. Подумаешь, приехали офицер с подростком! И их прибьем за компанию...

— Ну, и у тебя еще был козырь в рукаве: Петр Зосимович.

Форосков при этих словах довольно крякнул.

— Да, — согласился Лыков, — уголовных он закрыл очень кстати. Видимо, Проживной получил задание убить Петра вместе с Ванькой Перекрестовым возле дома. И потом выдать их за налетчиков, которые передушили обитателей поместья, включая туда женщин и детей. Героическая полиция подросла, но слишком поздно. Гайменики уничтожены, а вот жертв уже не оживить... И концы в воду. Поэтому

солдаты и не вмешались в нашу схватку — им строго-настрого запретили приближаться к поместью, и лишь стоять в оцеплении. Свидетели были Бекорюкову не нужны.

Опять все замолчали, лишь Варенька зябко передернула плечами.

— Но и ваш неожиданный и такой своевременный приезд — не главное мое везение. Даже отбившись от «оборотней», я по-прежнему не знал главного. И впустил маньяка в дом, а сам уехал... Скажи, Федор, давно собирался тебя спросить. Как ты догадался? Ты же увидел Смецкую впервые.

— А вот как увидел, так сразу и догадался. Для меня очевидным стало, что она дурной человек. И ее приезд, истерика с эпилепсией — не более чем спектакль.

— Лишь увидел ее и сразу понял? То, что мы с Варварой Александровной не смогли разглядеть за несколько недель общения?

— У Буффаленка особенный дар, — пояснил барон. — Я сам это заметил, лишь когда начал учить его своему ремеслу. Не знаю, как, но Федор видит людей насквозь. Их истинную личину.

— Но сам я этого «дара» в себе до конца не осознаю, — продолжил Ратманов. — Вернее, сомневаюсь в нем. Тогда, после боя и готовясь к новому бою, вы не поверили бы мне, если бы я вдруг попытался очернить в ваших глазах барышню-калеку. Ведь так?

— Безусловно. И некогда было, и аргументов ты не сумел бы привести. И потом, извини, но для меня ты еще малоопытный подросток.

— Я это тогда отчетливо понял. Что лишь насторожу Смецкую и ее свиту, если буду пытаться вас предупредить. И принял решение перебить их в одиночку. У меня не было другого выхода.

Таубе и Лыков одновременно молча покачали головами, и нельзя было понять — с одобрением или осуждая...

— Но прежде чем стрелять в этих людей, требовалось сначала найти доказательства их дурных намерений. И я их нашел.

— Как? — хором спросили все сразу.

— После вашего отъезда произошло вот что. Камеристка, укладывая свою хозяйку в постель, сняла с нее боты. И выставила в раздевальне. Взрослые в тот момент были заняты больною, я остался один и успел внимательно осмотреть обувь Смецкой.

— Я тоже обращал на них внимание, — сказал Лыков. — Идеально чистые ботики, в которых никогда никто не ходил.

— Это только видимость. Она же в них шла на преступления! А чтобы ботики оставались чистыми, надевала поверх галоши.

— Федор! Откуда у калеки могут взяться галоши? Для чего они ей?

— Конечно, собственных галош у нее, согласно легенде, быть не могло. Поэтому Смецкая пользовалась галошами своей камеристки. А у той они, сообразно моде, были с металлическими буквами внутри: «АВ». Анна Вторникова — так ее звали, я выяснил это у Окунькова.

— По-прежнему ничего не понимаю, — расстроился Лыков. — Ну, галоши с буквами. Как ты барышню-то разоблачил?

— На подошвах ее ботинок, таких чистых, отпечатались буквы. Едва заметно, но вполне отчетливо. Это могли быть лишь буквы с чужих галош. Значит, Смецкая ходила! Откуда еще эти отпечатки могли взяться у калеки? А раз так, какая же она тогда калека?

Пятеро взрослых ошарашенно смотрели на юношу, а Лыков даже приоткрыл рот. Наконец он опомнился:

— Продолжай, пожалуйста!

— Улучшив момент, я попытался предупредить Окунькова. Но тот лишь покрутил пальцем у виска. Вам, Варвара Александровна, я и не пытался ничего сказать — вы бы мне тем более не поверили.

— Да, — тут же согласилась Варенька. — Я жалела Полину...

— Тогда я окончательно убедился, что надеяться могу лишь сам на себя. И на внезапность. При всеобщем непонимании остальными надвигающейся опасности. Ну, подготовился. У меня был даденый вами револьвер. Никто об этом не знал, кроме Степана Пименовича. Я прикинулся перед свитой дурачком: бегал, бестолково суетился... Для них мальчишка и мальчишка, тем лучше. Еще я понимал, что оружие могу пустить в ход лишь в самый последний момент, когда намерения убийц будут выказаны ими со всею откровенностью. Страшно было. Справлюсь ли? Все жизни, включая детские, на мне; никто остальной ничего не понимает. А свита шушукается, готовится. Жуть... Так погиб Окуньков. Когда позвали его вниз, я прямо в ноги ему упал: не ходите туда, Степан Пименович, убьют вас! Не послушал... Он спускался, я смотрел на него, все знал, но поделать ничего не мог. Выдал бы себя раньше времени, пытаюсь спасти его, — погубил бы всех... Он подошел, и сразу ударили они его ножом. Я стоял на верхней площадке и, признаюсь, дрожал. Потом взял себя в руки. Отца вспомнил. Как бы он поступил? Понял: отец перебил бы их, но так, чтобы наверняка. А как это? Лестница. Дать им забраться до середины. Наверх быстро вбежать не получится, вниз — подставят спины. Так и сделал.

Начали они подниматься. Смотрят на меня, ухмыляются. Словно удовольствие предвкушают, особенно Смецкая. Она шла первая, на нее

страшно было смотреть. Такое лицо...

— И что дальше?

— Я не был уверен в револьвере. Одна осечка, и нам конец. Но «смит» не подвел. Как дошли они до середины, я — бах! — свалил заднего мужика. Сразу в лоб и наповал. Заметались, но не испугались. Не поняли еще, что смерть пришла... Уже все, кажется, в руках, а тут какой-то подросток. Бросились, что волки. Их был единственный шанс — успеть добежать до меня, ежели я замешкаюсь.

— Но ты не замешкался.

— Видя эти рожи? Ни на секунду!

— Да... — пробормотал Лыков. — Мефодия Александровича хватил удар, когда ему сообщили. Завтра похороны: отца и дочь отпоют вместе. Город до сих пор в себя приходит. Многие не верят, что маньяк — это несчастная инвалидка. Хорошо, тот самый лакей, что подслушал разговор Титуса в чайной, подтвердил. Он тоже знал, что барышня при своих ногах, а то бы ты, Федор, оказался в щекотливом положении... А помнишь, как недавно плакался, что никого пока не убил? Теперь на тебе четыре жизни. Стало ли тебе легче?

— Нет. Но я защищал людей от зверей. Трудно, но обойдусь.

— Мы все вечно будем помнить, чем тебе обязаны. Ты совершил чудо, понимаешь? Сколько еще проживу, буду за тебя молиться... Настоящий Ратманов, весь в отца!

Подошла горничная:

— Алексей Николаевич, там приехали.

— Опять следователи? — недовольно спросил Лыков.

— Какой-то Девяткин.

— Вот это хорошо! Очень кстати. Самое время строить новый храм!

Примечания

1

Прозорка — дверной глазок.

2

4,2 линии — калибр 10,66 мм.

П. Н. Дурново — в 1884–1893 гг. директор Департамента полиции.

Село Маково Михайловского уезда Рязанской губернии — имение министра внутренних дел Д. А. Толстого.

МОК — мужской одиночный корпус Бутырской тюрьмы.

Гайменник — убийца (*жарг.*).

Полупарюра — неполный гарнитур из ювелирных украшений (серьги, брошь и запонки), изготовленных в одном стиле.

Слам — краденое, добыча.

Дом предварительного заключения, Петербургская городская следственная тюрьма.

Красноярки — фальшивые банкноты (*жарг.*)

«**Лапки**» — взятка сыскной полиции (*жарг.*).

Отначиться — откупиться от полиции (*жарг.*).

Сверкальца — бриллианты (*жарг.*).

Халамидники — базарные воры, плебеи преступного мира.

15

174 cm.

Из трети — когда съемщик забирает себе за труды треть сваленного леса, исполу — когда половину.

Сейчас — окрестности с. Одоевского, Шарьинский р-н Костромской обл.

Карчи — затопленные деревья.

Городовой пристав — должность, существовавшая в некоторых уездных городах. На правах помощника исправника он осуществлял полицейский надзор в городе.

«Глаз» — фальшивый паспорт (*жарг.*).

То есть пароходного общества «По Волге».

Гаврилка — пристяжная манишка.

Полоротая — громкоголосая (*ветлужск.*).

Однофамилец знаменитого терапевта Г. А. Захарьина, основателя московской клинической школы.

Угор — высокий берег (*ветлужск.*).

Темно-бронзовая медаль за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. вручалась чинам действующей армии, не принимавшим непосредственного участия в боевых действиях.

«Саврас» — бабник.

Актуалитэ — новости, политическая хроника.

Зеленую басонную нашивку на рукаве в русской армии носили команды разведчиков.

Горчишники — хулиганы.

Хабалить — баловаться (*ветлужск.*).

Двоеданы — платящие двойную подать; одно из названий старообрядцев.

Блинодел — фальшивомонетчик (*жарг.*).

То есть освобождали из предварительного заключения за недоказанностью вины, но оставляли «в сильном подозрении».

Лаванда — то же, что и малина, т. е. тайный притон (*жарг.*).

Бить плесом — доносить (жарг.).

Платье покроя принцесс — приталенное под грудью; носилось барышнями.

Макаassarское масло — от названия г. Макаassar в современной Индонезии — средство по уходу за волосами, смесь прованского масла и красной растительной краски.

Дибить — спрашивать (*ветлужск.*).

Дрогист — оптовый торговец фармацевтическими и химическими препаратами.

Оберышить — обнаружить (*ветлужск.*).

Банковая монета — рубль, 50 и 25 копеек. В отличие от разменной (20, 15, 10 и 5 копеек) монета чеканилась из высокопробного серебра и была «толстой».

Артоланы — птицы, фаршированные смесью из белого в молоке хлеба, яиц, зелени и грибов. Шнельклопсы — отбивные в панировке. Троишная икра готовилась на заказ по особой технологии: обливалась крепким рассолом, после чего сушилась. Самый дорогой в России вид икры.

Лансировать — вводить в моду, в обращение.

Тумашиться — пьянствовать.

Дудор — хлам, мусор (*ветлужск.*).

То есть буквой «п».

Течение австрийского согласия — беглопоповцы (один из старообрядческих толков).

Иконы в России не покупали, а выменивали на деньги. Учитывая культовый характер товара, старались избегать «торговых» оборотов и даже деньги не давали в руки, а оставляли на прилавке.

Тябло — киот, угловая доска для икон (*ветлужск.*)

Заурья — лучший сорт астраханской селедки.

Prix fixe — твердая цена.

Бонмезонный — из лучшего дома.

Тирбушоны — локоны, туго свитые в спираль.

Гречневик — крестьянская шляпа.

Залокошница — летняя женская сорочка с рукавами выше локтя.

Косушка — 0,307 литра. Маленький ковш — шкалик — 0,0615 литра.

Цинтовка — исправительная тюрьма (*жарг.*).

Бимбары — карманные часы. Рыжие — золотые (*жарг.*).

Фрей — сообщник (*жарг.*).

Малашка — поддельный паспорт (*жарг.*).

Погонянка — каторга (*жарг.*).

Сорга — деньги (*жарг.*).

Грант — грабеж (*жарг.*).

Переводная контора — отделение банка.

Пробойный — дерзкий (*жарг.*).

Дуван — дележ воровской добычи (*жарг.*).

Сейчас г. Куберганя в Республике Саха (Якутия).

До занятия должности министра внутренних дел граф Д. А. Толстой был в том числе и министром народного просвещения.

Накидалище — одежда (*жарг.*).

Положить голову на рукомойник — убить (жарг.).

Эменсэ — блюдо из разных сортов мяса (говядины, баранины и дичи), тушенного с овощами, грибами и зеленью.

Шерешпер, водный конь — названия жереха.

Сентильный — пожилой, старческий.

Безопасный велосипед — велосипед, у которого заднее и переднее колеса одинакового размера.

Блатер-каин (барыга, маклак) — скупщик краденого (*жарг.*).

Портяночники — мелкие грабители (*жарг.*).

Голбец — подпол (*ветлужск.*).

Бим-баша — майор в турецкой армии.

Указанные документы выдавались призванному в армию для прибытия к месту прохождения службы.

На Каменщиках — Таганская городская тюрьма.

Шпайка — огнестрельное оружие (*жарг.*).

Победа — беда, несчастье (*жарг.*).

Зорик — объект, намеченный для ограбления (*жарг.*).

То есть десять тысяч рублей.

Кишеня — карман (*жарг.*).

Кортома — аренда.

Капорник — доносчик (*жарг.*).

Щаска — счастье, удача (*жарг.*).

Второй закон — второй раз.

Понт — ограбление (*жарг.*).

Сухари! — Пустяки, ерунда! (*жарг.*)

Уборка — похороны (*жарг.*).

Поимочное свидетельство — решение суда о заочном приговоре и розыске преступника.

Иерусалимские дворяне — пренебрежительная кличка евреев в то время.

Лонись-лонской — в прошлый раз (*сибирск.*).

Ходить в чужой кавалерии — носить форму и награды отставного воина (кавалера).

27 сентября по старому стилю.

Фукс — случайно забитый на бильярде шар.

Бержерка — пастушка.

Отец с сыном — холодный поросенок с ветчиной. Грешная каша — гречневая.

Блатноги — извозчик — сообщник воров (*жарг.*).

Кле — вещи (*жарг.*).

Набздюм — вдвоем, на пару (*народн.*).

Дубак — мужчина, мужик (*жарг.*).

Чевый — хороший (*жарг.*).

Окорока — меховые вещи (*жарг.*).